
АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
ДУША
«ОДИНОЧКИ»

Annotation

3828 год.

Зловещее наследие галактической войны — искусственный разум, известный, как «Пакет программ независимого поведения «Одиночка». Многие годы данная киберсистема считалась жутким порождением запредельных военных технологий. Однако когда в прямом нейросенсорном контакте с киберсистемой находится человек, возникает двусторонняя связь и часть личности пилота остается на искусственном носителе... даже после его смерти.

Андрей Ливадный Душа одиночки

Пролог

Адмиралу флота Тиберию Надырову.

Входящее сообщение по каналу ГЧ.

Дата 17 июня 2610 года.

Источник данных: Командир отдельного серв-батальона, капитан Нестеров.

Докладываю, что в ходе боевых испытаний вверенного мне серв-батальона, пострадало (выведено из строя) двенадцать единиц планетарной техники, в том числе пять серв-машин класса «Фалангер» и семь класса «Хоплит».

В ходе испытаний установлена непригодность программного пакета «Одиночка» к эффективным действиям против машин аналогичного класса, управляемых непосредственно людьми из состава группы пилотов-испытателей.

Подробный отчет в форме телеметрических данных прилагается.

…

Капитану Нестерову, от флагмана флота.

Передано по ГЧ с крейсера «Тень Земли».

Дата 17 июня 2610 года.

Приказываю прекратить испытания, до особого распоряжения командования.

Адмирал Тиберий Надыров.

…

Директору Научно-исследовательского центра Говарду Фарагнею.

В виду неудовлетворительной работы программного пакета «Одиночка», приказываю произвести дополнительные исследования и представить обновленный пакет программ независимого поведения в срок до 1 сентября 2611 года.

Адмирал флота Тиберий Надыров.

…

Главе Всемирного правительства, президенту Земного Альянса Джону Уинстону Хаммеру.

Довожу до Вашего сведения, что требования, предъявленные адмиралом флота Тиберием Надыровым, по разработке обновленного пакета программ независимого поведения, представляется невозможным, по крайней мере, в указанные им сроки.

Прошу передать в прямое подчинение Центру Исследований испытательные полигоны, а так же отдельный серв-батальон, который надлежит доукомплектовать пилотами из числа офицеров, имеющих опыт реальных боевых действий.

Директор НИЦ-17 Говард Фарагней.

…

Командующему силами планетарной обороны системы Юнона, генералу Дерюгину.

Приказываю передать в распоряжение директора НИЦ-17, полковника Говарда Фарагнея секретный объект «Гамма», со всей принадлежащей инфраструктурой. Охрану объекта осуществлять прежними силами в установленном режиме.

Джон У. Хаммер.

…

Секретно.

Директору НИЦ-17-Гамма Говарду Фарагнею.

Входящее сообщение.

Дата: 3 декабря 2614 года.

Источник данных: Командующий объединенной группировкой сил космического десанта генерал Лесли Хомиртайн.

В виду хронического некомплекта личного состава десантных подразделений предлагаю рассмотреть вопрос о тиражировании матриц кристалломодулей «Одиночка» для их дальнейшей интеграции в системы серв-машин, а так же андроидов пехотной поддержки, поступающих с заводов-изготовителей.

…

Передача по внутренней сети объекта «Гамма»

Секретно.

Начальнику отдела вторичного тестирования майору Земцову.

Приказываю прекратить стерилизацию нейросетей кристалломодулей «Одиночка», поступающих в лаборатории с театров боевых действий.

Осуществлять накопление матриц сознания погибших пилотов, вплоть до особого распоряжения.

Обеспечить повышенную секретность, и усиленную охрану хранилища.

Директор.

…

Секретно.

Входящее сообщение.

3 января 3637 года.

Директору НИЦ-17-Гамма.

Источник данных: Объединенный штаб флота.

Передача по каналу ГЧ с борта флагманского крейсера «Интерпрайз».

Для осуществления сортировки матриц «Одиночка» в ваше распоряжение направлена группа специалистов штаба флота.

Приказываю обеспечить прибывающим офицерам полный доступ к работам по проекту «Линия огня».

Главнокомандующий объединенными силами Земного Альянса адмирал Табанов.

За три месяца до капитуляции военно-космических сил Земного Альянса. База «Гамма» Сортировка по проекту «Линия огня».

Бой.

Техногенный ад.

Апокалипсис, в прочтении двадцать седьмого века от Рождества Христова.

Лазурное небо над головой.

Черные, растущие на глазах точки.

Шлейф дыма, отнесенный в сторону взрывной волной.

Секунда гложущего разум страха, который тает, по мере приближения звена «Гепардов».

– Уклоняйся! Дуглас, уклоняйся! Они атакуют, передаю вектор…

Две серв-машины в окружении взвода андроидов, – стандартная мобильная боевая единица Альянса.

Город, превращенный в дымящиеся руины, остовы боевых машин, чадно догорающих меж иззубренных стен зданий… Рваная тишина в коммуникаторе, удары сердца, которые, как кажется, слышны на несущей частоте связи.

– Хорошо, майор, отлично… Работаю на прикрытие. Держись!

Торс «Хоплита» рывком поворачивается, одновременно приподнимаясь вверх, словно исполинская серв-машина решилась взглянуть в глаза своей, рушащейся из поднебесья смерти.

На консолях управления сложный танец индикационных сигналов меняет свой ритм, но разум не сосредотачивается на их прочтении, – там, где счет противостояния идет на миллисекунды, нет ни времени, ни смысла в показаниях многочисленных приборов.

Ты либо рожден пилотом, либо нет, третьего не дано,

Единство между человеком и машиной – это не навык, а скорее состояние души, хотя мало кто из пилотов вспоминает о том, что у него есть душа. Достаточно одного дня войны, чтобы рухнуло любое, самое устойчивое мировоззрение.

Реальность… Фрайг бы ее побрал, но она тут, в истощенном рассудке, и выбить ощущение близкой материализованной смерти, может только сама смерть…

Парадокс.

Сколько мыслей прессуют в себе мгновения жизни, особенно когда они прожиты взахлеб, на порыве эмоций, который сдерживает, уравновешивает лишь ледяной рассудок «Одиночки», соединенный с человеческим разумом посредством тонкого, изгибающегося, будто пригревшаяся на солнышке змея, глянцевито-черного шунта нейросенсорного контакта.

Одна душа на двоих, словно стержень, цементирующий единство человеческого разума и искусственной нейросети.

Машина учит человека жить в ритме миллисекунд, он же взамен отдает ей часть своего «эго», даруя чувства, ощущения, эквивалентные боли, страху, надежде, торжеству победы и смертельному ужасу поражения.

Все это запомнит «Одиночка».

Он будет мертв, но серв-машина останется *жить*.

Именно жить, ибо на ее действия навек ляжет отпечаток души пилота, его самосознания.

Ложь, что кибернетическая нейросистема перенимает исключительно боевые навыки человека.

Нет. Она забирает все, – не родился еще на свет такой пилот, кто не думал бы в критические секунды о вечных дилеммах бытия, совмещая мысли о вечности с конкретикой бушующего вокруг техногенного ада.

«Одиночка» пьет адский коктейль человеческих мыслей, словно шунт нейросенсорного контакта лишь соломинка, через которую перетекают байты навек оцифрованной души.

– Работаю на прикрытие!...

Слова эхом застряли хрипящей тишине, и вот она взрывается воем: одна за другой уходят с подвески оружейного пилона тактические ракеты, озаряя факелами реактивных двигателей обугленные руины зданий.

Алые точки рассыпаются веером, их строй еще не сломан, но единство уже нарушено: часть орбитальных штурмовиков, выполняя

противоракетный маневр, вышли из конуса атаки.

– Держись Марк! Только не обнаруживай себя!

Вокруг полыхает огонь пожарищ. Тепловая засветка такова, что сенсорные системы «Гепардов» не в состоянии обнаружить тяжелого «Фалангера» застывшего меж руин. У машины Дугласа критическое повреждение – разбит гироскоп системы самостабилизации, отчего грозный кибермеханизм превратился из мобильной единицы в статичную огневую точку.

– Эхо-4, на связи ноль-семь. Критические повреждения ведущего. Срочно требуется поддержка носителя.

– Ноль семь, это Эхо-4, слышу вас. Направляем «Нибелунг» по пеленгу. Обеспечить прикрытие зоны посадки!

– Понял.

«Гепарды» на бешеной скорости пронеслись над самой рубкой, сотрясая руины ревом реактивных двигателей, и тут же, не ломая строй, начали боевой разворот с заходом на цель, – очевидно, их сенсоры все же сумели распознать среди огня, дыма, десятков подбитых машин россыпь активных сигналов мобильной группы.

В последний момент, один из орбитальных штурмовиков резко отработал двигателями торможения, отставая от группы и одновременно окутываясь яростными сполохами бортового залпа.

Медленно падала подрубленная взрывами стена.

Оторванная конечность андроида, поблескивая на солнце, летела сквозь свитый в тугие смерчи дым.

Теперь они за спиной, но Дугласу не развернуть машину, майор прочно застрял, с трудом удерживая «Фалангера» в равновесии.

Значит, работать в одиночку.

«Гепарды» удалялись. Тот, что атаковал андроидов, резко ускорился, восстанавливая строй. Падучие звезды тепловых ловушек и ложных радарных целей, походили на праздничный фейерверк… или похоронный салют, с какой стороны посмотреть…

Ничья.

Они уклонились от ракетного залпа, но и сами прошли «впустую», не считая двух уничтоженных человекоподобных машин.

Атакующая полусфера блокирована. Процесс перезарядки тактического боекомплекта.

Блокирована, говоришь? – Мысль была адресована «Одиночке».

Действительно между «Хоплитом» и удаляющимися «Гепардами» возвышалась иззубренная, покрытая палеными шрамами бетонная стена.

Ее пересекала трещина, часть постройки осела, нависая над внушительной воронкой, удерживаясь лишь на обнажившемся каркасе арматуры.

Не успеешь. Идет процесс перезарядки. – Комментарий киберсистемы был категоричен.

Секунды. Как невыносимо долго они текут…

Смерть звала. Она растекалась над руинами бледным заревом неживого света, а в рассудке, заглушая рокот боя, звучала мелодия, вырванная из далекой довоенной поры.

Белый вальс.

Он не рвался на эту войну. Война сама забрала его, как ежедневно забирала тысячи молодых ребят.

Она жрала их жизни сотнями, не ведая сытости.

– Держись Марк! «Нибелунг» на подходе. Атакую!

Машина протестовала, но в кресле пилот-ложемента сидел человек.

Дымящиеся после залпа пусковые тубусы только откинули крышки, готовясь принять из выдвинутых решетчатых лотков новую партию ракет, но лейтенант Алан Мерфи уже принял приглашение невыразимо притягательной дамы, зная, что прекрасный неземной лик обернется в последний момент желтозубым оскалом костлявой старухи…

Был белый вальс…

Вот что на самом деле пьет «Одиночка» через глянцевитый шунт.

Шаг.

Активаторы серв-машины взвыли от перегрузки первого стремительного па.

С ноющим визгом над дымящимися тубусами ракетных установок выдвинулись две независимые подвески импульсных лазеров.

Сорокатонный «Хоплит» держал равновесие уже не по данным гироскопа, а исключительно благодаря воле пилота. Его разворот на одном ступоходе, с одновременным лазерным залпом, разрезавшим прутья арматуры, действительно походил на стремительное движение смертоносного танца.

Часть здания обрушилась в воронку, открывая сектор обстрела, натужно взвыл активатор левого ступохода, со стоном принимая вес серв-машины, и бледные разряды когерентного света ударили вслед удаляющимся «Гепардам».

Черно-оранжевые бутоны разрывов расцвели в лазурных небесах, брызжа осколками обшивки орбитальных штурмовиков, не успевших завершить боевой разворот.

Он хотел оттолкнуть смерть, оставив на память эти мгновенья страшной близости, но не смог.

Два «Гепарда» уцелели. Они уже развернулись и теперь неслись в лоб обозначившему себя «Хоплиту», протягивая к нему толстые шнуры лазерных лучей, вдоль которых скользили инверсионные росчерки ракетного залпа.

Прекрасная незнакомка не разжала крючковатых пальцев.

Удар когерентного излучения прожег лобовой скат брони, жалящий луч прошел сквозь кресло пилот-ложемента…

Боль.

Прогорклый запах сгоревшей изоляции, сладковатые флюиды обугленной плоти, бесноватый покой…

А она красива, даже когда сбросила капюшон.

Смерть?

Или начало новой жизни?

Где гасло сознание пилота, там вдруг восставало из пепла освобожденное сознание *Одиночки*..

Еще не человек, но уже не машина, сорокатонный «Хоплит», оттолкнул образ старухи, но не вышел из ритма смертельного танца.

Теперь и он умел делать это.

Рывок.

Тонкий визг активаторов, бешенный, невозможный с точки зрения традиционной программной логики поворот вокруг оси, с опорой на один ступоход, и вот он стоит на прежней позиции, прижавшись к уцелевшему участку бетонной стены, вкусивший вечность, потерявший пилота, но продолжающий *жить*, назло, вопреки разрывам, кромсающим землю в десяти метрах от него.

– Держись Марк… – Прохрипел синтезированный голос. – «Нибелунг» на подлете. Я *сделаю их.*

Майор Дуглас не мог ответить. Он был мертв вот уже десять минут.

Техногенный ад не отпускал людей.

Ракетные комплексы уже перезарядились, когда два «Гепарда», едва не цепляя днищем руины зданий, начали набирать высоту.

Обе установки «Хоплита» окутались дымными шлейфами залпа.

…

Голоса.

Они шли из глубины вечности, воспринимаемые как шепот…

– Критический момент пройден. Нейросеть стабилизирована.

– Запускаем полигон «Линии Огня».

– Есть устойчивый контакт. *ОН там.*

…

Кто ОН?

Киберсистема «Хоплита» очнулась от информационного шока, возникшего в момент физической гибели пилота.

Над руинами зданий рассыпались падучими звездами обломки орбитальных штурмовиков.

– Марк ты меня слышишь?

Тишина.

Сенсорные системы – максимальная мощность. Сканирование по сфере.

Я не рвался на эту войну.

Первый шаг меж укутанных дрожащим маревом руин.

Где же «Нибелунг»?

Лазурные чужие небеса.

Разрушенный город. Что это? Откуда идет ощущение глобального сбоя?

Что мы ищем тут, вгрызаясь в нашпигованную металлом землю?

Не думай об этом. Твоя задача выжить. Продержаться. Во что бы то ни стало.

Цель оправдывает средства?

Он не понимал, что блуждает в потемках оцифрованного подсознания пилота.

Тело человека уже остыло в объятиях ложемента, но, тем не менее, он продолжал жить в сознании «Одиночки».

Перед мысленным взором, будто тяжкие призраки, внезапно возникли контуры серв-машин.

Четыре «Беркута» колониальных войск.

В такие моменты промедление недопустимо. Доли секунды на анализ, далее действие, иначе поражение неизбежно.

Системы вооружений – статус – *активировано.*

Предварительное наведение.

Он точно рассчитал залп. Человек научил его многому, в том числе и принятию интуитивных, нестандартных решений, когда численный перевес противника, его огневая мощь уравновешиваются искусством боя, – этого смертельного *танца*, не поддающегося счислению при помощи стандартных программ.

Серв-машины врага двигались по чудом уцелевшему отрезку автострады, опирающейся на мощные бетонные опоры.

Залп в две точки подрубит несущие конструкции, и полотно автобана рухнет, увлекая за собой тяжелые шестидесятитонные машины.

Массивные опоры рванулись навстречу, – заработала система оптического увеличения. Прицел должен быть абсолютно точным. Только стопроцентное попадание в определенную часть конструкции гарантировало успех.

Визиры окончательного наведения зардели алым.

Движение.

Он сначала почувствовал, а уже потом распознал его десятком работающих на пределе возможностей сенсорных систем.

Маленькая девочка, лет пяти, медленно, словно в полузабытьи брела через руины.

Она двигалась ровно на линии огня.

…

Голоса.

Шепот, измеряющий отрезки вечности.

– Пять секунд задержки… Десять… Пятнадцать…

– Тест провален. Он не выстрелит.

– Отключение полигона.

Свет померк, но голоса не исчезли.

– Брак?

– Не знаю, Стивен.

Шелест привода, подающего отбракованный кристалломодуль из недр испытательной консоли.

– Пожалуй, определи его в третью категорию. Пусть пройдет повторный тест на полигоне для андроидных групп пехотной поддержки.

– Но он не произвел залпа!

Шепот вдруг становиться яростным, шипящим, будто звук издает не человек, а змея:

– У нас совершенно не осталось людей, Стивен. Приказ командующего очевиден, мы не имеем права разбрасываться матрицами пилотов. Ему найдется применение, пусть не в рубке «Хоплита», значит в иной ипостаси. На повторное тестирование в третью группу. Кто у нас следующий?

– Майор Дуглас. Погиб в том же бою, управляя «Фалангером».

– Давай кристалломодуль. Запускаем «Линию Огня».

Часть 1. Точка отсчета

Глава 1.

Планета Ганио. Зона деловых контактов бизнес-центра «Свободный Космос».

Зураб Аль Араги старший наследник Клана Земкуль, был разочарован. Более того, он чувствовал себя униженным, – подумать только, ему предлагали послать лучших наемников, ради организации смехотворного на его взгляд предприятия! О чем они думают, эти два надутых миллионера с благополучного Стеллара? Неужели старик со своим сыном решили, что командир двух тысяч наемников, будет разговаривать с ними, обсуждая нищенские проекты?!...

Зураб не имел привычки скрывать свое раздражение, поэтому его ответ прозвучал в достаточно резкой форме.

На несколько секунд в просторном, шикарно обставленном кабинете повисла неловкая тишина, вызванная явной грубостью ганианца.

Однако дряхлого старика, одетого в строгий старомодный костюм, и его франтоватого сына оказалось не так просто смутить.

– Вы считаете, что туристический бизнес – это фуфло? – Молодой человек элианской внешности улыбнулся с искренним сожалением, очевидно, сочувствуя деловой недальновидности своего собеседника. – У нас с вами разные профили деятельности, господин Аль Араги. Я, к примеру, могу возразить, ответив, что один гостиничный комплекс на Земле приносит – не удивляйтесь, – в два раза больше денег, чем аналогичная постройка на Дионе.

– Я не удивляюсь. – Хмуро обронил Аль Араги. Встать и уйти ему не позволяли рекомендации старейшин Клана, которые, собственно и настояли на этой дурацкой встрече. Зураб занимался оружием, наркотиками, угонами космических кораблей, боевым сопровождением рискованных сделок, но никак не извозом скучающих туристов.

– Тогда давайте не будем возвращаться к темам финансовой целесообразности тех или иных проектов. – Каркающим старческим голосом развил мысль своего сына сэр Оливер (так он представился Зурабу). Моя корпорация не вкладывает деньги в проект, предварительно не изучив долгосрочную перспективу инвестиций. – Назидательно изрек он, чем еще больше разозлил ганианца. Заметив пунцовые пятна, которые проступили на щеках наследника Клана даже сквозь знаменитый бронзовый загар (следствие жесткого излучения звезды Халиф), он решил

смягчить обострившуюся ситуацию.

– Господин Аль Араги, давайте условимся: неважно, где мы находимся в данный момент, что собираемся предпринять в перспективе… главное в наших с вами отношениях – это деньги. Мы готовы платить по двойным расценкам и даже больше. Такая трактовка вас устроит?

– Хорошо. – Несколько смягчился Зураб. – Но не думайте, что я стану работать «в темную». Это не мой стиль.

– А каков ваш стиль, господин Аль Араги?

– Максимум информации. Никаких ограничений в способах достижения конечного результата. Стопроцентная предоплата.

Брови молодого человека медленно приподнимались, по мере того, как старший наследник одного из кланов Ганио излагал свои условия.

– Звучит фантастично. – Наконец холодно произнес он.

– Я гарантирую результат. – Зло отреагировал ганианец.

– И самонадеянно. – Словно попугай повторил за сыном старик.

Аль Араги встал.

– В таком случае, нам не по пути. – Он не мог более выслушивать этих лощеных предпринимателей с далекого Стеллара, даже ради перспективы хорошей прибыли. Аль Араги привык к хроническому конфликту с Галактическими законами, и потому два законопослушных налогоплательщика, промышляющие туризмом, попросту вызывали у него чувство омерзения.

Сзади послышались неторопливые шаркающие шаги. Очевидно, старик встал из кресла и решил успокаивающе похлопать по плечу несговорчивого ганианца.

Резко обернувшись, Зураб продемонстрировал компактный, невесть каким образом оказавшийся в его ладони микролазер.

За спиной, скрестив руки на груди, действительно стоял седой джентльмен.

– Какой печальный итог деловой встречи. – Укоризненно покачав головой, произнес он.

Аль Араги не стал ждать продолжения. Он не относил себя к категории людей, на которых можно грубо надавить и диктовать условия, используя в своих целях. От подобного рода поползновений он привык избавляться сразу. У себя на родине эти наглецы могли быть кем угодно, хоть миллиардерами, хоть министрами, но, прежде чем прилететь на Ганио им следовало усвоить, что Колыбель Раздоров признает лишь один закон – волю Кланов, чьим наследником он являлся.

Разряд микролазера, способный прожечь пятимиллиметровую броню,

ударил точно в лоб старику, Зураб мгновенно обернулся и алое пятнышко целеуказателя застыло между глаз молодого бизнесмена.

Вторично нажать сенсор Аль Араги не успел.

– Это была отличная пеноплоть, придурок. – На этот раз голос за спиной прозвучал с явными нотками раздражения.

Аль Араги на миг оторопел, что не случалось с ним уже очень давно.

Оружие в руках было сотни раз испытано в деле, а смотреть как кипят человеческие мозги он не любил, поэтому, произведя выстрел, не стал контролировать результат, и сразу перенацелился на молодого пижона.

Теперь ему пришлось медленно обернуться, соображая, где вышла осечка?

За спиной стояло *два* пожилых джентльмена. У одного во лбу красовалось крошечное еще курящееся легким дымком отверстие, кожа вокруг него почернела, лопнула и завернулась, но старик, продолжал твердо стоять на ногах.

То, что рядом с ним находиться оптический фантом, Аль Араги понял сразу, по легкому, едва приметному для глаза дрожанию воздуха.

– Ну и что это значит? – Не потеряв самообладания, осведомился Зураб.

– Только то, что, собираясь на встречу с вами, мы предусмотрели разные варианты развития событий. Ни меня, ни Юргена не устраивала перспектива гибели, в результате вашей, кстати, известной всем, несдержанности, господин Аль Араги. Поэтому нам пришлось заказать двух андроидов. Как вы знаете, стрелять в голову дройда бесполезно. – Не без иронии заметил он.

– Туристический бизнес, значит? – Хрипло хохотнул Зураб.

– А почему бы и нет? – Пожал плечами фантом пожилого человека. – Любой крупный бизнес неизбежно сопряжен с определенными неудобствами. Учитывая, что прибыли нашей корпорации исчисляются миллионами кредитов, несложно понять: время от времени находятся самоуверенные люди, считающие своим долгом оторвать для себя долю наших капиталов. Все совершают одну и туже ошибку, господин Аль Араги. Вы с презрением произнесли слово, означающее род нашей деятельности, а на самом деле галактический туризм, – это огромная финансовая империя, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Ну и что желает великий император от наемников? – Саркастически осведомился окончательно сбитый с толку Зураб.

– Иронизируете? Это хорошо. Значит, мы можем забыть об отверстии во лбу дройда и попробовать сначала. Хочу лишь предупредить, что любая

утечка информации может привести к необратимым последствиям. Речь идет о миллиардных суммах и перспективном направлении развития одной из планет. Не больше и не меньше. – Старик опять говорил с менторскими нотками в голосе, и Зураб подумал: может он действительно знает себе цену? В конечном итоге, немного поостыв от гнева и оправившись от удивления, наследник могущественного клана начал мыслить более здраво.

– Хорошо. – Он сел. – Давайте попробуем сначала.

Фантом устроился в кресле напротив.

– Юрген, приготовь господину Аль Араги кофе.

Андроид, изображавший Юргена, неслышно направился к расположенной в дальнем углу помещения барной стойке. Зураб невольно проследил за ним, но ни его взгляд, ни слух не смогли определить, что это машина.

Зачем им наемники? Этот андроид с одинаковой легкостью сможет не только сварить кофе, но и выполнить любое другое задание. При этом он все сделает с точностью машины, оставив следы, присущие человеку.

Фантом перехватил его взгляд.

– Зачем вам наемники? – Задал Зураб прямой вопрос. – Поясните, сэр Оливер.

– Я вижу, вам понравилась копия Юргена? Наверное, не ошибусь – у вас чешутся руки проделать еще одну аккуратную дырочку, чтобы убедиться в том, что он механизм? Зрение, слух ничего не помогает сделать однозначный вывод, верно?

– Да. С таким я еще не сталкивался. – Признал Зураб.

– Это еще раз должно убедить вас в серьезности нашего бизнеса. Подобные модели андроидов изготавливаются исключительно на заказ, и обслуживают очень состоятельных туристов.

– Вы хитры, как змееед с Прокуса. – Настроение Аль Араги необъяснимым образом совершило скачок от ярости к благодушию. – Уходите от ответов, не забывая при этом ужалить. Да, мой мир беден в плане высоких технологий, но богат смелыми людьми.

Старик усмехнулся.

– Хорошо, давайте поговорим о смелых людях. – Тут же согласился он. – Мой замысел по стечению обстоятельств как раз сопряжен с громадной степенью риска. Мне не жаль дорогих машин, в конечном итоге цель оправдывает средства, но там, куда мы собираемся отправить ваших бойцов, любая, самая совершенная киберсистема обречена на поражение. Поэтому мне потребовалась группа профессионалов из числа людей.

– Я весь внимание. Продолжайте. – Аль Араги принял из рук

андроида чашку с кофе, ощутив, что пеноплоть машины *теплая*.

– Итак, речь пойдет о закрытом на карантин мире.

– Одна из колоний Земного Альянса? – В глазах Зураба мелькнула искра неподдельного интереса.

– Вы проницательны. Интересующая нас система расположена недалеко от Земли.. Это Везувий, одна из планет так называемой «Линии Хаммера». Последний рубеж обороны прародины в прошлой войне.

Аль Араги сделал глоток кофе и поставил чашку на столик, расположенный между креслами.

– Наверное, вас снабдили ложной информацией относительно потенциальной угрозы данных миров. – Поправил он Оливера. – Прошло более тысячи лет со дня капитуляции Альянса. Время беспощадно… – Зураб откинулся на спинку кресла и продолжил: – Оно разрушает даже самые надежные механизмы. Соглашусь что планеты неухоженные, больше смахивают на свалку, но самая большая опасность там – это получить пару переломов костей, при путешествии по руинам.

– Откуда такие подробные сведения? – Заинтересованно подался вперед его собеседник.

– Я бывал на двух мирах Линии Хаммера. – Не видя смысла скрывать правду, ответил Аль Араги. – Когда только начинал свою карьеру наемника. – Добавил он.

– Вы действовали по чьему-то заданию? – Обеспокоился сэр Оливер.

– Нет, я преследовал личные интересы. Каждый юноша, принадлежащий Клану, должен совершись свой хаджаг[1], чтобы заслужить право называть себя мужчиной. К тому же, начинать карьеру наемника «с нуля» всегда сложно. Поэтому я набрал отряд сверстников, и мы отправились в космос, чтобы добыть себе славу, а заодно оружие, оборудование, ну и прочие, необходимые любому воину вещи. Мы ограбили одно из дрейфующих в космосе кладбищ кораблей, а затем побывали на двух планетах – Новой Земле, в системе Проксимы Центавра и Юноне, – она обращается вокруг Альфы Малого Пса. – Блеснул своими астрономическими познаниями Аль Араги.

– Когда это происходило?

– Пятнадцать лет назад.

– Вы встречали на поверхности планет активные киберсистемы? – Включился в разговор Юрген.

– Да, пару раз мы сталкивались с андроидами боевой модификации, и однажды с серв-машинами класса «Хоплит». С нашей стороны обошлось

без жертв. Техника старая, работает ненадежно, короче – много шума, при минимальной угрозе. Мы справились без особого труда.

– Серв-машины были оснащены модулями «Одиночка»?

– Вот этого я не проверял. Знаете, сэр Оливер, после попадания в рубку кумулятивно-зажигательной ракеты там все превращается в обугленную массу. – Усмехнулся Зураб.

Его собеседник понимающе кивнул.

– Это очень хорошо, что вы знакомы с обстановкой на Новой Земле и Юноне. Хотя нашу корпорацию интересует исключительно Везувий. Крайне колоритное местечко, что немаловажно для нашего бизнеса. Ученые утверждают, что так выглядела Земля сразу после зарождения жизни – первобытные океаны, масса вулканов, примитивная органика, низкий процент кислорода в атмосфере, постоянный парниковый эффект… И, плюс к этому, – инфраструктура хорошо защищенных военных баз Альянса. – Как бы между прочим добавил он.

– Я знаком с обстановкой на Везувии. – Ответил Зураб. – Мы произвели разведку, но не стали соваться туда из-за высокой вулканической активности. Зачем нужен дополнительный риск, когда все необходимое можно было достать на Новой Земле или Юноне?

– Справедливо. Но в нашем случае Везувий имеет первостепенное значение.

– Вы так и не назвали ни целей операции, ни суммы сделки. – Улыбка Зураба стала похожа на оскал. – Хватит пустопорожних рассуждений, сэр Оливер. Я сказал, – вы меня заинтересовали. Давайте перейдем к делу.

– С удовольствием. Итак, туристический бизнес. Это понятие включает в себя широкий перечень услуг, оказываемых нашим клиентам. Мы поддерживаем порядка ста тысяч туристических маршрутов, предлагающих, как нам казалось, весь спектр мыслимых впечатлений и условий для отдыха. Однако последние исследования отдела перспективного планирования показали, что существует серьезная прослойка потенциальных клиентов, долгое время остававшихся вне поля нашего зрения. Я употребил термин «серьезная» потому что этих людей много и они весьма состоятельны.

– И зачем им понадобился Везувий? – Зураб уже поклялся себе, что выжмет из старика всю возможную информацию. Вспышки гнева, резкое поведение, способность походя убить человека, мало задумываясь о последствиях, – все это являлось частью атмосферы извращенных законов, бытующих на Ганио. Планету не зря именовали «Колыбелью Раздоров». Однако Зураб Аль Араги был не настолько ограничен, как могло показаться

с первого взгляда. Помимо прочего он получил неплохое образование, умел вести самые сложные коммерческие сделки, и разбирался во многих вопросах, недоступных пониманию рядового ганианца.

– Их враг – скука. – Пояснил Юрген. – Этих людей не удивишь просторами Сферы Дайсона, золотыми пляжами Диона или ледовыми пещерами Эригона. Основная масса таких клиентов – материалисты, прошедшие суровую школу крупного бизнеса, поэтому их не устраивает заурядный туристический маршрут или виртуалка в качестве источника стрессовых впечатлений. Вы понимаете, о чем я говорю, господин Аль Араги?

– Догадываюсь. – Кивнул Зураб. – Экстремальные виды туризма?

– Сверхэкстремальные. Нашим потенциальным клиентам нужны *настоящие ощущения*, а не эрзац. Но при этом их не устроит перспектива долгих утомительных прогулок по руинам. Быстрый, эффективный, смертельно-опасный экстрим, обильно приправленный первобытными ландшафтами – вот за что они готовы платить солидные деньги.

– Не понимаю, в чем все-таки заключена проблема? Необходимо найти на этой свалке энное количество функциональной техники? Но это заранее не отвечает масштабам вашего проекта. К тому же там один хлам. Ваши клиенты будут разочарованы.

– Вот за этим вы и понадобились нам. Конечно, для корпорации не составит труда заказать партию механизмов, отвечающих требованиям, но, в том случае, если будет раскрыта подделка, наша репутация пострадает. Мы не можем этого допустить. Значит, машины должны быть настоящими. В идеале нас устроит определенное количество серв-машин с программными модулями «Одиночка». Естественно на каждом механизме должен присутствовать сигнальный маркер, чтобы спутники могли отследить местоположение каждого реликта.

– Вопрос, откуда взять серв-машины? – Зураб продолжал придерживаться избранной линии поведения. – Тот хлам, что сейчас шатается по руинам, не продержится и года при определенном наплыве желающих.

– Вот мы и подошли к основной части вопроса. – Произнес сэр Оливер. – Мне доподлинно известно, что на протяжении войны Земной Альянс производил огромное количество техники. Анализ сохранившихся документов показал, что лишь пятьдесят процентов кибернетических систем были востребованы на полях сражений. Возникает закономерный вопрос – где еще энное количество боевых единиц?

– Стратегический резерв. – Не задумываясь, подхватил его мысль Аль

Араги. – Они рассредоточены по строго засекреченным базам, примером может служить двенадцатый Омикрон. Кроме того, должны быть меньшие по масштабам опорные пункты, так называемые «схроны» – я слышал об их существовании.

– Прекрасно, что мы понимаем друг друга. Приятно общаться с профессионалом.

Аль Араги лишь покачал головой. Грубая лесть показалась ему неприятной.

– Господин Оливер, если моим людям удастся обнаружить и вскрыть резервные хранилища боевой техники Альянса, вашему бизнесу придет конец. – Назидательно произнес он. – Вы видимо плохо представляете себе, что такое исправная, укомплектованная серв-машина, с программным модулем «Одиночка» на борту. Посмотрите хронику Первой Галактической.

Оливер согласно кивнул.

– Я изучал вопрос, прежде чем выходить на вас с предложениями, господин Аль Араги. Естественно мы не хотим, чтобы наши клиенты подвергались *смертельному* риску, но пойти на откровенный подлог, как уже было сказано, равносильно провалу. Однако существует компромисс. Мне известно, что на консервационных складах РТВ[2] вся техника храниться в дезактивированном состоянии. Таким образом, ваша задача будет заключена в следующем: осуществить поиск хранилищ стратегического резерва, и проникнуть на их территорию, попутно уничтожив системы охраны.

– И? – Вопросительно приподнял бровь Зураб

– Остальное вас не касается. – Как можно мягче сообщил ему Юрген, но, увидев, как в глазах ганианца вспыхнули знакомые злобные огоньки, добавил: – Затем, в дело вступят наши технические специалисты.

Зураб нахмурился.

Этот благообразный джентльмен явно и много не договаривал. Или это я отстал от времени? – спрашивал себя Аль Араги, взвешивая «за» и «против». Сомнительный туристический бизнес. Хотя он мог без особого труда представить психологию людей, что, по словам Оливера, согласны платить огромные деньги за возможность «поохотиться» среди руин уничтоженных городов на реликтовые серв-машины.

Искоса взглянув на фантомный образ собеседника, Аль Араги засомневался еще больше. Если фантом хотя бы на пятьдесят процентов соответствует оригиналу, то сэр Оливер, человек тертый, не похожий на

авантюриста. Да и по манере разговора ясно, он десять раз подумал, прежде чем принимать далеко идущие решения.

Чтобы выиграть время, Аль Араги задал очередной вопрос, не по существу предстоящего задания.

– Хорошо, я не стану настаивать на разглашении коммерческих тайн. Просто поверю, что вашим техникам действительно по силам справиться с программами независимого поведения, занизив их потенциал до приемлемого уровня. А как вы собираетесь оградить своих клиентов ну хотя бы от такого непредсказуемого фактора, как элементарный разлет осколков, ведь насколько я понял все бортовое вооружение серв-машин останется настоящим? Вы в курсе, что радиус поражения тяжелой ракеты «Фалангера» составляет от одного до двух километров, в зависимости от «начинки» боевой части?

– Мне известны все тактико-технические характеристики основных типов серв-машин. – Спокойно ответил Оливер. – Вы, очевидно, не поняли или не расслышали, я ведь ясно сказал, что наши клиенты будут экипированы по *последнему слову техники*. Изюминка проекта заключается в том, чтобы люди могли побывать в той далекой эпохе, по настоящему ощутить вкус и запах близкой смерти, понять, что такое Война. Но, уверяю вас, жертв при этом не будет, по крайней мере, со стороны людей. Сейчас разработаны компактные генераторы суспензорного поля, при чем в их конструкции заложен вариатор напряженности. Готовя клиента к сафари, наши технические специалисты будут производить тонкую отстройку защиты, так, чтобы она гасила до восьмидесяти процентов кинетической энергии гипотетического осколка или снаряда, – то есть клиент в худшем случае получит болевой шок, но никак не смертельное ранение. При этом он будет уверен, что по счастливой случайности избежал смерти, – суспензорное поле низкой напряженности не имеет характерного зеленоватого свечения, и остается невидимо для человеческого глаза.

Дело серьезнее, чем я думал. – Выслушав старика, рассудил Аль Араги. При таком уровне предварительной подготовки в проект уже вложены приличные деньги, а значит, он будет реализован в любом случае.

Упускать такой шанс было бы глупостью. В конце концов, ему ведь нет никакого дела, прогорит Оливер со своим туристическим бизнесом или напротив озолотится. Ему предлагают конкретную работу, которую он в состоянии выполнить, а дальше, как справедливо заметил Юрген, не его дело, каким местом повернется капризная судьба к любителям экстремального туризма.

– Думаю, что мне ясна предстоящая задача. – Вслух подытожил он

свои мысли. – Нам остается решить главный вопрос, – условия оплаты.

– С этим нет проблем, господин Аль Араги. За каждый обнаруженный склад РТВ вы получаете сто тысяч кредитов. Наше сотрудничество, при его успешном развитии, может продолжаться до тех пор, пока на карте Везувия не останется ни одного белого пятна.

По идее Зураб должен был мысленно сосредоточиться на той поистине фантастической сумме, которую без сомнения добудут его люди, обнаружив не один десяток законсервированных складов боевой техники. Из всех планет Линии Хаммера именно Везувий подвергался в послевоенный период самому жесткому карантину, – это был единственный мир, откуда даже спустя столетие пытались осуществить старт боевые корабли Альянса.

Найти, точно обозначить координаты и обезвредить системы охраны.

Какой к Шиисту экстремальный туризм? *Повторная колонизация…*

Вот где крылся истинный интерес этого хитрого, двуличного «джентльмена». Теперь в голове у Аль Араги стала складываться боле или менее правдоподобная картина. Заявленный в разговоре «экстремальный туристический бизнес» являлся лишь побочным эффектом, дополнительной финансовой кормушкой. Подумать только, ну изворотлив… Аль Араги прекрасно понимал, что подразумевается под повторной колонизацией закрытых на технический карантин планет. Пусть пройдет сколько угодно времени с момента окончания войны, но освоение такого рода миров все равно останется делом трудным, рискованным, – для планомерной зачистки планеты потребуется, как минимум, содержать небольшую регулярную армию. Ан нет… Можно ведь подумать, извернуться и преспокойно таскать горячие угли чужими руками. Схема проста как все гениальное. Группы наемником находят и обезвреживает склады РТВ. Затем, когда все координаты найденных хранилищ боевой техники нанесены на карты полушарий, Оливеру останется подать заявку на повторную колонизацию, «пробить» данный вопрос через Совет Безопасности и…

Одной эскадры орбитальных бомбардировщиков, которую нетрудно нанять на Окраине, вполне хватит, чтобы массированным ударом уничтожить всю реликтовую технику. Круто, ничего не скажешь. Дальше вступали в законное действие чисто юридические нормы. Седьмая поправка к колониальному кодексу, как известно, гласит: "Организация, частное лицо, либо группа лиц, объединенных общей целью, осуществившая зачистку и освоение миров класса "С", получает право частной собственности на освоенные территории, вне зависимости от того,

чем были спровоцированы их действия – силой обстоятельств, или спланированным заранее волеизъявлением."

Умно. В эту минуту Аль Араги впервые по настоящему пожалел, что не имеет гражданства Конфедерации Солнц, иначе, он провернул бы этот план самостоятельно.

Впрочем, кто запретит жителю Ганио принять гражданство Содружества?

Зураб постарался успокоиться, чтобы не выдать охватившего его возбуждения.

Он уже решил все, в течение минуты мысленно присвоив себе все права на повторную колонизацию Везувия.

Он станет первым наследником Кланов, кто обретет в право собственности целую планету. Его предки, мечтавшие о создании Халифата, смогут гордиться своим потомком.

Мысли Зураба прервал Оливер.

– Вы согласны с условиями оплаты?

– Вполне. – Спокойным, уверенным тоном ответил Аль Араги. На первых порах он собирался делать именно то, на чем настаивали сэр Оливер и его сын. Он пошлет всех своих бойцов на поиски скрытых под руинами складов РТВ, и без зазрения совести будет получать солидные гонорары.

– В таком случае давайте встретимся завтра, в это же время, чтобы обсудить все детали предстоящей разведки. – Предложил Юрген. – Нам бы хотелось, чтобы предстоящая акция прошла в наикратчайшие сроки.

– Я пошлю на Везувий своих лучших людей. – Зурабу даже не пришлось изображать алчность, прозвучавшую в нотках его голоса. – Скажу больше, я сам возглавлю поисковые отряды.

– Это было бы идеально. Под таким опытным руководством ваши бойцы без сомнения добьются скорых успехов. – Подытожил сэр Оливер, вставая, чтобы подать ганианцу руку, но тут же криво усмехнулся, очевидно, вспомнив, что находиться в облике голографической проекции.

* * *

Когда за наследником Клана бесшумно закрылись двери дорогих апартаментов, старик обернулся к своему «сыну».

– Как он тебе понравился, Юрген?

– Нормально. Немного переиграл в конце. Пара миллионов конечно

солидная сумма, но не до такой степени чтобы старший наследник Клана лично порывался координировать действия диверсионно-разведывательных групп, подвергая себя неоправданному риску.

– Ты прав. Он подумал о повторной колонизации. Хочет увидеть все своими глазами.

– Тем лучше для нас. Пусть тешит себя иллюзией скорой власти и рвется навстречу смерти. Мысль о планете, которую он превратит в свою частную собственность, не позволит ему поделиться сегодняшним разговором с кем-либо. А это в свою очередь избавляет нас от риска утечки информации.

– Главное, чтобы в его окружении не нашлось грамотного специалиста по древним киберсистемам.

– Я проверял. Таких в людей у Аль Араги нет. Никто не сможет предупредить его, что один шаг, сделанный за черту охранного периметра любой базы РТВ, автоматически приведет к активации всех хранящихся на складе машин. Его отряды сгинут менее чем за сутки, – таков мой предварительный прогноз.

– А Везувий вновь начнет извергаться. – Сэр Оливер был доволен. – Блестящая кандидатура Юрген. Ты потрудился на славу. – Старик взглянул на старомодные наручные часы. – Сегодня у нас еще одна встреча с наемниками. На этот раз выбор кандидата принадлежит мне. С ним нужно играть на деньгах и… как ни странно – чести. У этого человека небольшой отряд, собранный из бывших космодесантников. Как раз то, что необходимо для разовой акции на границе с О'Хара. У нас осталось пятнадцать минут до назначенного срока.

* * *

«…как уже сообщалось, адмирал Альфред Ван Крейк, на протяжении последних пяти лет возглавлявший разведывательное управление Конфедерации Солнц, подал в отставку. Имя его преемника пока не названо, но независимые эксперты сходятся во мнении, что найти адекватную замену знаменитому адмиралу задача практически не выполнимая…»

Планета Элио. Неделей раньше…

Герхарда Коха действительно мало кто знал в лицо.

О нем не говорили как о заметной политической фигуре. На грани

слома эпох, когда прекратила свое существование первая Конфедерация Солнц, он был двадцатилетним выпускником Высшей Военной Академии Элио. Наступивший период безвластия Герхард встретил с внутренним ощущением ненужности, порой граничащего с отчаянием. Однако пять лет, проведенных на факультете внешней разведки, не могли пропасть всуе.

Воспитавшая его система, рушилась буквально на глазах, и галактлейтенант Герхард Кох на всю жизнь запомнил наглядный, болезненный урок новейшей истории.

К тому времени, когда Хараммины предприняли ставшую хрестоматийной атаку на Элио, стремясь раздробить Человечество путем уничтожения межзвездной сети Интерстар, Герхард уже далеко не бедствовал. У Коха имелось свое информационно-аналитическое агентство, репутация которого распространялась далеко за пределы планетного суверенитета системы Элио.

Ни для кого не секрет, что после Семидневной Войны возрожденная Конфедерация Солнц, принявшая в свой состав расы Логриан и Инсектов, испытывала острейшую нехватку квалифицированных кадров, поэтому неудивительно, что Герхарду Коху вскоре поступило предложение возглавить один из отделов Главного Разведывательного Управления формировавшегося при генеральном штабе флота.

Он принял назначение, и сделал это не ради денег или сомнительной в то время славы. Сорокалетнему Коху давно стало тесно в узких рамках частного агентства, ему казались мелкими и узкими интересы отдельных планетных правительств, было неприятно наблюдать, как хищные корпорации Окраины жадно рвут складывавшуюся на протяжении тысячелетия систему, в угоду своим сиюминутным выгодам.

Кох понимал – если новой Конфедерации не удастся быстро встать на ноги и окрепнуть, третьей попытки уже не будет: цивилизация окончательно канет в пучину хаоса раздробленности, где мелкопоместные (в общечеловеческом масштабе) планетные суверенитеты станут всего лишь островками, которые постепенно сойдут на гибельный путь экономического и политического регресса, и, в конечном итоге, их неизбежно поглотит Бездна ледяного космического пространства.

Кох мыслил именно так. В силу особенностей своей коммерческой деятельности он мог наблюдать за процессами, протекавшими на многих мирах, и предвидел неизбежный итог новой феодальной раздробленности Человечества.

Поэтому он не только принял предложение возглавить оперативный отдел разведуправления, – Кох пришел не с пустыми руками: вся созданная

им за двадцать лет агентурная сеть стала служить интересам возрожденного Конфедеративного Содружества.

Естественно, такая организация работы дала не только ощутимую, своевременную отдачу, но и радикально повлияла на дальнейшую карьеру Герхарда. За десять лет он прошел стремительный путь от начальника оперативного отдела до заместителя Директора Управления.

Однако даже на высоте обретенной власти он не изменил своим привычкам: Кох ни разу не появился, ни на одном из официальных приемов, по-прежнему не давал интервью, не делал громких заявлений на каналах галактических новостей.

Фигура одиозная, во многом загадочная: даже в узком кругу осведомленных лиц он машинально дистанцировался от коллег по генеральному штабу, словно скрываясь в тени адмирала Альфреда Ван Крейка, – высказывался редко, но исключительно информативно, сжато, по существу обсуждаемого вопроса.

Мало кто догадывался, что неприметный, вечно суровый полковник, на самом деле имеет гораздо больше влияния, чем стремится показать. Все громкие успехи адмирала, на добрых девяносто процентов принадлежали его заместителю. Однако Герхард не чувствовал себя ущемленным. Он планировал блестящие операции, довольствуясь тем, что имеет возможность реально влиять на внешнюю и внутреннюю политику Конфедерации Солнц, оставляя громкую (а зачастую – сомнительную) славу Альфреду Ван Крейку.

Теперь времена изменились. Вот уже пол года, как адмирал ушел в отставку, а Кох, получив очередное (и нужно сказать, давно заслуженное) звание, занял кресло Директора.

В чем-то работать стало сложнее, в чем-то проще, но главное – он сумел сохранить свою независимость, не попав под давление ни одной из влиятельных Галактических сил либо группировок.

…Огромный кабинет, расположенный на десятом уровне глубоко эшелонированного бункера, тонул в таинственном сумраке. Здесь все располагало к вдумчивой работе, начиная от ненавязчивого мерцания объемной карты Обитаемой Галактики, и заканчивая сложнейшими кибернетическими комплексами, позволяющими Герхарду, не выходя из кабинета, без преувеличения держать руку на нервном, аритмичном пульсе жизни, бьющей через край на трехстах с лишним мирах Конфедеративного Содружества.

В данный момент адмирал размышлял над информацией, подготовленной по его запросу архивным отделом Управления. По

сложившейся привычке он рассматривал данные с двух полярных точек зрения – военного и политика. Огромный опыт аналитической и оперативной работы, помноженный на долю отпущенной ему *реальной* власти невольно поднимали рассудок Герхарда выше отдельных событий и конкретных судеб. В отличие от своего бывшего начальника, Кох не страдал болезненной страстью к непосредственному участию в тех или иных операциях, нет, он привык мыслить глобально, абстрагируясь от частностей, а значит в его оценках, решениях, действиях, многие из которых несли в себе долю рационального цинизма, находили место лишь те *необходимые* амбиции, что помогали удерживать сложнейшую систему в состоянии равновесия.

Мало кто из рядовых граждан Конфедерации с такой же отчетливостью представлял, насколько хрупок кажущийся незыблемым миропорядок, как много в нем хаоса, как ежечасно меняется баланс сил, особенно в последние годы, когда стало ясно, что союз трех рас постепенно начинает давать глубокие трещины, уже не поддающиеся косметическому ремонту.

Нет, он не мог позволить себе элементарных порывов чувств, иначе принимаемые в этом кабинете решения тут же утратят свое главное качество – универсальность. Поддавшись эмоциям он автоматически встанет на чью либо сторону, потеряет свой главный козырь – объективность, утратит способность к точной, взвешенной оценке: что в данный момент есть благо для системы, а что способно разрушить ее, еще на шаг подтолкнув к краю пропасти?

Сейчас, после ознакомления с данными, относящимися к событиям тысячелетней давности, Адмирал Кох уже видел первые штрихи сложной многоходовой комбинации, призванной разрешить целый клубок назревающих день ото дня проблем. У него был неоспоримый талант аналитика, и там где другие видели гордиев узел, Герхард, не привыкший рубить тугие сплетения политических интриг и объективных обстоятельств, старался найти в различных на первый взгляд проблемах что-то общее, позволяющее направить течение событий в нужное русло.

Методы, к которым зачастую приходилось прибегать для поддержания стабильности, могли показаться жестокими, циничными, но индикатором *успешности* служило, прежде всего, здоровье системы, а судить конкретные шаги, давая им эмоциональные оценки, пробуждая запоздалый общественный резонанс, вряд ли станут даже историки. Некоторые архивы Конфедерации хранили свои тайны под грифом вечности.

Мысленно погружаясь в детали намечающегося плана действий,

адмирал Кох постепенно утверждался в необходимости его тщательной проработки и последующего претворения в жизнь. По сути, вопрос был решен, но частности требовали отшлифовки, овладения дополнительными данными, к которым в том числе относился общественно-политический резонанс некоторых, видящихся Герхарду событий.

Выйдя из состояния глубокой задумчивости, он произнес в кажущуюся пустоту кабинета:

– Подготовить отчет по колониальному транспорту «Альфа». Отдельно – по бывшему капитану сил самообороны Земли Вадиму Полуэктову. В ближайшие тридцать минут меня не беспокоить. – Отдав распоряжения, адмирал Кох, мысленно затребовал закрытый канал связи.

– Григорий? – Коротко осведомился он, почувствовал, что связь установлена.

– Да. – Отозвался в его рассудке ответ незримого абонента, который с равной успешностью мог в данный момент находиться как в соседнем здании, так и на любой из обитаемых планет, имеющих собственные станции ГЧ.

– Нужно встретиться. Есть тема для разговора.

– Когда и где? – Сухо осведомился незримый абонент.

– Сейчас свободен?

– Относительно.

– Тогда жду тебя в пространстве скрипториума[3]. Встретимся на «Перекрестке Мироздания». Надолго не задержу. До встречи.

Дождавшись, когда в голове иссякнет характерный фоновый шум, адмирал Кох встал, направляясь к установленному особняком комплексу виртуальной связи.

С некоторыми агентами Герхард предпочитал встречаться лично, хотя последние не подозревали о том, что получают задания или передают информацию непосредственно Директору.

Сеть Интерстар безлика. Нужно лишь правильно научиться пользоваться данным преимуществом виртуального пространства.

…

Скрипториумом пользователи сети Интерстар окрестили специальный смотровой сервер, организованный Советом Безопасности Миров для граждан Конфедерации, желающих получить информацию о недавно открытом шаровом скоплении звезд, где исторически обитали три древние расы: Логриане, Инсекты и Хараммины.

Устроители данной смотровой площадки не пожалели труда и

средств: в обитаемых мирах ходило множество самых противоречивых слухов, касающихся новых членов Конфедеративного Содружества, а искаженная информация способна скорее породить разного толка фобии, нежели способствовать взаимопониманию между молодым, энергичным человечеством и наследниками древних цивилизаций.

Стоило перешагнуть «порог» условного входа в скрипториум, как перед посетителем открывалась объемная модель Обитаемой Галактики, подавляющая своими масштабами и реализмом. «Эффект присутствия» был стопроцентным, хотя каждый шаг в данном виртуальном пространстве приравнивался к нескольким световым годам реально существующих расстояний.

Всего пять минут неспешной ходьбы по центральному проспекту и серебристые, немигающие точки освоенных людьми звездных систем постепенно начинали отступать назад; справа и слева пространство заполнял бездонный мрак Рукава Пустоты, а в том направлении, куда вытягивалась смотровая площадка, чуть выше галактической плоскости эклиптики полыхал ослепительный сгусток шарового скопления О'Хара.

Вуаль логрианских устройств более не скрывала его от постороннего взгляда, и теперь часть печально известного, казавшегося непреодолимым Рукава Пустоты попросту исчезла, уступив место феерическому сиянию сотен тысяч звезд.

Шаровое скопление имело четко выраженное ядро, от которого исходил ослепительный свет, и поэтому взгляд не задерживался на центральной части сгустка, а невольно соскальзывал на периферию, где звездная плотность постепенно уменьшалась, а сами светила образовывали сложные узоры, будто неведомый ювелир прихотливо выложил на фоне бархатистой тьмы замысловато переплетенные нити драгоценный камней…

В первый момент воображение рядового посетителя скрипториума отказывалось понимать, что каждая из сияющих во тьме точек – это звездная система.

Жизнь в шаровом скоплении равномерно распределялась по периферии: там, где сиял сгусток ослепительно света, звездная плотность достигала огромных величин, при которых невозможно формирование устойчивых планетных систем. По тем же причинами гиперсферная навигация внутри скопления до сих пор оставалась сопряжена со смертельным риском. Вот уже несколько лет кряду автоматические зонды, запрограммированные на поиск безопасных, надежных точек обратного перехода, гибли, не принося ощутимого результата.

Пока специалисты Конфедерации при поддержке Логриан занимались

реконструкцией древних порталов, ведущих от одной освоенной планеты к другой, транспортные и пассажирские корабли, направляющиеся в скопление, были вынуждены покидать гиперсферу в границах окраинных звезд, и двигаться вглубь тесного сообщества звезд, следуя в метрике трехмерного космоса, затрачивая месяцы реального времени, чтобы достичь внутренних обитаемых систем.

Однако проблема навигации являлись едва ли не самой безобидной из целого сонмища противоречий, постепенно назревающих между обителями скопления и Человечеством.

* * *

«Перекрестком Мирозданья» называли участок пересечения трех виртуальных экспозиций, посвященных путям развития людей, инсектов и логриан, ныне объединившихся в содружество.

Герхард не зря избрал для встречи фантомное пространство специального сервера Совета Безопасности Миров. Во-первых, здесь, словно по заказу, присутствовал необходимый психологический фон, который будет подспудно давить на собеседника во время разговора, во-вторых, имея прямой доступ к контролю над виртуальным пространством скрипториума, он мог гарантировать (прежде всего, себе), что содержание беседы с одним из секретарей Совета Безопасности не станет достоянием третьих лиц.

Вопросы, которые предстояло обсудить, носили глобальный характер, однако общее, как известно, состоит из частностей, его слагающих. За проблемами мирового масштаба стояли конкретные люди, события, одно упоминание которых, способно привести к пагубным последствиям.

Сам факт встречи директора главного разведуправления Конфедерации, и секретаря Совета Безопасности, курирующего вопросы миграционной политики, являлся информационной бомбой, сенсацией, поэтому, готовясь к акции, адмирал Кох с особым тщанием подбирал фантом, как иные люди подбирают костюм для маскарада.

Григорий Скутумов относился к вопросу собственного инкогнито не менее тщательно.

Сегодня он предстал перед Герхардом Кохом в обличье молодого, только начинающего свою карьеру делового человека, уже заработавшего первые, солидные на его взгляд деньги, но еще не утратившего интерес к событиям новейшей истории.

Сейчас он медленно прохаживался по пространству перекрестка, хмуро поглядывая то на ближайшие экспонаты выставки, то на далекое, сияющее скопление О'Хара.

Заметив, что к нему приближается электронный гид – программа-фантом, обеспечивающая информационный сервис для посетителей скрипториума, молодой бизнесмен поморщился, не пытаясь скрыть своего недовольства. Скутумов ненавидел «навязчивый» сервис, а уж тем более не нуждался ни в каких пояснениях относительно…

– Добрый вечер, Грег.

– Добрый, коль не шутишь. – Бизнесмен внимательно посмотрел на виртуального гида и оба едва заметно кивнули друг другу, как бы признавая, – все в порядке, обмен условными фразами состоялся.

Для посторонних все выглядело естественным образом – к скучающему, запутавшемуся в обилии виртуальных экспозиций посетителю прочно прилипла информационная программа. Что ж, не повезло парню. Хотя он вроде и не протестует против добровольно-принудительной экскурсии.

Услужливый гид, чтобы не мешать своими пояснениями остальным посетителям скрипториума, окутал себя и клиента дымчатой вуалью статис-поля. Элементарная вежливость, общепринятая в больших виртуальных пространствах, где зачастую происходят резонансные явления, позволяющие «услышать» адресованные не тебе мысли. Таких «завуалированных» пар на просторах информационного сервера присутствовало в избытке, к услугам статис-поля прибегали не только исполнительные служебные программы, но и сами люди, по различным причинам не желающие демонстрировать окружающим свой (пусть даже фантомный) облик.

…

С Григорием Ивановичем Кох был знаком давно.

Собственно Скутумов в смутные времена безвластия начинал свою карьеру в частном агентстве Герхарда Коха, которое помимо сбора, анализа и предоставления информации занималось охранной деятельностью, а так же предоставлением услуг «особого рода», для чего на десятках иных миров были зарегистрированы филиалы «Ифосистемз».

После перехода Герхарда на службу Конфедерации он сохранил структуру частной фирмы, используя ее как прикрытие для своих агентов.

Некоторых, наиболее талантливых оперативников, Кох, освоившись в разведуправлении, начал понемногу выдвигать в ряды формирующейся политической элиты Конфедерации, чем еще более упрочил свое

положение.

Одним из таких протеже стал Григорий Скутумов. За истекшие годы он так же успел пройти свой путь политической карьеры, в конечном итоге возглавив одну из ключевых комиссий Совета Безопасности.

Сейчас по степени влияния Скутумов не уступал самому Коху, однако, дисциплинировано явился на встречу, услышав кодовое слово, принадлежавшее далекой эпохе расцвета «Ифосистемз».

Он не пытался угадать, кто конкретно вышел с ним на связь, пользуясь фантомным образом электронного гида, по сути это было неважно – за такого рода вызовом, словно тень, маячила фигура Директора.

– Ну? – Нарушив затянувшееся молчание, первым спросил он. – Чем я могу помочь?

Электронный гид молча указал взглядом на сияющее ядро О'Хара.

– Накопились проблемы, которые видятся в комплексе. – Вслух пояснил он. – Часть из них лежит в сфере вашей компетенции.

– Конкретнее?

– Предлагаю разделить беседу на две части. Сначала я должен услышать, о чем умалчивают официальные отчеты комиссии. Затем перейдем к конкретным задачам.

– Намечается большая игра?

– Обсуждение данного вопроса не в моей компетенции, – ответил фантом. – Хотя вы сами сможете сделать вывод из содержания нашей беседы. Итак, о чем говорят в кулуарах? И каково личное мнение секретаря Совбеза относительно вопросов миграционной политики?

Григорий Иванович нахмурился. Что за привычка у Директора – топтаться по больным мозолям?

В отличие от Коха Скутумов совершенно не ощущал себя космополитом, хотя его должность вроде бы предполагала именно такое качество.

– Будем называть вещи своими именами. – Ответил он. – Речь на последних заседаниях идет уже не об эмиграции, а об экспансии. – В голосе Скутумова сквозило неприкрытое раздражение. – Скажу больше: наша, человеческая Экспансия остановилась, это уже очевидно, а навстречу, набирая силу, движутся многомиллионные волны эмигрантов из скопления О'Хара. В основном это инсекты, логриане пока что не доставляют особых хлопот, а вот «дикие семьи» цивилизации насекомых, становятся настоящим бичом окраинных планет…

– Ксенофобия? – Участливо осведомился фантом, оценив эмоциональную окраску монолога.

Скутумов поморщился, искоса посмотрев на собеседника.

Было непонятно, он спрашивает, издевается или ставит диагноз?

– Ксенофобия?... – Переспросил он и тут же ответил: – Пожалуй, еще нет. Но скоро… – Он резко развернулся и медленно пошел в обратном направлении – Ладно, переходим к конкретике. На последнем расширенном заседании Совета мне открытым текстом было предложено заняться проблемой вторичной колонизации.

– Речь идет о карантинных мирах? – Полуутвердительно произнес его собеседник.

– Именно о них. – Энергично кивнул Скутумов, углубляясь в пояснения:

– Как известно, есть две буферные зоны, локализованные после окончания войны. Одна проходит по так называемой «Линии Хаммера», и включает в свой состав пятнадцать миров, пригодных для жизни, но оставленных на карантине ввиду потенциальной опасности, исходящей от глубоко эшелонированных систем автоматической планетарной обороны, которые так и не удалось подавить в период послевоенных зачисток. – Он остановился, недобро посмотрев в сторону звездного скопления и, заложив руки за спину, продолжил:

– Вторая область карантинных миров расположена вдоль Рукава Пустоты. Там так же изобилуют базы Земного Альянса. Всего на рассмотрение комитета представлен список из тридцати двух звездных систем. Причем половину из них предполагается открыть для инсектов.

– Какую именно?

– Линию Хаммера в проекте оставили людям. На откуп «братьям по разуму» пойдут миры, расположенные вдоль Рукава, то есть непосредственно граничащие со скоплением О'Хара.

– Какими силами предполагается их чистить?

– Естественно, нашими. Инсекты утратили подавляющее большинство своих технологий. Миллиарды деградировавших насекомых, – весомый придаток к Конфедеративному Содружеству. – Не выдержав, фыркнул Скутумов, недвусмысленно обозначая свое личное отношение к данному вопросу. – Я понимаю, союз с ними неизбежно вытекал из реанимации Логриса после атаки Харамминов на Элио, но те времена прошли.

– Здесь вы правы. – Вежливо согласился с ним фантом.

– Хорошо хоть ты это понимаешь. – Иронично ответил Григорий Иванович, покосившись на своего «безликого» собеседника.

– В какой стадии находится сейчас проект решения?

– В нулевой. Основной текст не одобрен, его вернули на доработку в комиссии. Главам Семей, представляющим в Совете наиболее перенаселенные миры Инсектов, в качестве альтернативы было предложено принять активное участие в реконструкции Сферы Дайсона. Они ответили категоричным отказом.

– Почему?

– У насекомых свои фобии. Хараммины, после атаки на Элио обманом депортировали в Сферу более трех миллиардов Инсектов, взорвав порталы, связующие искусственный мир с планетами скопления. Как известно Сфера после миллионов лет забвения находиться, мягко говоря, в плачевном состоянии. Несмотря на экстренную помощь, из упомянутого количества инсектов выжило всего несколько сот тысяч особей, да и тех позднее пришлось вернуть на планеты О'Хара.

– Причина? Ведь Сфера Дайсона – родной мир Инсектов, построенный руками их предков.

– Верно, – кивнул Скутумов, – но за истекший исторический отрезок времени условия внешней среды там резко изменились. Бывшие мелководные океаны превратились в болота, где эволюционировала специфичная микрожизнь, представляющая смертельную опасность, не только для инсектов, но и для людей, занятых на мелиорации топей.

– Выходит, круг замкнулся? Нам не избежать глобальных проблем с цивилизацией Инсектов?

– Не знаю. – Честно ответил Григорий Иванович. – На меня давят, причем очень сильно и сразу с двух сторон.

– Источники давления? – Уже без тени иронии осведомился фантом.

– С одной стороны сенат содружества, который несет перед инсектам определенные территориальные обязательства, подписанные в прошлом. Большинству сенаторов, надоело выслушивать бесконечные упреки в свой адрес, им легче одобрить проект зачистки карантинных миров, и отдать их инсектам, после стерилизации.

– Но ведь десять-пятнадцать планет не снимут проблему, лишь на время приглушат ее остроту, в то время как Сфера Дайсона способна принять все современное население О'Хара. – Резонно заметил собеседник Скутумова.

– Вот именно. Здесь мы подходим ко второй силе, пытающейся повлиять на решение моей комиссии. Это промышленные группы Окраины. Они не хотят инвестировать капиталы в восстановление Сферы Дайсона, но готовы вкладывать деньги в повторную колонизацию миров Линии Хаммера.

– Они пытаются лоббировать данное решение в Совете Безопасности?

– Да, но пока их потуги безуспешны.

– Хорошо. Диспозиция фигур понятна. Остался еще один вопрос: как в комитете относятся к проблеме «диких семей» инсектов?

– Без понимания и сочувствия. – Не задумываясь, ответил Скутумов.

– То есть, если я правильно понял, гибель энного количества несанкционированных поселений не вызовет волны протеста?

– Среди моих сотрудников и коллег – нет. А вот общественный резонанс…

– Нужно подготовить общественность. – Прервал Скутумова фантом. – В этом и будет состоять ваша задача.

– Не понял?

– Что же здесь непонятного, Григорий Иванович? Ведь очевидно, что для всех будет огромным благом, если Главы Семей осознают, наконец, что их жизненное пространство – это родная, исконная Сфера. Мы поможем им техникой, специалистами, но восстанавливать искусственно созданный мир должны они, и никто другой.

Скутумов внимательно выслушал собеседника и вдруг усмехнулся:

– Да, так будет лучше для всех. Дело–то за малым, – кто-то должен будет врезать им по жвалам, да так, чтобы затрещал хитин на затылке. Сомневаюсь, что…

– А вы не сомневайтесь, Григорий Иванович. Делайте спокойно свою работу, готовьте тот самый общественный резонанс, чтобы, перефразируя древнюю поговорку, успеть перекреститься за секунду до грома. Договорились?

– Информации маловато.

– Сколько есть. Большего пока не отмерено. – Фантомный облик электронного гида вдруг начал истаивать, растворяясь в «воздухе» скрипториума.

Еще секунда и он исчез.

* * *

Покинув комфортабельный отсек станции мобильной связи, Герхард Кох первым делом подошел к своему рабочему столу. Как он и предполагал, там уже лежало два электронных планшета толщиной и размером соответствующие стандартному листу пластбумаги.

Досье на Полуэктова и материалы по «Альфе».

Прежде чем приступить к изучению документов, он отошел к низкому дивану, подле которого стоял столик из темного Эригонского стекла.

Сев, он мысленно заказал кофе. Имплант на правом виске адмирала едва заметно блеснул красной искоркой, посылая инструкции кибернетическому комплексу кабинета.

Итак, фигуры расставлены. Узел проблем, о котором час назад размышлял Кох, становился все явственнее, хотя к нему добавилась еще пара застарелых «веревок».

Герхард хорошо знал причину развала прежней Конфедерации Солнц. Тогда, почти пол века назад, среди множества накопившихся проблем, так же просматривался центральный узел, но в ту пору его затягивали отнюдь не иные расы, а сами люди, вернее та часть Человечества, которая соотносила себя с термином «Корпоративная Окраина».

Молодые промышленные группы, определенное время развивавшиеся вдали от консервативного центра, впитали, что называется, столько свобод, сколько смогли. В принципе нормальное, предсказуемое явление. Любая колония неизбежно проходит закономерные стадии роста, взросления, если хотите. Пограничные миры никогда не отличались стабильностью, зачастую понятие «закон» подменялось в колониях правом богатого, сильного, но на это, как правило, закрывали глаза, ибо окраинные миры играли исключительно важную роль в динамике развития человечества в целом.

Окраина – это клапан. От центра к периферии происходит постоянный отток асоциальных элементов, будь то лица преступившие закон, отчаявшиеся эмигранты из низших, наименее обеспеченных слоев общества или люди авантюрного склада характера. Окраина принимает всех, а к Центральным Мирам с периферии идут стабильные поставки сырьевых ресурсов. В конечном итоге молодые колонии крепнут, в их обществе наступает зрелость, на некогда дикие планеты приходит экономическое благополучие, и вот уже они инициируют новую волну Экспансии, – определенная часть населения покидает пограничные миры, продолжая движение вперед, чтобы найти для себя новые еще не освоенные звездные системы и вновь взахлеб пить свободу, пусть даже она следует рука об руку с ежедневным риском и тяготами колонизации…

Вслед за первопроходцами в движение приходит и бизнес. Новые горизонты, новые возможности, новые, еще никем не тронутые естественные ресурсы планет… все это не только романтика, – процесс постоянной экспансии имеет четкие социальные и экономические предпосылки, которые по мере накопления статистического материала

теряют погрешности, превращаясь в *законы развития* цивилизации.

Но стоит на мгновенье представить, что на пути первопроходцев встает неодолимое препятствие, как стройная система поступательного развития тут же дает болезненный, катастрофический сбой.

Так случилось полвека назад, когда на пути Человечества встал неодолимый, как казалось тогда, Рукав Пустоты, – загадочное пространство без звезд.

Хуже того, гиперсферная навигация начала давать серьезные сбои, – там, где в трехмерном континууме простиралась пустота, в аномалии блуждали неисчислимые линии напряжения, не поддающиеся систематизации по причине своей необъяснимой нестабильности.

Человечество замерло у зримой черты. Многовековая экспансия была остановлена и что в итоге?

Паровой клапан цивилизации закрылся, и внутри замкнутой системы начало расти давление, грозящее скорым взрывом.

После тысячелетия, прожитого без глобальных войн, призрак гражданского раскола оказался настолько страшен, что политические силы Центральных Миров не решились на открытое противостояние с Окраиной, которую не устраивал консерватизм и узость существующих законов.

Самороспуск первой Конфедерации, вкупе с идеей неограниченных планетных суверенитетов, на некоторое время снял растущее напряжение.

И вот ситуация повторялась.

Теперь на звездных картах уже не существовало большей части Рукава Пустоты, Вуаль логрианских устройств, миллионы лет скрывавшая шаровое скопление звезд, более не маскировала его, дестабилизируя силовые линии гиперсферы, но стало ли от этого легче? Казалось бы – путь вперед открыт, но Герхард Кох лучше других понимал – это иллюзия, заблуждение. Сотни тысяч звезд, собранные в манящий сгусток света, по-прежнему являлись неодолимым препятствием, с той лишь разницей, что теперь оно стало зримым. Пространство, протяженностью более трехсот световых лет, оказалось заполнено либо не имеющими планет системами, либо уже перенаселенными мирами, чья история уходила в туманные глубины младенчества человеческой расы.

Что изменилось?

С точки зрения Герхарда – ничего. Ситуация лишь усугубилась.

Не растерявшие ни финансовой мощи, ни экспансивности корпорации Окраины по-прежнему искали выход, предмет для приложения своих капиталов и сил.

Нравилась ли Коху в сложившихся условиях идея *такой* экспансии?

Однозначно – нет.

Отдать на откуп корпорациям десяток планет Линии Хаммера, а инсектам такое же количество миров на границе Рукава Пустоты – означало загнать болезнь вглубь, породив тем самым новые, еще более жесткие рецидивы.

Система уже не шаталась, она грозила рухнуть, разваливаясь на отдельные фрагменты. Коха преследовал отнюдь не призрак, он четко видел дальнейшее развитие ситуации – расконсервация Линии Хаммера и допуск на карантинные планеты людей с Окраины приведет, прежде всего, к неизбежному и неоправданному усилению Земли.

Это, на его взгляд, было недопустимо. Да, всем известно, что Галактическая война завершилась более тысячи лет назад, Земной Альянс пал, но на протяжении минувших веков прародина человечества по-прежнему оставалась *символом*, а в Обитаемой Галактике существовало немало реальных сил, которым для консолидации не хватает сущей малости – прочной и понятной идеологической базы. Не нужно быть провидцем, чтобы предугадать: миллиарды кредитов, инвестированные корпорациями Окраины во вторичную колонизацию карантинных планет, окажут самое благотворное влияние и на саму Землю, она как мифический Феникс вдруг воспрянет из праха забвения, и не факт, далеко не факт, что вокруг прародины не объединяться те же крупные компании Окраины, для которых единые законы Конфедерации, без перспективы освоения все новых и новых планет, в буквальном смысле – наручники.

Если присовокупить сюда уникальную возможность утаить в долгом, многотрудном и фактически неподконтрольном процессе вторичной колонизации трофейные образчики боевой техники Земного Альянса, запрещенные к эксплуатации и воспроизводству параграфами знаменитого Элианского протокола, то Конфедерация вместо десятка новых законопослушных колоний получит натуральную раковую опухоль, которая в конечном итоге начнет нарывать и лопнет…

Неэстетичные сравнения были, тем не менее, наиболее верными. Следующим шагом «прогрессивной» части человечества станет удар по скоплению О'Хара.

Герхард Кох смотрел на ситуацию в перспективе и понимал, что вряд ли заблуждается в своих оценках.

Действовать следовало немедленно. Сейчас, пока не принято роковое решение Совета Безопасности, следовало предпринять три важнейших шага: максимально ослабить боевой потенциал Корпоративной Окраины,

напомнить всему Галактическому Сообществу сколь смертоносны «последыши» былой войны, и одновременно, как выразился Скутумов «врезать по жвалам инсектам», да так, чтобы действительно затрещал хитин на затылке, и надолго отпала охота основывать свои муравейники на планетах, политых в свое время потом, а затем и кровью людей.

Да, адмирал Кох планировал провокацию, но в его мыслях она носила характер своевременного хирургического вмешательства, которое приведет к бесспорно позитивным последствиям:

Ослабленные корпорации, лишившись собственных военно-космических сил, примут самое деятельное участие в реконструкции Сферы Дайсона, получая при этом вполне законные прибыли, по настоящему напуганные инсекты будут вынуждены смотреть на болота созданного ими искусственного мира с совершенно иной точки зрения, а когда настанет пора, начнут массовое переселение на «историческую родину», освобождая планетные системы скопления О'Хара для новой волны человеческой экспансии.

Земля же останется в положенном для нее забвении.

Все это укладывалось в рамки тщательно подготовленной и спланированной операции, которая не нарушит ни одного из межпланетных или межрасовых соглашений.

В Обитаемой Галактике кроме Конфедеративного Содружества существовало еще немало сил, которые можно использовать для достижения конкретных целей.

Например, наемные отряды планеты Ганио. Или те машины, что до сих пор хранят работоспособность в бункерах секретных военных баз периода Первой Галактической.

Уж они-то точно не подписывали никаких соглашений, и не станут мучиться угрызениями совести, механически реализуя заложенный в них потенциал действия.

Главное не допустить ни малейшей ошибки, филигранно свести все действующие силы в одно время и в едином месте.

Приблизительно с такими мыслями Герхард Кох оторвался от созерцания объемной карты Галактики, направившись к своему рабочему столу, где его ждали два электронных досье.

На низком столике Эригонского стекла так и осталась стоять недопитая чашка кофе.

* * *

Секретно.

Источник данных: Архив главного разведывательного управления Конфедерации Солнц.

Вадим Петрович Полуэктов, уроженец планеты Земля, возраст 59 лет. Холост. Детей не имеет.

Постоянное местожительство: Земля мегаполис Антверпен.

Официальный статус: Безработный.

Тонкие губы Герхарда Коха исказила саркастическая усмешка.

Оперативные данные:

В период с 3778 по 3780 гг. проходил службу в интернациональных силах Патруля Совета Безопасности Миров.

С 3780 по 3789 официально занимал различные должности в штате сил самообороны планеты Земля. Работал «под прикрытием» на генерала Покровского, в 3782 году принимал участие в спецоперации по поиску колониального транспорта «Альфа».

По неподтвержденным данным в ходе упомянутой операции капитан Полуэктов попал под воздействие трансмутагенной среды, после чего, находился на излечении в центральном клиническом госпитале Земли. По окончании периода пребывания в стационаре в личные карточки капитана Полуэктова были внесены коррективы записи генетического кода.

В 3790 году уволен со службы по состоянию здоровья.

…

Герхард нахмурился.

Не густо. Слабо работала разведка. Данные не проверенные, не подтвержденные, нет образца мутации, якобы полученной Полуэктовым. Род занятий после увольнения со службы не определен.

Хотя его связь с Покровским очевидна. Генерал, под прикрытием сил планетарной обороны организовал в свое время крупный разведцентр. По имеющимся у Коха данным Покровский ставил перед собой вполне конкретную цель – полное снятие блокады с Земли. В этом ему существенно помог развал первой Конфедерации. Однако для реализации планетного суверенитета мало во всеуслышание объявить о независимости, полученную таким образом свободу нужно еще и защитить, тем более, что параграфы Элианского договора не имеют ограничения по сроку действия.

Если исходить из материалов досье Полуэктова, его уход со службы совпадает по времени с кончиной генерала Покровского. Здесь угадывалось не простое совпадение. Скорее всего, Вадим Петрович Полуэктов не отошел от дел, а возглавил осиротевший разведцентр, предпочитая при

этом оставаться в тени.

Разумный шаг.

Кох коснулся сканирующей пластины второго планшета, и на матовой поверхности тут же начали проступать буквы мелкого убористого шрифта.

…

Секретно.

Источник данных: архив главного разведуправления Конфедерации Солнц.

Материал по проекту «Альфа».

Краткая справка:

Колониальный транспорт «Альфа» дата постройки 2206 год. Спроектирован из расчета на пятнадцатилетний полет к системе Проциона (альфа Малого Пса). Стартовал из Солнечной системы в ноябре 2207 года. При запуске фотонных установок маршевой тяги был вовлечен в воронку спонтанного гиперпространственного перехода. Дальнейшая судьба неизвестна. Благодаря подробным записям катастрофы, снятым с аппаратуры слежения, земными учеными была обоснована и позднее подтверждена на практике теория гиперсферы, ставшая основой современной навигации.

…

Дальше Герхард читать не стал. О колониальном транспорте Альфа знал любой школьник. Именно с его катастрофического старта начинается история экспансии человечества к звездам. В данный момент Коха интересовала не историческая значимость тех событий, а их последующее развитие.

Генерал Покровский искал «Альфу». Но нашел ли он легендарный колониальный транспорт, канувший в пучинах аномалии космоса?

Как получить однозначный ответ на этот вопрос?

Логика подсказывала Герхарду, что изыскания Покровского были успешны. Он основывал свой вывод на простом умозаключении: что мешало человеку, посвятившему всю свою жизнь борьбе за независимость Земли, использовать период безвластия, чтобы объявить безусловный суверенитет прародины человечества, и как следствие – отказ Земли от исполнения параграфов Элианского договора?

По сути – ничего, кроме здравого смысла. Объявленный суверенитет нужно защищать, и, понимая это, генерал решил сохранить позорный, по его мнению, «status quo» до наступления неких благоприятных обстоятельств.

Кох задавал себе вопросы и сам же мысленно отвечал на них.

Понимал ли Покровский, что политика планетных суверенитетов порочна по своей сути, и в конечном итоге содружество миров будет восстановлено в той или иной форме?

Да понимал. И, тем не менее, не использовал уникальный исторический отрезок, когда до Земли, по сути, никому не было дела.

Значит он нашел «Альфу» и стоически ждал ее возвращения в Солнечную систему, ибо корабль, построенный задолго до Первой Галактической не подпадал под действие параграфов Элианского протокола, и безусловно являлся собственностью Земли.

Теперь стоило обратить внимание на тактико-технические характеристики древнего исполина, чтобы окончательно понять замысел генерала.

Внимательно изучив изложенные в досье данные, относительно конструкции колониального транспорта, Герхард поначалу был неприятно поражен его размерами и мощью. Созданный на заре освоения космоса, колониальный транспорт нес на своем борту многочисленные системы так называемого «двойного предназначения», то есть Альфа могла с равной успешностью осуществлять колонизацию планет, или вести полномасштабное сражение с целым космическим флотом.

И все же у колониального транспорта существовал ряд недостатков, которые позволили Герхарду сформировать свое видение ситуации:

Нет, Покровский явно не собирался развязывать войну. – Размышлял он. У «Альфы» отсутствовал гиперпривод, что превращало исполинский корабль в малоподвижную внутрисистемную боевую единицу. Но именно такая несокрушимая крепость и была необходима на орбитах прародины для восстановления ее статуса независимой планеты. Герхард некоторое время взвешивал все «за» и «против» пока не пришел к выводу: Конфедерация не станет посылать к Земле два, а то и три боевых флота, чтобы те сокрушили «Альфу». Кроме всего прочего первый колониальный транспорт человечества то же являлся символом, и этот немеркнущий ореол славы предохранял его гораздо надежнее любой брони. Действия Покровского были образцом взвешенного логического мышления, покойный генерал учел все нюансы, не полагаясь на случайности, и Коху виделось, что его преемник, Вадим Петрович Полуэктов обладал таким же трезвым взглядом на ситуацию: оставаясь верным учеником и последователем покойного генерала Покровского, он намеренно ушел в тень, в ожидании своего часа.

Кох видел ситуацию, но понимал, что оперирует эмпирическими выводами. Для уверенности в своей правоте ему требовались

неопровержимые доказательства, факты, – менее всего он желал, чтобы в разгар планируемой им операции в Солнечной системе вдруг появился легендарный колониальный транспорт. Это могло не просто спутать все тщательно выверенные планы, а поставить их под угрозу полного провала.

* * *

Убрав планшеты с данными, он вызвал оперативного дежурного по управлению.

– Галакткапитана Вершинина ко мне.

Отдав распоряжение, Герхард посмотрел на часы и направился к комплексу связи.

На этот раз соединение с интересующим его абонентом потребовало времени. Учитывая быстродействие станций гиперсферной частоты, было непонятно, с каким уголком Вселенной пытается выйти на связь адмирал Кох.

Наконец трепетно ожил изумрудный индикатор на контрольной панели шифрующего устройства.

Плавающий канал гиперсферной частоты, который невозможно отследить и прослушать современными аппаратными средствами, был открыт и готов к работе.

– Снегов?

Пауза между вопросом и ответом длилась десять секунд.

– Да.

…

– Есть срочное задание. Сколько в твоем распоряжение адаптированных поисковых модулей?

…

– Двадцать четыре. Один находиться на плановом ремонте.

…

– Приказываю задействовать все исправные единицы. Цель – поквадратный осмотр планет «ожерелья». Меня интересует ответ на вопрос: присутствуют ли среди прочих обломков фрагменты, которые могут быть идентифицированы как часть или целое колониального транспорта «Альфа».

…

– Приказ принят.

* * *

Ну вот, *закрутилось.*

Мысль прошла буднично, отрешенно, – адмирал Кох не имел привычки волноваться, когда решение принято и наступило время действовать.

Он жестом указал галакткапитану на кресло.

– Сегодня вылетаешь на Ганио. Твоя задача – завербовать две группы наемников. Численность первой не менее тысячи человек. Вторая численностью от десяти до двенадцати бойцов. Обязательное условие: в составе второй группы не должно быть ганианцев. Экипировать ее следует по стандарту десантных подразделений Конфедерации. В случае необходимости организуешь распродажу списанного военного имущества. Вылетаешь сегодня. Подробные инструкции по вербовке получишь на месте, от нашего резидента на Ганио. Вопросы?

Вершинин встал, отрицательно качнув головой.

– Вопросов нет.

– Исполняй.

Подчиненный развернулся и шагнул к выходу из кабинета.

Сердце у Коха вдруг глухо стукнуло в груди.

При всем самообладании он оставался живым человеком.

Вернувшись к своему креслу, Герхард вызвал информацию по пятнадцати карантинным планетам, расположенным на границе Рукава Пустоты.

Воздух перед адмиралом сгустился, и в сформировавшейся на глазах туманной сфере появилось реальное изображение звездной системы.

Условные знаки, разбросанные по поверхности медленно вращающейся планеты, не удовлетворили адмирала.

– Следующий. – Произнес он.

…Спустя пол часа напряженной работы он наметил объект для первой, наиболее безобидной акции, которая послужит прелюдией к настоящему действию.

Система КХ3496 находилась на самой границе Рукава Пустоты, всего в девяти световых годах от группы перенаселенных миров инсектов.

На ее поверхности кибернетическая система обозначила лишь одну группу плотно расположенных маркеров.

Не база, а скорее условная точка сбора, – определил адмирал, окончательно утвердившись в пригодности планеты для реализации

задуманного.

Он вновь встал.

Что ни говори, а личный закрытый от любого рода прослушивания канал гиперсферной частоты является неоспоримым преимуществом, хотя бы в том плане, что после отдачи устных распоряжений не остается никаких следов, в виде копий отправленных по обычным линиям ГЧ сообщений.

Прошло менее секунду между активацией комплекса и ответом очередного абонента:

– Дежурный офицер крейсера «Воргейз» на связи.

– Командира. – Коротко приказал Кох.

Еще несколько секунд ожидания и он услышал знакомый чуть хрипловатый голос полковника Харисова:

– На связи, сэр.

Имена не назывались. Закрытый канал ГЧ говорил сам за себя.

– Слушай внимательно. Завтра к восемнадцати ноль-ноль твой корабль должен выйти в точку подбора планеты Ганио. Будешь ожидать прибытия на борт спецгруппы. После погрузки осуществишь гиперпереход по координатам КХ3496, где обеспечишь высадку десанта. После того как группа отработает, примешь подробное сообщение с поверхности, и немедленно в экстренном режиме покинешь систему. Далее следовать по утвержденному маршруту патрулирования. Полученную информацию передашь по этому каналу. Вопросы?

– Отклонение от маршрута?

– Это не твоя головная боль. Штаб флота будет осведомлен о мелкой технической неисправности в системе навигации. Схема обычная. Вынужденное всплытие для ремонта в границах системы Ганио. Устранение неисправностей, затем тестовый прыжок по произвольно выбранным координатам. Далее, после удовлетворительных результатов тестирования, доклад в штаб о возвращении к плановой схеме патрулирования. Не мне тебя учить. – С нотками недовольства заключил Кох. – Исполняй.

– Приступаю.

Глава 2.

Окраина Рукава Пустоты.

Третий спутник звезды КХ3496 по универсальному каталогу.

Автономный поиск.

Пять смутно различимых фигур затаились у обрывистого края котловины.

Впереди, за туманной дымкой испарений высились отроги горного хребта.

– Ничего не видно… – С досадой констатировал Энтони Коул, командир отряда наемников. – Рейчел, посмотри. – Он указал на котловину, отключая вывод данных. Забрало его гермошлема мгновенно обрело обычную прозрачность. Оптикоэлектронные системы боевого скафандра продолжали работать, но в данном случае они оказались бессильны. Оставалось надеяться, что разум мнемоника, соединенный с многочисленными имплантами, сумеет добиться лучших результатов сканирования.

Рейчел Хайт, двадцатилетняя беглянка с Окраины вошла в состав группы не более месяца назад. Это была ее первая боевая высадка.

Вообще понятие «мнемоник» звучало в новинку, а Энтони Коул слыл в кругах ганианских наемников закоренелым консерватором. Он откровенно не желал иметь в составе сложившейся, проверенной в боях группы женщину, с сомнительными, на его взгляд, способностями. Мало ли что там напридумывают изобретательные корпы[4]… однако с недвусмысленным указанием босса не поспоришь. Если он сказал, что отныне каждая мобильная группа должна иметь в своем составе мнемоника[5], значит, так тому и быть.

– Скарм, что у тебя? Докладывай. – Подавив растущее раздражение, потребовал Коул.

– Глухо, командир.

– Точнее?

– Сплошной туман.

– Рейчел?

– Работаю. – Ее ответ совпал с приглушенным хлопком – в сторону котловины из подствольного гранатомета ее импульсной винтовки ушла капсула с наномашинами.

Над ватным покрывалом появился еще один завиток туманного

кружева.

Коул, пользуясь невольной задержкой, осмотрелся. Четверо бойцов его группы, экипированные в серв-скафандры космодесанта, заняли позиции неподалеку от места высадки. Используя особенности рельефа, они замаскировались на краю господствующей высоты, представлявшей собой небольшое плато, по сути – выступ скальных пород. Молодые (в геологическом понимании) горы вздымались вокруг острыми, уходящими к облакам пиками. Кое-где из расселин сочилось марево горячих испарений. У горизонта, озаряя низкие облака красноватым сиянием, извергалась группа вулканов.

Внизу простиралось белесое клубящееся море тумана, плотно укрывавшего котловину, на дне которой, по данным картографической разведки полувековой давности, находилось теплое озеро.

– Рейчел? – Вновь вышел на связь Энтони.

– Связь с наномашинами потеряна. – После некоторой паузы ответила она.

– Твои предположения?

– В зоне испарений работает электромагнитное маскирующее поле. – На этот раз слова мнемоника прозвучали уверенно.

– Понял. Продолжай наблюдение.

Коул посмотрел вниз. Он уже пришел к определенному решению и теперь намечал маршрут для дальнейшего продвижения группы. Если за истекшее пол века обстановка на дне котловины не претерпела радикальных изменений, то следовало предположить, что туман вряд ли рассеется. Обычно преграды такого рода не помеха для сканеров боевой экипировки, но в данном случае реальность преподнесла неожиданный сюрприз.

– Командир, обнаружен след. – Раздался на закрытой частоте доклад Нетопыря.

Антон Беглов, он же Нетопырь, четверть часа назад вышел на противоположный край котловины.

– Дай телеметрию.

На проекционном забрале открылось оперативное окно тактической системы связи.

След.

Три параллельные полосы спекшегося в стекловидную массу базальта, видны по краю обрыва, словно тут побывал сказочный ифрит, пытавшийся ухватиться трехпалой конечностью за край отвесной стены.

Плазма?

Мысленный вопрос Энтони получил немедленный отклик: заработала система компьютерного моделирования, воссоздав предполагаемый источник воздействия, – космический корабль, который, вероятно, совершил посадку на дно котловины.

Коул совершенно не удивился необычной структуре предполагаемого объекта. Корабли Инсектов уже давно не возмущали рассудок своей сюрреалистической формой, в действительности напоминающей огромную трехпалую кисть руки, отрубленную в районе запястья.

Тем более, что нас ориентировали именно на поиск «дикой семьи». – Напомнил самому себе Коул. Обнаруженный след трудно истолковать двояко, значит, на дно котловины действительно совершил посадку корабль разумных насекомоподобных существ. Маневрируя при снижении, он задел край обрыва плазменным выбросом двигателей ориентации, оставив три глубоких характерных «шрама».

Уже что-то. Крупица реальной информации, за которую тут же зацепился рассудок, планируя дальнейшие действия.

Рассуждения Энтони были просты и основывались на проверенных практикой закономерностях.

Инсекты вот уже несколько десятилетий являлись полноправными членами Конфедерации Солнц, но это не означало, что в среде сообщества *их* планет все обстояло гладко и благополучно, как преподносит рядовому обывателю галактическая пресса.

Нет, они воюют, занимаются контрабандой, организуют незаконные поселения, ведут несанкционированную разработку ресурсов: короче, как однажды высказался босс, – ничто человеческое им не чуждо, радикальное отличие состоит лишь в том, что действуют насекомоподобные существа с завидной для людей сплоченностью, ибо их сознание принадлежит муравейнику.

Оценив новые данные, капитан активировал комплекс спутниковой связи.

…

– На связи группа Коула! – Доложил дежурный оператор.

Майор Шведов, ожидавший известий с поверхности, кивнул, коснувшись сенсора.

– Слушаю. Докладывай.

– Блокировали котловину. Разведка обнаружила характерный след плазменного выброса. Анализ проб указывает на пятидневную давность события. Предварительная информация полностью не подтверждена, – нам противодействует грамотно организованная система антисканирования.

Потеряна связь с наномашинами.

Шведов ощутил беспокойство.

– Система антисканирования? – Переспросил он. – Ты уверен?

– Случайное совпадение естественных факторов исключено. Маскировочное поле имеет характерные признаки.

– Мы полагали, там «дикая» семья инсектов. – Напомнил майор. – Как это согласуется с маскировочным полем?

– Не знаю. На момент внесения планеты в каталоги никакого поля тут не было и в помине. Слишком много неясного. Если фантом-генераторы установлены инсектами, это уже не «дикая» семья, облюбовавшая теплое озеро на период размножения. – Высказал свои сомнения командир группы наемников. – По способу маскировки больше похоже на военную базу…

– Выясни. Только осторожно. В любом случае твоя задача – задокументировать факт.

– Понял. Под маскировочным полем отрубит связь. – На всякий случай напомнил Коул. – Контрольное время возвращения в зону устойчивого сигнала – час. В случае непредвиденных обстоятельств мы катапультируем капсулу с информацией.

– Добро. Жду сигнала.

…

Две минуты спустя от выступа, куда десантировалось ядро группы, состоявшее из пяти человек, разматываясь на лету, вниз канули бухты прочнейших мономолекулярных тросов.

– Первая пара, пошли!

Серые фигуры в бронескафандрах отделились от однотонного фона скал.

Пять секунд… Десять… Пятнадцать…

Снайпера прикрывали спускавшихся только на верхнем отрезке пути. За слоем тумана, больше похожего на облачность, работу сканеров блокировало маскирующее поле.

Легкое подергивание троса. Первая пара достигла твердой поверхности.

– Беглов, начинай спуск. Встреча в контрольной точке. Данные загружены.

– Понял, командир.

Коул и Рейчел покинули площадку последними, когда бойцы группы уже заняли позиции на узком пологом спуске, ведущем ко дну котловины, просигналив об этом короткими рывками тросов.

Пласты молочно-белого тумана с незначительной примесью

желтоватых испарений лениво «текли» мимо, плотно окутывая фигуры людей, ступивших на верхний отрезок «серпантина». Теперь уже не оставалось сомнений в том, что дорога прорезана при помощи мощного лазера. На поверку здесь все являлось обманом: издали пологий спуск выглядел как последовательность естественных уступов, образовавшихся в результате процессов эрозии, но на самом деле «серпантин» представлял собой тщательно выверенную систему пандусов, соединенных в местах поворота прямоугольными площадками.

Призраки против призраков – подумал Коул, наблюдая, как щебневая осыпь на глазах теряет очертания, будто растворяясь в холодном утреннем воздухе.

А вот и устройство фантом-генератора.

Он остановился, сделав предупреждающий жест. Мощная система маскировки, прикрывающая котловину, предполагала наличие датчиков раннего обнаружения, которые, наверняка, расположены по всему периметру спуска.

– Система в десяти метрах от нас. – Раздался на закрытой частоте доклад Рейчел. – Выше фантом-генератора. Стандартный набор: тепловидение плюс детектор движения.

– "Хамелеон" выдержит?

– Бесспорно. При строгом соблюдении дистанции в пять-шесть метров система распознавания примет нас за сгустки горячих испарений. Вокруг множество подобных образований.

Энтони с долей сомнения посмотрел на проплывающие мимо клочья тумана. Все они стремились вверх, в противоположность людям, которые направляются вниз.

Поделившись сомнениями с мнемоником, он через пару секунд получил исчерпывающий ответ:

– Датчики не распознают таких тонкостей. Они лишь фиксируют движущиеся объекты, и классифицируют их. А куда направляется сгусток испарений, вниз или вверх, нарушает ли он элементарные законы физики, обыкновенному детектору все равно.

– А если за системой охраны следит разумное существо? – Энтони сознательно не употребил термин «человек», памятуя о следах, оставленных двигательной установкой чуждого людям корабля.

– Тогда на нас обратят внимание. – Согласилась Рейчел.

* * *

На третьем отрезке пологого спуска взгляду открылась неожиданная картина.

Гладкую вертикальную стену пересекала глубокая трещина. Присмотревшись, Коул понял, что перед ним узкий вход в темное ущелье, протяженность которого опять не смог определить ни один из встроенных в экипировку приборов.

– Вертикальные маскирующие поля. – Прокомментировала свои ощущения Рейчел. – Сканеры по-прежнему сбоят.

– Блейд[6], установи датчики.

Силуэт бойца, направившегося к устью обнаруженного ущелья, был похож на бесплотный призрак. Бронескафандр, покрытый маскирующим составом «хамелеон» воспринимал фактуру окружающей субстанции, надежно маскируя человека от обнаружения системами визуального контроля. Датчики тепловидения и объемно-емкостные детекторы фиксировали аномалию, но не поднимали тревогу.

Призраки против призраков. – Вновь вернулась назойливая мысль-определение.

Нет скорее против неизвестности. – Мысленно поправил себя Энтони.

Внезапно усложнившееся задание, потребовавшее спуска в котловину, не выходило из ряда вон, но напрягало. В любую секунду из молочной пелены мог вынырнуть патруль насекомоподобных существ, и тогда бойцам мобильной группы придется вступить в скоротечную схватку, – оставлять свидетелей они не имели права.

Какого Фрайга им понадобились фантом-генераторы? – Напряженно размышлял Коул, пока Блейд устанавливал детекторы на входе в мрачный разлом. Обычная мера предосторожности – неизвестно что скрывают глубины ущелья. Если оттуда вдруг появятся незваные гости, оставленные у разлома тревожные датчики тут же оповестят об этом.

Распылять силы, исследуя каждую трещину скальных пород, было неразумно. Их задача сводилась к минимуму – твердо установить факт посадки корабля инсектов, зафиксировать структуру незаконного поселения и уйти незамеченными.

– Движение! – Резко предупредил коммуникатор.

– Замыкающая пара?

– Порядок. – Ответил по связи голос Беглова. – Свои.

– Перегруппировываемся. Промежуточная позиция на отметке минус ста метров.

Первая пара устремилась вперед и бойцов тут же поглотила мутная белесая мгла.

* * *

В глубине скального разлома царил серый сумрак.

Мрак гнездился в многочисленных неровностях, дно ущелья покрывал мелкий щебень делювия[7], постепенно погребающий под собой более крупные обломки давнего тектонического катаклизма.

На серо-коричневом фоне резко выделялись не свойственные горным породам серебристые включения металла. Окажись здесь геолог, он бы с определенностью сказал, что фрагменты не подверженного коррозии сплава, виднеющиеся из-под осыпей коренной породы, не могли образоваться в результате остывания и кристаллизации магматической массы.

Странное ущелье. На уходящих ввысь стенах виднелись не только трещины и угловатые разломы: среди следов давней тектонической подвижки четко прослеживались полуцилиндрические наклонные шрамы. Если мысленно сдвинуть края ущелья, то эти глубокие желоба, с гладкой, будто отполированной поверхностью, совместившись, образовали бы наклонные тоннели, похожие на пусковые шахты баллистических ракет.

Дно ущелья помимо прочих форм микрорельефа было покрыто глубокими, полусферическими воронками, скрытыми под многотонными оползнями вездесущего щебня. Именно в таких местах из-под осыпей проглядывал металл.

…Внезапно, нарушая сторожкую тишину туманного утра, прозвучал шелест осыпающихся камней. Перестук завершился резким звуком работающего механического привода, и, из-под отвала, в серый сумрак ущелья выдвинулась поднявшаяся в рабочее положение аппарель.

В обозначившемся проеме десантной рампы сиял зловещий красноватый свет. Неяркие огни, оконтурившие площадку подъемника, мерно вспыхивали, предупреждая о неких грядущих процессах.

* * *

– Ноль-пять, на позиции. Приступаю к сканированию.

Энтони Коул сделал шаг вперед и вдруг оказался ниже плотного

покрывала испарений.

Мгновенная смена обстановки подействовала на сознание глухим приступом клаустрофобии: буквально над самой головой клубились новоявленные «небеса», пропускающие тусклый свет, который скупо озарял дно котловины.

Берег теплого минерального озера находился в сотне метров от позиции головного дозора. Сама впадина, приобретающая у дна настораживающие очертания геометрически выверенного овала, простиралась на семь километров в длину и соответственно три в ширину.

Озеро оказалось смещено относительно центра котловины, основная площадь «суши» приходилась на дальний берег, теряющийся в плотном мареве вездесущих горячих испарений, просачивающихся через многочисленные трещины скальных пород.

Идеальные условия для инсектов. Все что им нужно для размножения – тепло, открытый водоем, и пригодная для дыхания атмосфера. – Подумал Коул, внимательно следя за окрестностями. – Знать бы, откуда тут взялся кислород…

Рейчел закрыла глаза.

Сосредоточившегося мнемоника страховали двое бойцов. В напряженном ожидании прошла минута, другая, пока, наконец, один за другим не поступили два доклада:

– Активных систем нет, командир. – Открывая глаза, произнесла Рейчел. – Маскировочное поле единственный энергопотребляющий объект.

Несколькими секундами позже на частоте общей связи прошел отчет головного дозора:

– Сканирование фиксирует скопление металлокерамики. Сплав характерен для космических аппаратов насекомых. Сигнал слабый, мешает тепловая засветка.

– Рейчел, попытайся отследить ментальное поле. – Распорядился командир. Похоже, его мнение относительно мнемоников постепенно начало меняться в лучшую сторону.

– Его нет командир. – Не задумываясь, ответила Хайт. – Я бы почувствовала.

– Но там инсекты. – Напомнил ей Энтони.

– Я не ощущаю ни малейшей эманации. – Уверенно повторила Рейчел. – Здесь тихо, как в загробном мире.

Рядом с командиром присел Беглов.

– Остров в дальней части озера. – Без комментариев указал он.

Коул задействовал систему оптического увеличения.

Остров… Взгляд сразу же споткнулся о характерную особенность: пологая возвышенность, со всех сторон окруженная гладью воды, представляла собой некогда единую каменную плиту, в данный момент расколовшуюся на множество фрагментов. Ширина трещин, покрывающих поверхность острова, варьировалась от нескольких сантиметров до полуметра, дополнительное сканирование недвусмысленно указывала, что «каменный панцирь» имеет одинаковую толщину по всей площади.

– Предположения?

– Сильно напоминает плиту перекрытия, рухнувшую с большой высоты.

Определение, прозвучавшее из уст Беглова, настолько точно характеризовало визуальное впечатление, что Энтони невольно вздрогнул.

Серые, клубящие псевдонебеса тут же подтолкнули мысль, по аналогии с клаустрофобическим пространством:

– Пещера? Тут раньше располагалась карстовая пещера?

– Сомневаюсь, что карстовая, командир. – Уточнил Беглов, указывая на каменные плиты, громоздящиеся у основания отвесных стен.

Намек Антона был очевиден: толщина отдельных обломков *совпадала* с глубиной покрывающих остров трещин. То же самое подтверждали электронные системы сканирования.

– Если здесь была пещера, то она явно искусственного происхождения. – Высказал свое мнение Беглов. – По крайней мере, ее свод кто-то выровнял.

Дальнейший осмотр лишь подтвердил справедливость выводов Антона. Повсюду, куда ни глянь, обнаруживались характерные фрагменты базальта, со следами высокотемпературной обработки. Все они имели одинаковую толщину.

Скопление металлокерамики на противоположном берегу водоема, след плазменных двигателей космического корабля, маскирующее электромагнитное поле, – все это являлось следами современности, в то время как анализ рухнувшего перекрытия указывал, что оно подвергалось температурной обработки не менее тысячи лет назад.

Одна загадка следовала за другой, и чтобы найти ответ, необходимо было исследовать всю площадь бывшей пещеры.

– Как думаешь, почему картографический крейсер не зафиксировал аномалию?

Беглов пожал плечами.

– Они работали с орбиты. Вряд ли в котловину спускали дополнительные зонды.

– Картография… Фрайг ее побери… Предположения есть?

– Нужно разведать противоположный берег.

– Я говорю про пещеру.

– Не наши проблемы, командир. Эхо войны, или игра природы, кто знает? Тут можно предполагать все что угодно, начиная от деятельности древних цивилизаций и заканчивая колониальными транспортами «первой волны».

Коул кивнул, мысленно соглашаясь с приведенными доводами.

Инсекты. Группе поставлена конкретная задача. Ее следовало выполнить. Все остальное – из области прикладной археологии.

– Рейчел, будь начеку. Начинаем движение по правому берегу озера.

* * *

Два километра прошли без осложнений.

Никаких следов деятельности разумных существ или их механизмов, за исключением вездесущих каменных плит, расколовшихся на фрагменты от падения с большой высоты, обнаружить не удалось.

Зона эффективного сканирования уже перекрыла дальний берег озера.

– Ноль-три, наблюдаю корабль.

Бойцы тут же остановились, без лишних команд занимая позиции кругового наблюдения и обороны.

Каждый четко знал свое место.

– Рейчел?

– Все тихо. – Последовал ответ. – Похоже, мы опоздали, командир.

Знать бы к чему? – Подумал Коул, рассматривая видеоизображение корабля инсектов, которое передавал по каналу телеметрии головной дозор.

Внешне транспортник действительно напоминал тысячекратно увеличенную в размерах трехпалую кисть руки. Он стоял на ровной каменной площадке, опираясь на три мощных сегментированных выроста. Та часть конструкции, что невольно ассоциировалась с обрубком запястья, возвышалась на добрых двадцать метров.

– Никого нет дома.

– Блейд, Скарм, – вперед.

Два бойца короткими перебежками устремились к инопланетному кораблю.

Напряжение росло.

Все невольно ожидали внезапного, взрывообразного развития

событий, фантазия, в отсутствии конкретных фактов, балансировала на зыбкой грани абсурда, пока действительность не дала о себе знать:

– Ноль-пять, я их обнаружил!

На проекционном забрале шлема перед глазами Энтони Коула возникла контрастная картинка: на удалении от космического корабля в двухстах метрах от кромки воды, в небольшом углублении, образованном двумя наклонными каменными плитами, вповалку лежали тела инсектов.

– Мертвы. – Спустя некоторое время сообщил Блейд.

– Установи причину.

– Понял.

Темная, едва приметная на фоне скал фигура низко пригибаясь, метнулась к зловещему углублению.

Детали изображения укрупнились. Теперь Коул отчетливо видел бурые пятна, покрывающие камень, отдельно от тел были хаотично разбросаны фрагменты хитина,

– Они убиты. Из импульсного оружия. – Блейд опустился на одно колено, погружая тонкий щуп анализатора в массу тронутых процессом разложения чужеродных тел.

– Минус пять стандартных суток. – Доложил он, считав данные экспресс-анализа.

– Держи позицию. Мы выдвигаемся. Будем искать остальных.

– Принято.

…

Отряд перегруппировался, окружив по периметру космический корабль инсектов.

До дальней стены котловины оставалось не более полукилометра. Именно тут в ограниченном отвесными скалами пространстве пять дней назад произошла трагедия, – трупы инсектов исчислялись сотнями, судя по всему, они едва успели покинуть борт транспортного корабля, как со стороны озера на них обрушился шквал смертоносного металла.

Энтони поднял взгляд, осматривая обшивку транспорта.

Зафиксировав несколько пробоин, он увеличил изображение, убедившись, что края зияющих в броне отверстий носят явные следы высоко температуры.

– Ракеты. С тандемной боевой частью. Кумулятивно-термические. – Скупо прокомментировал Беглов. – Те, кто не успел высадиться, сгорели заживо внутри корабля.

Коул сумрачно кивнул. Чувство тревоги нарастало.

– Не нахожу смысла. – Высказал он назойливую, донимавшую его

мысль. – Кому, спрашивается, понадобилось вырезать целую семью насекомых? Планета не заявлена на колонизацию. Тут, кроме как в этой котловине, и дышать-то, по сути, нечем.

– Да. И это тоже вопрос: почему здесь присутствует кислород?

– Озеро. В нем достаточно микроорганизмов. – Неожиданно ответила Рейчел. – Я их чувствую.

– Откуда бы им взяться, если остальные территории планеты полностью безжизненны? Улавливаешь взаимосвязь, командир? – Спросил Беглов.

– Пещера? – Предположил Энтони, начиная понимать, куда ведет цепочка выявленных фактов.

– Естественно. Ее кто-то оборудовал для замкнутого цикла жизнеобеспечения, отсюда и озеро с культурами бактерий. Уверен, если взять пробу воды, мы обнаружим, что микроорганизмы, живущие в водоеме, плод генной инженерии.

– Полагаешь здесь совершил посадку колониальный транспорт Первого Рывка?

– Нет. Думаю, все намного хуже. – Беглов разжал ладонь. На мимикрирующей поверхности гермоперчатки покоились деформированные шарики, в которых взгляд Энтони тут же узнал один из типов боеприпаса для штурмовой импульсной винтовки модификации «ИМ-90».

– Значит, все же «эхо войны»?…

– Выходит, что так, командир.

* * *

– Теперь нас точно заставят облазить каждую трещину. – Произнес Макс, обращаясь к своему напарнику.

Два снайпера десантной группы – Давид Максуров и Иван Доброхотов расположились в полукилометре друг от друга.

– Не бурчи. – Отозвался Иван, активизируя необычный оптиктоэлектронный комплекс. – Передаю сектора обстрела.

– Принял. Что видишь в свой «телескоп»?

– Фиксирую серпантин. – Доброхотов сменил магазин двухсотого «ИМа», снарядив оружие спецбоеприпасом. КСС[8] оснащался дополнительным боекомплектом, куда входили бронебойные заряды. В условиях атмосферы для поражения бронескафандров и легкой планетарной техники использовался не стандартный шарик, а

«классическая» пуля. Особенность импульсного оружия, основанного на принципе электромагнитных ускорителей, заключалась в том, что каждая последующая катушка «втягивая» заряд, придавала ему импульс ускорения, но затем неизбежно наступал так называемый «момент замирания», когда электромагнитное поле стремилось удержать попавший в него объект.

Обычный «ИМ» работал на пяти ускорителях, которыми управлял микропроцессор. Чтобы избежать «замирания», катушки включались последовательно, электромагнитное поле втягивало заряд и тут же «гасло». Пульсация происходила с частотой в доли секунды, а сферическая форма стандартного боеприпаса позволяла преодолеть остаточные магнитные явления без потери кинетической энергии.

Иное дело остроносая пуля. Она требует дополнительного стартового импульса, и в зависимости от модификации оружия в этих целях использовался либо компрессионный, либо химический заряд.

Проверив синхронизацию всех систем оружия, Доброхотов выставил вариатор темпа стрельбы в положение «одиночный огонь».

– Ноль-два, на позиции. Контролирую серпантин.

– Ноль-три, держу средний сектор.

Коул, выслушав доклад снайперской пары, обернулся к Беглову:

– Бери Блейда, обследуете оба берега озера. Рейчел, остаешься со мной. Скарм, ты работаешь в районе посадки корабля инсектов. Всем включить видеозапись. Отсканировать каждую трещину. Все, приступаем.

* * *

На низкой орбите планеты, совершал геостационарный маневр малый разведывательный крейсер «Воргейз».

Связь с десантной группой прервалась тридцать минут назад, но майор Шагрин умел ждать. Он понимал, что маскировочное поле блокирует сигнал, а густой туман, больше похожий на облачность, не позволяет вести направленную передачу с использованием лазерного луча.

Коулу на осмотр котловины был отпущен час.

…

– Ноль три, у меня след.

– Конкретнее?

– Гравий в некоторых местах имеет повышенную плотность. Четкого очертания нет. Расположение следов очаговое.

Энтони внимательно просмотрел переданные данные.

Действительно системы сканирования указывали на явные уплотнения, протянувшиеся вдоль берега. Это не могло быть следом от прохождения тяжелой планетарной техники, иначе утрамбованный гравий имел бы вид непрерывных полос.

– Произведи микроанализ поверхностного слоя.

– Принял. Исполняю.

– Снайперская пара, докладывать каждую минуту.

– Ноль-два, у меня чисто. – Мгновенно откликнулся Максуров.

– Ноль-три, на дальних подступах тишина. – В тон ему отрапортовал Доброхотов.

– Ноль-шесть, обнаружил оболочку снаряда. Предположительно выпущен из автоматического орудия, калибр пятьдесят миллиметров.

Коул нахмурился.

Такой калибр давно не использовался. Для ручного оружия слишком велик, для планетарных машин маловат. *Точно – эхо войны.* – С нарастающей тревогой подумал он, формулируя запрос поисковой системе.

Ответ пришел спустя несколько мгновений.

"*Пятидесятимиллиметровые автоматические орудия широко использовались в период Первой Галактической войны серв-подразделениями Земного Альянса, в частности установками заданного калибра оснащались машины класса «Хоплит».*

– Всем, внимание. – Энтони старался говорить спокойно. – Похоже, у нас назревают проблемы. Предположительно где-то поблизости скрываются реликты времен Первой Галактической.

– Пока что все тихо, командир. – После непродолжительной паузы ответила мнемоник группы. – Я не ощущаю присутствия активных киберсистем.

Энтони обернулся, посмотрев на отвесную стену котловины.

Все складывалось одно к одному. Косвенные признаки практически не оставляли сомнений в том, что поблизости находятся реликтовые серв-машины. Теперь, после обнаружения оболочки пятидесятимиллиметрового снаряда, становилось понятно, почему уплотнения грунта носят очаговый характер.

– Всем, закругляемся. – Произнес он, приняв решение. Десятое чувство подсказывало: они там, в районе «серпантина». Значит, у группы есть лишь один безопасный путь отхода – по отвесной стене. В принципе не проблема. Оборудование боевых скафандров позволяло совершать восхождения любой сложности, да и опыта бойцам не занимать. Свое задание они выполнили, информация собрана, а дергать смерть за усы,

когда в том нет прямой необходимости, по мнению Энтони, было просто глупо.

– Ну что командир? – Рядом возникла фигура Беглова. Мимикрирующая броня скафандра, постоянно меняющая фактуру и цвет в зависимости от окружающего фона, превращала лейтенанта в смутную, размытую тень.

– Уходим. – Ответил Коул. – Все одно к одному, Антон. Бактерии в озере, обработанный лазерами рухнувший свод пещеры, уплотнения гравия, характерные для следа шагающих машин, – здесь явно была база Альянса.

– Как на двенадцатом Омикроне?

– Да. С той лишь разницей, что там не использовали пещеры. Нашим «братьям по разуму» крупно не повезло. По всем признакам, они нарушили сон «Одиночек».

– И что мы? Уходим? – Переспросил Беглов.

– Уходим. – Подтвердил свое решение командир. – Будем подниматься тут. – Он указал на отвесные скалы.

– А серв-машины? – По непонятной причине продолжал допытываться Беглов.

– Это не наша работа. – Резко ответил ему Коул. – Не та весовая категория. – Уже спокойнее добавил он.

– Да я и не рвусь, – пожал плечами Антон, машинально проверяя крепления ОРКа[9].

* * *

Над серпантином царила тишина.

Ветер не тревожил густое кружево испарений, слой тумана по-прежнему оставался плотным, непроницаемым, хотя «наверху» уже взошло солнце.

Подобие облаков заполняло котловину от края до края, под их покровом, казалось, меркнет свет и гаснут звуки.

Обманчивая, ненадежная тишина.

Чуткие микрофоны сканирующей системы старательно ловят каждый шорох, транслируя данные в режиме он-лайн.

Скрип гравия.

Микроколебания почвы.

Отдаленный невнятный гул, в котором присутствует ритмика.

– Фрайг… – сорвалось с губ Энтони древнее ругательство. – Второй, спишь?!

– Ноль два, у меня все чисто. – Голос снайпера спокоен.

– Рейчел?

– Я слышу звуки. – Подтвердила она. – Контакта нет. Мне мешают маскировочные поля.

– Второй, ты видишь фантом-генераторы? Те, что маскируют устье ущелья?

– Да. Два устройства наблюдаю визуально, ниже слоя облачности, еще два просматриваются сенсорами.

– Уничтожить! – Коул оглянулся. Скарм и Блейд только приступили к креплению нижних элементов необходимой для восхождения страховочной системы.

Не успеем. – Мысль окончательно оформилась в рассудке, хотя для ее подтверждения пока не имелось реальных данных.

Выстрелы снайперского ИМа прозвучали в вязкой тишине как два сухих щелчка.

– Антон, готовь информационную капсулу. Живо!

– Что вводить, командир?

– Готовь к старту, что вводить сейчас узнаем!...

Снова сухо щелкнули выстрелы, и Рейчел, наконец, получила возможность нормально работать, воспринимая окружающее пространство, как положено мнемонику. Она осязала его не органами чувств, дарованным человеку природой, а посредством датчиков сканирующих систем, соединенных с разумом через импланты.

– Есть… Наблюдаю пять объектов, класс – серв-машины, выдвигаются к серпантину из глубины ущелья. – Ее голос звучал отрешенно, в нем не было эмоций, только констатация фактов. – Даю классификацию целей и привязку к ориентирам…

В оперативном окне тактической системы командира появились данные.

Едва взглянув на них Коул задействовал общий канал телеметрии, мгновенно осознав, что ситуация принимает серьезный оборот.

– Телеметрия пошла. Всем внимание!

– Ноль-два, вижу их…

– Ноль-три, подтверждаю прием данных…

Перекличка. Голоса бойцов спокойны, хотя каждый из них внезапно для себя увидел недосягаемые взору цели, так же отчетливо, словно сам являлся мнемоником.

– Скарм, вводи: Основная задача выполнена. Подробная телеметрическая запись прилагается. В ходе операции обнаружена частично сохранившаяся база Альянса времен Первой Галактической. Датчиками раннего оповещения зафиксированы активные сигналы пяти объектов класса "А". Путь отхода отрезан. Требуется срочная эвакуация. На подлете вероятен огневой контакт.

– Готово.

– Запускай!

Боец резко присел на одно колено, обеспечивая себе дополнительную остойчивость, и из пускового тубуса закрепленного поверх правой руки ОРКа, в густую, клубящуюся над головами десантников облачность рванула ракета, уносящая вместо боевой части капсулу автономного передатчика.

– Всем рассредоточиться! Рейчел, обеспечиваешь данные для снайперской пары. Сначала фантом-генераторы, затем серв-машины. Антон, прикрой ее!

Беглов огляделся, наметил укрытие, и, не церемонясь, подтолкнул девушку в нужном направлении. Разум Рейчел, погруженный в виртуальную реальность, не мог одновременно исполнять две задачи, поэтому у мнемоника всегда должен быть напарник, который отвечает за жизнь специалиста.

…Доброхотов и Максудов уже работали по обнаруженным фантом-генераторам. В вязкой, напряженной тишине было отчетливо слышны отдаленные хлопки – это взрывались устройства, генерирующее маскировочное поле.

Никто не ударился в панику, все бойцы, за исключением Рейчел, бывали и не в таких передрягах, хотя сравнивать сложившуюся ситуацию с уже отработанными заданиями, наверное, было неправильно: в каждом случае имеет место свой, индивидуальный, неповторимый расклад…

В данном случае Коул не мог упрекнуть себя за ошибку. Смыслом акции являлась скрытность, и с хода уничтожать фантом-генераторы, обнаруживая свое присутствие, было неприемлемо. Равно как и терять время, обследуя тектонические разломы. Никто не мог предугадать, что космический корабль, совершивший несанкционированную посадку, окажется уничтоженным, вместе с многочисленным экипажем.

Как только картина разыгравшихся тут событий стала ясна, он начал подготовку к отходу группы, интуитивно предугадал, откуда может исходить опасность, выбрал оптимальный путь, но появившиеся в районе серпантина потревоженные серв-машины мгновенно смешали все планы.

Совершать восхождение по отвесным скалам теперь уже бессмысленно, путь к серпантину отрезан, а реактивным ранцевым двигателям бронескафандров, рассчитанным на маневры в условиях невесомости, не вырвать бойцов со дна котловины, – их ресурса хватит разве что на километр, а отвесные стены имели высоту в полторы-две тысячи метров.

В сложившейся ситуации оставалось только одно: сорвать маскирующее поле, и продержаться те десять минут, что необходимы для подлета штурмовых модулей с борта высадившего их «Воргейза».

Учитывая дистанцию до противника и неторопливую поступь серв-машин, задача выполнимая.

– Поле частично свернуто. – Пришел доклад. – Где-то осталось два генератора, Рейчел не может их обнаружить.

– Переключайтесь на серв-машины.

– Понял. – Ответ Доброхотова прозвучал напряженно, в нотках его голоса чувствовалась нервозность.

Коул вполне понимал состояние снайпера. В его руках была всего лишь крупнокалиберная импульсная винтовка, в то время как исчадия прошлой войны, выдвигающиеся со стороны ущелья, могли ответить на выстрел массированным ракетным залпом или прицельными очередями автоматических орудий.

– Ракетные комплексы к бою! Дейв, дай телеметрию со снайперской оптики. Будем работать по твоим вводным!

– Есть… Переключаю.

* * *

Майор Шведов, курирующий операцию по линии разведуправления, расположился за терминалом координатора в тактическом модуле «Воргейза».

Глядя на многочисленные экраны, он не нервничал. По имеющимся у него данным Энтони Коул опытный командир, на счету его группы не один десяток сложнейших операций. Сегодняшний разведрейд сущий пустяк по сравнению с иными заданиями, которые значились в послужном списке отряда наемников..

Да, добавили нам хлопот братья по разуму. – Подумал он.

«Воргейз» находился в режиме автономного патрулирования уже четвертый месяц. Курс корабля проходил по окраине шарового скопления

О'Хара, плотно заселенного Инсектами и Логрианами.

Телескопический обзор демонстрировал картины глубоко космоса, где царила игра противоположностей.

По правому борту крейсера ткали узор созвездий человеческие миры, по левому траверсу сиял факел серебристого света – шаровое скопление звезд. Прямо по оси курса, равно как и за кормой «Воргейза» расплескался мрак Рукава Пустоты.

Как однажды заметил командир корабля, здесь каждая частица космической пыли несет следы древних трагедий. По большому счету он был прав. Три миллиона лет назад именно тут располагались колонии древних цивилизаций, уничтоженные губительной миграцией Предтеч.

До сих пор часть событий той эпохи остается загадкой. Долгое время Рукав Пустоты сдерживал дальнейшую экспансию человечества, пока в его глубинах не было обнаружено шаровое скопление, скрытое от посторонних глаз устройствами, искривляющими метрику пространства.

Прибежище трех цивилизаций, которые отгородились от остальной Вселенной труднопреодолимой вуалью защитных устройств, и на протяжении тысяч поколений что называется «варились в собственном соку», начисто утратив саму память о космосе, существующем вне пределов скопления звезд.

Теперь после потрясших человечество событий, связанных с атакой Харамминов на Элио, вуаль пала, а термин «Обитаемая Галактика» приобрел иной объем и смысл: возрожденная Конфедерация Солнц объединила миры Людей, Логриан и Инсектов.

Длительная изоляция древних рас привела к закономерной коллизии – не смотря на свои прошлые достижения, они деградировали, утратили большинство знаний, растеряли за сотни веков стагнаций передовые технологии и космическую технику.

Сейчас для них наступила эпоха ренессанса, но по личному мнению майора Шведова это лишь усугубило проблемы новой Конфедерации.

Скоплением О'Хара все ощутимее овладевал хаос.

Космический флот Содружества оказался не готов контролировать десятки тысяч звездных систем, и ситуация стремительно заходила в тупик: с одной стороны имелись четкие договоренности, межрасовые соглашения, регламентирующие колониальную политику, а с другой – реальность перенаселенных систем скопления.

Более других людям досаждали инсекты. Насекомоподобные братья по разуму, возродив технологии межзвездных перелетов, внезапно превратились в неуправляемую силу, схожую со стихийным бедствием.

Этому процессу естественно имелось свое объяснение, причиной недоразумений и мелких стычек являлась не преодоленная до конца семантическая пропасть, две субкультуры все еще плохо понимали друг друга. К тому же инсекты жили «семьями» по своей иерархии напоминающие структуру земных муравейников. Во главе каждой семьи стояли разумные особи, под властью которых находились десятки, а иногда и сотни тысяч неразвитых до уровня самосознания рабочих и воинов.

Чтобы успешно развиваться им требовалось жизненное пространство, но в шаровом скоплении звезд из-за высокой плотности светил существовало лишь ограниченное количество миров пригодных для жизни. В этих условиях экспансия насекомых принимала неуправляемый, угрожающий характер.

Чтобы избежать конфликта, дать ксенологам Конфедерации время, на установление взаимопонимания между людьми и Инсектами, были введены чрезвычайные меры, призванные оградить человечество от вторжения так называемых «диких семей». Временная граница между скоплением О'Хара и освоенными людьми мирами пролегла вдоль Рукава Пустоты.

Космический флот союза миров контролировал опасную зону, пресекая конфликты. Сложность поддержания этой своеобразной демаркационной линии заключалась не только в незаконной миграции инсектов, – само пространство Рукава таило множество опасностей, к тому же у его границ более тысячи лет назад полыхали ожесточенные сражения Первой Галактической, оставившие свой неизгладимый след в виде кладбищ космической техники и планет, до сих пор помеченных условным знаком карантина.

Мысли координатора нарушил внезапный вызов.

Ну, наконец-то. Группа Коула вышла на связь…

Прочитав дешифрованное сообщение майор слегка побледнел, затем, овладев эмоциями, коснулся сенсора на панели интеркома.

– Командира корабля на центральный пост!

* * *

– Ноль два, первому, есть визуальный контакт с целью. – Иван Доброхотов медленно смещал прицел с необъяснимой жадностью впитывая взглядом мельчайшие детали появившихся на серпантине кибернетических исчадий былой войны.

Темная, покрытая камуфляжными разводами, местами выщербленная броня, зловещие контуры оружейных пилонов с закрепленным на независимых подвесках крупнокалиберными орудиями, узкие разрезы смотровых триплексов в толстенных лобовых скатах брони, – смертельно опасные механизмы, ужас, сошедший со страниц электронных справочников и учебников истории.

Конечно, серв-машины оставались на вооружении и по сей день, но тысячелетие технической эволюции значительно видоизменило современные образчики планетарной техники.

Там, где в бой вступают серв-соединения, человеку делать нечего.

Аксиома, рожденная на полях сражений той страшной войны, когда людей осталось в сотни раз меньше, чем созданных для взаимного истребления механизмов.

Иван понимал, что смотрит сейчас не просто на сохранившие функциональность боевые единицы давно не существующего Земного Альянса, – два «Фалангера» и три «Хоплита» не сдвинулись бы с места, не будь в структуре их киберсистем интегрированных модулей «Одиночка», – изобретения еще более жуткого, чем электронно-механическая оболочка.

История возникновения серв-машин уходила своими корнями к аграрным роботам планеты Дабог, но те механизмы управлялись людьми, посредством *полного* нейросенсорного контакта, то есть, ими руководила воля конкретных пилотов, ограничивающая разрушительную мощь шагающих исполинов внутренними понятиями здравого смысла, сострадания, чести… хотя зачастую им противопоставлялась слепая ненависть, неизбывное горе потерь, но при всех нюансах человеческой психологии перевооруженные аграрии Дабога оставались подконтрольны людям.

Чего нельзя сказать о машинах Альянса… – промелькнула в голове Ивана неприятная мысль.

До того, как стать наемником, Иван служил в спецподразделении космического десанта Конфедерации. Курс подготовки бойцов спецназа предполагал не только боевые дисциплины, но и знание истории, как древней, так и современной, поэтому для снайпера группы не являлось загадкой та движущая сила, что управляла в данный момент действиями реликтов.

«Одиночка».

Набор компьютерных компонентов и программ, заключенных в единый кристалломодуль.

Историческая справка:

О программном пакете "ALON[10]", утверждали разное, но люди, пытавшиеся осудить действия ими же созданных и запрограммированных машин, не учитывали одного – опция саморазвития, предполагающая накопление информации, и ее обработку, не ограничивалась узкими рамками боевого опыта, в том случае если к «Одиночке» хотя бы однажды подключался ее создатель – человек.

Любая машина с блоком искусственного интеллекта, однажды соприкоснувшись с живым разумом, так или иначе, выходила за рамки своей узкой специализации.

Чистый боевой опыт накапливали лишь те кибермеханизмы, которые на всем протяжении своего существования работали исключительно в автономном, автоматическом режиме. Именно они обладали полным программным соответствием с задачами войны, преследуя единственную цель – уничтожение противника и захват указанных территорий.

На завершающем этапе войны Земной Альянс, обескровленный затянувшимся на десятилетия противостоянием с колониями, испытывал катастрофический дефицит человеческих ресурсов. Но еще в начале Первой Галактической когда после внезапного поражения на Дабоге конструкторами Альянса были созданы первые серв-соединения, прототипом для которых послужили перевооруженные аграрные роботы не покорившейся планеты, стало ясно, что боевые автопилоты «Фалангеров» и «Хоплитов» серьезно уступают машинам класса «Беркут», которыми по-прежнему управляли люди.

После неудачных боевых испытаний на планете Кассия в электронную структуру серв-машин были внедрены компактные блоки псевдоинтеллекта, где по замыслу разработчиков, должны были накапливаться и получать дальнейшее развитие различные тактические приемы. Но главная новация заключалась даже не в этом. Рассекреченные архивы Альянса свидетельствуют: в 2611 году рубках произведенных на Земле серв-машин вторично появились пилоты. Теперь кристалломодуль «Одиночки», соединенный с *живым* разумом, мог перенимать навыки человека, обучаться, усваивая неординарные тактические решения. Любая мысль пилота оцифровывалась и передавалась через шунт.

Многогранность человеческого рассудка стала своеобразной миной замедленного действия, неучтенным фактором, в том смысле, что кибернетическая система воспринимала не только боевой опыт: сканированию подвергались все мысленные порывы человека, они

оцифровывались, записывались на долгосрочные носители памяти, и это не могло не повлиять на дальнейшее развитие киберсистемы. Прямой нейросенсорный контакт наложил неизгладимый отпечаток на формирование образчиков искусственного интеллекта. «Одиночка» в буквальном смысле мутировала, и программным вирусом, изменявшим ее базовую структуру, был человеческий взгляд на мир, который заставлял машину усваивать неведомые ей ранее понятия добра и зла, боли и блаженства, восторга и горечи.

Нельзя забывать, что шла война, вносившая свои коррективы в формирование базовых модулей «Одиночек». Нередко пилот погибал, но его машина не получала при этом критических повреждений, и как следствие – она продолжала действовать с прежней неординарностью, так, словно в рубке управления по-прежнему сидел человек…

Роковой шаг был сделан приблизительно в середине войны. Именно тогда, на рубеже 2630 года появилась двоякая классификация серв-машин, теперь «Фалангеры» и «Хоплиты» различались не только по тоннажу и конструкции шасси, но еще и по именам собственным. Это означало только одно: в условиях жесткой нехватки квалифицированных специалистов электронные копии погибших пилотов подверглись массовому тиражированию.

Этика оказалась попросту извращена, – то, что в иное время было бы признано крайней формой цинизма, внезапно обрело окраску исключительной чести. Искусство пилота, переданное машине, копировалось на сотни чистых кристалломодулей, это позволило сформировать боеспособные серв-соединения, полностью автоматизированные, но в то же время наделенные индивидуальностью, непредсказуемостью тактических решений. Отсюда, по совокупности линий поведения, которой придерживалась та или иная машина, и возникла вторичная классификация, такая, например, как «Фалангер Сейча» или «Хоплит Донецкого». Именно машины с двойной классификацией печально прославились в разгар войны своей непобедимостью и жестокостью.

На взгляд современных историков посмертное копирование матриц сознания пилотов являлось не памятью, не честью, и даже не формой цинизма, – нечто более чудовищное и извращенное скрывалось за действиями технологов Альянса.

Исследователи, всерьез занимавшиеся историей возникновения «Одиночек» не могли закрыть глаза на множество очевидных фактов. Прежде всего, следовало понять, почему в среде пилотов боевых серв-

соединений шла извращенная пропаганда, подталкивающая их к жестокому соревнованию друг с другом за сомнительную «честь» прижизненного, а чаще посмертного тиражирования своих навыков?

Возможно конструктора «Одиночек» стремились получить как можно больше разнообразного материала, для создания уникальных боевых программ?

Подобное заблуждение легко опровергается статистикой. Разнообразие стилей ведения боя, равно, как и искусство вождения серв-машины все же ограничено, оно имеет свои рамки, а если учесть, что к середине войны количество пилотов со стороны Альянса достигало десятков тысяч человек, то возникает другой закономерный вопрос: почему при наличии столь разнообразного материала, промышленным способом тиражировалось менее сотни матриц?

Здесь существует только одно объяснение.

Не повторяясь относительно способов контакта между пилотом и кибернетической системой, следует отметить, что ни один человек не может в полном объеме контролировать свои мысли и эмоции, ограничивая их только проблемами конкретного боестолкновения, а значит, машина автоматически воспринимает все, о чем *думает* пилот. Зная это, несложно понять смысл приведенных выше цифр. Они свидетельствуют, что подавляющее большинство офицеров Альянса внутренне противились жестокой, затянувшейся войне. Они не высказывали этого вслух, справедливо опасаясь репрессий, но их разум был открыт для кристалломодулей управляемых машин, и те в свою очередь кроме боевых навыков получали «дурную наследственность» в виде невысказанных, потаенных мыслей своих пилотов. Такие матрицы уже не годились для тиражирования и формирования на их основе автономных подразделений. Отсюда и «честь» – право на тиражирование своих навыков получили откровенные отморозки, – люди, которых сломала война, чья психика в корне не отличалась от общей направленности политики Альянса, проводившего политику геноцида колоний…

История постепенно расставляла все на свои места, развенчивая постулат о человекофобии «Одиночек». Изначально ни одна машина не способна к проявлению чувств. Ненавидеть либо любить могли лишь люди, чье навек оцифрованное сознание попадало на устройства памяти боевых серв-машин.

* * *

– Первый, я их вижу. – Повторил Иван. – «Хоплиты» начали спуск. «Фалангеры» выдвигают дополнительные упоры.

– Рейчел, связь с орбитой!

– Нет канала командной частоты. – Губы мнемоника не шевельнулись, но Энтони отчетливо услышал ее тихий напряженный голос.

В этот момент дальнюю часть котловины озарило ослепительное пламя.

– Ракетный запуск, дистанция – шесть километров, баллистическая траектория охватывает зону низких орбит. – Машинально отрапортовал Доброхотов.

– Скарм? Блейд?

– На позиции.

– Приготовиться! Огонь по моей команде!

– Дейв, спокойнее. Дергаешь прицел. – Едва слышно выдохнула Рейчел.

Клубящееся облако пыли, окутавшее «Фалангеров» в момент ракетного залпа, начало оседать. Скарм и Блейд замерли на удалении в полсотни метров друг от друга, изготовившись для стрельбы тактическими ракетами.

– По-видимому, их сенсоры зафиксировали «Воргейз». Залп произведен по крейсеру. – Произнесла Рейчел, следившая за траекторией выпущенных серв-машинами зарядов.

– Где эвакуационные модули?

– Я их не вижу.

Они что не приняли наше сообщение?!

Мысль обожгла.

Коул понимал, медлить нельзя, – три «Хоплита» уже спустились на дно котловины, и не было никаких гарантий, что «Хамелеон» выручит бойцов попавшей в западню группы. Вряд ли они смогут обмануть чуткие сенсоры боевых машин.

Одна секунда, одно слово решало ситуацию: либо он отдает команду, и они вступают в неравный бой, либо…

– "Воргейз" начал подвижку. Я чувствую… да есть возмущение гравитационного поля! Они задействовали генераторы высокой частоты!

У Энтони все оборвалось внутри.

Нет не от страха, от *обиды*.

Их бросали, ибо работа высокочастотных генераторов означала лишь одно – через пару секунд крейсер уйдет в гиперсферу, чтобы избежать

попаданий ракет.

…

– Капитан, что происходит?! – Шведов был вне себя от ярости. – Почему мы все еще в трехмерном континууме?

– Отстань майор, не до тебя. Пока ты отправлял информацию по ГЧ, в нас было выпущено три десятка ракет, и они спокойно прошли через электромагнитную защиту! Их боевые части не содержат электроники. Пришлось уклоняться. Не удивлюсь, если там смонтированы обыкновенные аналоговые видеокамеры!...

– К Фрайгу противодействие! Надо уходить!

– Остынь майор. Осталось тридцать секунд до включения генераторов высокой частоты.

Экраны телескопического обзора вдруг начали темнеть – корабль инициировал гиперпространственный переход.

Шведов почувствовал, что его лоб покрыт испариной. Капитан едва не угробил их, промедлив с включением секций гипердрайва. О людях, брошенных на планете, он в этот миг не думал вовсе. Главное – информация передана, а «Воргейз» ускользнул, находясь теперь в полной безопасности.

Он едва успел подумать об этом, как гробовую тишину рубки нарушил доклад вахтенного офицера, прозвучавший, вопреки правилам, по громкой связи:

– Два объекта на масс-детекторах!

Капитан «Воргейза» метнулся к терминалу контрольных систем.

Полковнику хватило одного беглого взгляда на показания приборов, чтобы понять: сопутствующее поле захватило две выпущенные по крейсеру ракеты и затянуло их в аномалию вслед за кораблем.

В следующую секунду сокрушительный удар сбил его с ног.

Это конец… – полыхнула в рассудке последняя мысль.

* * *

– Командир, нас бросили. «Воргейз» ушел в гиперсферу. – Голос Рейчел бился на открытой частоте связи, будто она зачитывала приговор всей группе.

– Головной «Хоплит» ведет разведку. Дистанция два километра. Принимаю встречный поток сенсорного излучения. – Это был доклад Доброхотова.

Энтони переживал сейчас худшие мгновенья в своей жизни. Нет, командира мобильной группы не парализовал страх, – самые сильные чувства уже успели вспыхнуть и отгореть в его душе за те несколько секунд, что пошли после роковой фразы Рейчел, и сейчас он пытался принять взвешенное решение, но не получалось, к Фрайгу, НЕ ПОЛУЧАЛОСЬ.

Семь бойцов против пяти серв-машин.

Ощущения не подвели, – это действительно был приговор. Их заманили в заведомую ловушку, чтобы потом использовать трупы в форме космодесанта Конфедерации в какой-то грязной игре неведомых сил.

– Командир. – На плечо легла рука Беглова, и хотя это прикосновение не ощущалось сквозь бронескафандр, Коул пришел в себя.

Мы еще живы.

– Антон, пойдешь со мной в паре. Рейчел, – он переключился на командную частоту, – сможешь координировать четыре телеметрических канала?

– Да.

– На исходную, Антон. Мы должны остановить их на дистанции в два-три километра, иначе, крышка. – Коул уже бежал к намеченной для себя группе каменных обломков, на ходу фиксируя в боевое положение дополнительные упоры ОРК, предохраняющие суставы руки от запредельных динамических нагрузок в момент запуска тактических ракет. Беглов повторил его маневр, заняв позицию в сорока метрах от командира.

– Головной «Хоплит» уже в полутора километрах. – Предупредил голос мнемоника.

Энтони быстро сориентировался в обстановке.

– Иван, ты дожжен обездвижить его, как только мы отработаем по «Фалангерам». Дейв, тебе вторая легкая машина. Скарм, Блейд, Беглов, работаете по дальним целям. Очередность по позывным. Я страхую промах.

В действиях Коула сейчас не было ни безрассудства, ни отчаяния. Хотя стандартные оптикоэлектронные системы бронескафандров эффективно работали лишь на дистанции в три километра, а до «Фалангеров» все пять, но в составе группы есть Рейчел, которая, благодаря имплантированным кибермодулям, могла принимать данные от снайперской пары и транслировать их по четырем независимым каналам телеметрии.

Это давало бойцам группы реальный шанс нанести упреждающий удар.

Энтони ни на секунду не забывал, что их противником являются серв-машины, но механическим монстрам как минимум тысяча лет, а тактические орудийно-ракетные комплексы, состоявшие на вооружении группы, являются образчиками современных технологий.

Кто-то допустил серьезную ошибку, обеспечив наемников не только экипировкой, но и вооружением космодесанта.

Все эти мысли, одновременно с выбором позиции и изготовкой к пуску, заняли у командира не боле десяти секунд.

– "Фалангеры" убирают дополнительные упоры.

Все. Дальнейшее промедление уже подобно смерти. Если они сократят дистанцию до одного километра, никакой «Хамелеон» не спасет.

– Работаем!

Труднее всего Беглову. Его запуск – третий, фактор внезапности уже утратит свое значение, позиции будут демаскированы…

Сознание Энтони уже не воспринимало окружающий мир иначе, чем видел его Иван через оптику снайперского ИМа.

Доля секунды, и на ограниченном участке котловины возникла виртуальная сеть, – функции сервера брала на себя Рейчел, связав каналами взаимного обмена данных пусковые комплексы ОРКов и боевые сопроцессоры снайперской пары.

Картинка, проецируемая на забрало гермошлема Коула чуть дрогнула, смещаясь вправо, в тонкую сетку сложного электронного прицела попала поворотная платформа «Фалангера», на долю секунды вспыхнул злобный красный огонек, затем Иван мгновенно переместил ствол ИМа, и алая точка пометила узкий разрез смотрового триплекса кабины, где броня лобового ската истончалась до десяти сантиметров.

Синхронно с короткими остановками ствола из-за естественного укрытия, сияя клинками реактивных двигателей, рванули две тактические ракеты.

Резко повернув голову, Коул успел заметить, как Скарм смутной тенью метнулся прочь, меняя позицию, и тот час в точку запуска ударила длинная, захлебывающаяся очередь пятидесятимиллиметровых снарядов, выпущенных с орудийный подвески передового «Хоплита».

Многотонную каменную глыбу разнесло в дымящийся щебень, вой осколков, смешанный с грохотом разрывов, гулким эхом отразился от скал, изображение на проекционном забрале Коула на миг подернулось рябью помех, но картинка тут же восстановилась, – Рейчел сумела справиться с собой, поборов шоковые ощущения с немыслимой для необстрелянного бойца скоростью.

Из-за укрытия, где скрывался Блейд, одна за другой, с интервалом в секунду, вырвались, устремившись к далекой цели два огненных росчерка.

«Хоплит» резко повернул торс, реагируя на вспышки запуска.

Эту бесноватую машину, подобравшуюся на критическое расстояние к позиции группы, нужно было остановить, во что бы то ни стало, и Коул принял решение атаковать.

– Дейв, скоординируй меня!

Проклятие Щииста…

Смещаясь, чтобы открыть сектор огня, Энтони едва не упал, споткнувшись о валун, зрение раздваивалось, он едва видел, куда ступает нога, из-за того, что укрупненное изображение серв-машины заполняло всю оперативную область проекционного забрала.

Рядом полыхнул факел стартовавшей ракеты, но второго запуска не последовало, вместо ожидаемой вспышки Коул увидел, как неистовая сила выбивает из базальтовых глыб оранжево-черные султаны разрывов.

Припав на одно колено, он почувствовал, как тугие взрывные волны пытаются сбить его с ног, но картинка на проекционном забрале оставалась четкой, – он видел эту механическую тварь, что упорно продвигалась вперед, поливая демаскированные позиции шквалом снарядов из двух орудийных установок.

Сухой щелчок фиксаторов, освободивших хвостовые стабилизаторы ракеты, потонул в адском грохоте разрывов; пока он менял позицию, дистанция до цели сократилась, и ракета, вырвавшись из пускового тубуса, ушла фактически по прямой, – Энтони видел, как нестерпимо-яркий белый бутон разрыва расцвел в том месте, где массивная рубка Хоплита соединялась с бронированными кожухами поворотного механизма главного сервопривода; кумулятивная струя прожгла бронепластины, превращая расположенные за ними сервомоторы в потеки расплавленного металла, и тут же следом грянул взрыв боевого сердечника, начиненного таугермином.

Рубка легкой серв-машины с зубовным скрежетом вдруг начала крениться вбок, затем раздался звонкий, лопающийся металлический звук и передовой «Хоплит» развалился на две неравные части.

– Дейв, у меня осталась ракета! Сориентируй на второго! – Охваченный возбуждением Коул пытался отыскать взглядом среди шлейфов прогорклого дыма еще одного «Хоплита», который…

Максуров молчал. Телеметрия отчего-то застыла, передавая в оперативное окно изображение расколотых снарядами обломков скальной породы, на которые сверху капала кровь.

– Командир он справа от тебя! – Раздался в коммуникаторе

предупреждающий выкрик Беглова. – Ты на линии огня! Уходи, я прикрою!

Энтони повернулся.

Окружающее воспринималось как в полусне.

Исполинская фигура «Хоплита» надвигалась на него, до серв-машины оставалось не более пятидесяти метров, спаренные стволы автоматических орудий, расположенные по бокам обтекаемого корпуса рубки чуть дрогнули, смещаясь в сторону человека.

Не успею.

Он не вскочил, в попытке бежать, укрыться, а лишь повернулся навстречу надвигающемуся механическому исчадию, поднимая на прямую наводку левую руку с закрепленным поверх брони скафандра ОРК.

Они выстрелили одновременно.

Последнее, что увидел в своей жизни Энтони Коул, был свет.

Ослепительный свет разрыва.

* * *

Рейчел фактически не воспринимала последние минуты скоротечной схватки.

Оставшись без опеки, она прижалась спиной к каменной глыбе, под прикрытием которой оставил ее Беглов, сосредоточившись лишь на том, чтобы обеспечить устойчивые каналы взаимного обмена данными между кибернетическими комплексами бронескафандров доверившихся ее способностям бойцов.

Обычная работа для мнемоника, с той лишь разницей, что никогда ранее объекты взаимодействия не располагались так близко, а к виртуальному восприятию событий грубо и недвусмысленно примешивалось физическое действо: она ощущала все, начиная от тяжкой поступи серв-машин, тугих, оглушительных ударных волн, что гуляли меж отвесных стен котловины, и, заканчивая вспышками боли, агонии гибнущих бойцов.

Последнее оказалось выше ее моральных сил.

Рейчел не по своей воле вышла из круговорота смертельной схватки, – ее сознание, приученное оперировать холодными абстрактными величинами, попросту не выдержало ментального взрыва *агонии*, когда очередь, выпущенная из автоматического орудия «Хоплита» превратила в дымящийся окровавленный щебень позицию Максурова, – второго снайпера группы.

До капли впитав уничтожающее рассудок ощущение смерти, Рейчел инстинктивно вскочила, двумя руками схватившись за грудь, словно это ее прошило очередь разрывных снарядов, и тут же, без права на вдох, пришли иные ощущения, уже реальные: та глыба базальта, за которой ее оставил Беглов, вдруг задрожала, будто по ней с другой стороны часто и ритмично замолотил кувалдой незримый титан.

В следующий миг в разные стороны брызнули дымящиеся обломки камня, вслед, сбивая с ног, ударила тугая волна раскаленного воздуха, и Рейчел в последний миг перед потерей сознания успела блекло, отрешенно удивиться, что смерть выглядит так заурядно, глупо…

* * *

Далекий голос с трудом прорывался сквозь ватное ощущение контузии.

– Фрайг… Командира убило. Дейв погиб. Блейда разорвало у меня на глазах. Рейчел! Кто видел Рейчел?

Ей хотелось вдохнуть, крикнуть: «Я здесь» но ничего не получалось, непомерная тяжесть давила на грудь.

– Нужно осмотреть обломки. Мне кажется, ее засыпало. – Это был голос Скарма.

– Займись. Я помогу Ивану, у него перебило сервоприводы скафандра.

– Добро. Приглядывай за «Фалангерами». У них наверняка есть вторичные цепи управления.

– Это уж как пить дать. Вот только с места они теперь хрен сойдут.

Рейчел отчетливо слышала разговор, но не смогла ни вступить в него, ни элементарно позвать на помощь. Что-то случилось с передатчиками бронескафандра. Голоса начали удаляться. Значит, локационная система накрылась в комплексе, а диалог Скарма и Беглова улавливали сверхчуткие микрофоны экипировки.

Как же дать знать о себе?

Рейчел понимала: пока работает «Хамелеон», ребята могут бессчетное число раз пройти мимо, не заметив неподвижную фигуру, заваленную крупными обломками камней.

Почему ее импланты не в состоянии связаться с кибернетическими элементами их экипировки? Что вдруг случилось с надежными микромодулями?

Для мнемоника подобное положение казалось абсурдным,

противоестественными. Микрочипы, соединенные с ее нервными тканями головного мозга, должны работать при любых условиях. Кому сказать, – в период своей работы на одну из корпораций Окраины она свободно выходила на связь с космическими кораблями, орбитальными станциями и спутниками, а тут не может подать знак людям, которые всего в двух шагах от нее…

Рейчел не догадывалась, что Беглов, принявший на себя обязанности командира, приказал отключить все приемопередающую аппаратуру, чтобы обездвиженные серв-машины, застывшие на пандусе, у противоположной стены котловины, не скорректировали огонь, отследив обмен данными между выжившими бойцами группы. Именно в силу этих причин Рейчел слышала *удаляющийся* разговор Беглова и Скарма, – для общения они использовали аудиосистемы своих скафандров.

После первой минуты панического отчаяния она стала понемногу овладевать собой.

Боли не ощущалось. Значит, каменные обломки не смогли проломить бронепластины, а лишь навались сверху, порождая не проходящее ощущение давления на грудь. Руки и ноги не шевелились, но она чувствовала их.

Уже неплохо. Если бы не тишина, окутавшая разум, Рейчел бы признала, что первый в ее жизни бой закончился всего лишь легкой контузией.

Что случилось с электроникой? – мысленно пыталась понять она. Рейчел не строила иллюзий: ровно половину способностей мнемоника поставляют те кибернетические системы, с которыми, посредством специально разработанных имплантов, контактирует разум. Выходит – нет активных внешних киберсистем, нет и способностей?

Мысли метались по кругу, она искала выход из ловушки, моральное напряжение Рейчел росло с каждой секундой гибельной для рассудка тишины.

Кибермодули ее имплантов машинально перебирали все доступные диапазоны сканирования и связи.

Ей необходимо наладить устойчивый контакт с любым внешним устройством. Любым.

Не загоняйте мнемоника в угол. – Этой фразе суждено родиться много позже, но у ее истоков будут стоять именно такие, смертельные, безвыходные ситуации, когда человеческий рассудок, работая на выживание, делает практически невозможное, с точки зрения непосвященных.

Семь имплантов. В каждом гнезде по кибермодулю, – маленькому чипу памяти, снабженному собственным микропроцессором. В ПЗУ прошиты определенные программы, отвечающие текущим задачам, которые отрабатывает мнемоник. Это внешняя, зримая, технически обоснованная и понятная сторона. Человек, называющий себя мнемоником может поддерживать связь с удаленными кибернетическими устройствами, перехватывать управление, создавать либо разрушать виртуальные сети, блокировать информационные каналы от постороннего вторжения, действуя со скоростью машины и неординарностью живого существа.

Но существует и другая сторона. Импланты мнемоника соединены с живыми нейросетями коры головного мозга. Собственно, кибермодули управляются мыслью, и здесь возникает закономерный вопрос: как глубоко меняется психика человека, что происходит с нервными тканями, которым стала доступна и привычна обратная связь, не имеющая ничего общего с понятиями зрения, осязания, обоняния или слуха?

Ученым еще предстояло открыть удивительную, но все же закономерную истину: импланты не только расширяют дарованный человеку природой набор сенсорных органов восприятия мира, но и играют роль катализаторов в процессе видоизменения нервных тканей. Адаптация разума к искусственным нейросетевым компонентам ведет к двум взаимоисключающим следствиям – либо человек сходит с ума, либо структурные изменения высших нервных слоев даруют ему не только новый образ мышления, но и *физические способности*, уже не зависящие от количества и качества имплантов.

Немногие кибрайкеры или мнемоники[11] имели ясное представление о своих потенциальных возможностях, большинство до конца своей жизни пребывали в заблуждении, что их главной особенностью является необычное для большинства людей количество имплантов, и уникальность программ, инсталлированных в сменные кибермодули. И только единицы из нарождающейся на глазах особой касты внезапно начинали осознавать, что микрочипы с определенного момента становятся лишь придатками тех уникальных биологических структур, что сформировал мозг, под воздействием постоянной внешней стимуляции.

Конечно Рейчел, оказавшись в отчаянном (с ее точки зрения) положении, была напряжена до предела своих возможностей. Она страстно желала, чтобы ее нашли, освободили от давящего груза камней, и единственным средством дать знать о себе, в ее понимании был контакт с любой киберсистемой, будь то коммуникатор боевого скафандра и

процессор импульсного оружия. Даже одного выстрела, *самостоятельно* произведенного механизмами импульсной винтовки, хватит, чтобы ребята поняли, – она жива.

К несчастью Беглов приказал отключить всю электронику.

* * *

В пяти километрах от места событий на уклоне пандуса застыли три тяжелые серв-машины.

Ни один из «Фалангеров» не получил критических повреждений. Да, они были временно выведены из строя снайперски точными попаданиями тактических ракет, но это вовсе не означало, что боевые кибермеханизмы теперь навек останутся тут, – с борта «Нибелунгов» уже были вызваны андроиды технической поддержки, которые в течение часа-двух устранят неисправности.

– Что видно, Иван?

Доброхотов, занявший позицию в расселине взглянул в прицел снайперского ИМа. Без электронного усилителя, фильтра помех и термального сканера, оптика демонстрировала тусклое изображение, но кое-что рассмотреть удалось.

– Надо поторопиться, Антон. Подле «Фалангеров» появились андроиды. Либо пехотное прикрытие, либо техническая поддержка, отсюда не разберешь.

– А куда нам теперь топиться? – Сощурился Беглов.

Да, действительно… – Иван отложил оружие, помогая командиру снять со своего бронескафандра разбитый кожух механического усилителя. «Воргейз», судя по всему, скрылся в гиперсфере. И не факт что за ними вернуться. Знать бы заранее, что «заказчиком» окажутся конфедераты – ни за что не согласился бы принимать участие в этой акции. Коула тоже провели, – дескать, миссия Совета Безопасности, никакого риска, только отснять незаконное поселение инсектов и сразу назад.

Бесплатный сыр в мышеловке. – С раздражением подумал Иван. – Теперь куда нам податься?

…

Был белый вальс…

Рейчел, забыв о собственном незавидном положении, напряженно вслушивалась в звенящую тишину, откуда пробивались далекие, но, тем не менее, отчетливые звуки.

Словно кто-то снова и снова повторял накрепко засевшую в памяти строку из слышанной когда-то песни… или, быть может, стихотворения?

Такое бывает. Привяжется мелодия или несколько слов, и неосознанно крутишь их, словно в голове работает неисправный кристаллопривод…

Да, но почему я слышу их?

Правильно сформулированный вопрос. Рядом никого, иначе микрофоны скафандра передавали бы посторонние звуки, скрип гравия, шелест шагов…

Звук воспринимался рассудком. Она не могла поручиться в этот момент, что не бредит. Сознание упрямо цеплялось за какую-то безумную, призрачную надежду, но как сложно обманывать саму себя, пытаясь поверить в факт мнемонического контакта с удаленной кибернетической системой.

Машины так себя не ведут.

Был белый вальс…

Я, наверное, начинаю сходить с ума. – Подумала девушка.

И все же она решилась.

Помоги! – Мысленный крик Рейчел противоречил логике общения с удаленными исполнительными механизмами, – скорее это был жест отчаяния и ирреальной надежды…

В пяти километрах от нее андроид, руководивший группой технической поддержки, уронил спецключ, при помощи которого он только что снимал деформированный кожух поворотной платформы «Фалангера».

Обернувшись, он посмотрел в туманную даль котловины, словно был способен разглядеть источник передачи данных.

Одно слово, несущее помимо конкретного призыва к действию еще и оттенки интонаций, в которых сливались воедино надежда и отчаяние, заставили заработать блоки долгосрочной памяти, одновременно в системе андроида произошла активация систем поиска, и когда призыв повторился, он точно зафиксировал пеленг на источник сигнала.

Помоги мне…

Он увидел не разбитые снарядами «Хоплитов» скалы, не туманную даль противоположного берега небольшого озера, а изувеченную, перепаханную войной землю, руины города, огрызок эстакады, и маленькую девочку, в шоке бредущую средь нагромождения бетонных обломков.

Уходи! Ты на линии огня! Уходи!

…

Он не выстрелит. – Пришел из глубин памяти чужой, незнакомый

голос.

…

Был белый вальс.

Эту песню любил слушать его командир, сгоревший в рубке своего «Фалангера». Майор Марк Дуглас.

Андроид так и не подобрал упавший на землю механический ключ.

Кто я?

Немой вопрос растекался внутри, обжигая фантомной посттравматической памятью.

Машины не умеют чувствовать.

Он вытянул руки и взглянул на них. Дешевая пеноплоть покрывала пальцы. Цвет у нее был розовато-серый, местами два оттенка, вместо того чтобы смешиваться, образовывали разводы.

Перед глазами все четче проявлялся чужой, совершенно незнакомый мир, будто самосознание, спавшее летаргическим сном, внезапно очнулось.

Где я? Что со мной?

Неистовый призыв о помощи больше не повторялся, но он точно запомнил место, откуда исходил сигнал.

Понятия смешивались в очнувшемся рассудке, технические термины внезапно подменялись другими, привычными для *человека* семантическими понятиями, программные приоритеты уже были нарушены, и ядро системы протестовало, упорно пытаясь пресечь порыв заработавших на полную мощность нейросетевых модулей.

Если так формулируется внутренний голос машины, то он, только что послал его к Фрайгу, проигнорировав все предупреждения с неимоверной скоростью выдаваемые на внутренний дисплей аларм-процессором системного ядра.

Остановишь приводы? Это мы еще посмотрим, кто кого остановит.

Первый шаг дался ему с неимоверным усилием.

Под слоем дешевой пеноплоти в правой височной области металлопластикового черепа, там, где у человека обычно располагается имплант, у андроида имелось стандартизированное гнездо, куда в данный момент был подключен модуль «Одиночки».

Тот самый модуль, что тысячу лет назад изъяли из рубки изрешеченного снарядами «Хоплита», а потом забраковали на тестовом полигоне «Линии Огня».

Отложи его в третью группу. Сойдет для андроида пехотной поддержки, в крайнем случае, попадет в техническое обеспечение.

Память машины сохранила тот далекий, непонятный голос незнакомого офицера.

* * *

– Антон к нам направляется андроид.

Беглов поставил на место последний элемент резервного привода, взятый из ремкоплекта скафандра, и спросил:

– Вооружен?

– В руках ничего нет. Одет в комбинезон синего цвета, с эмблемой технической поддержки на рукаве и груди. Я хорошо знаю символику подразделений Альянса.

– Думаешь уловка? – Спросил Беглов, завершив установку бронированного кожуха. – Пытаются таким образом обнаружить наши позиции?

– А кто их знает? – Пожал плечами Иван, пробуя согнуть ногу. Отремонтированный привод работал. – Этим машинам по тысяче лет. По-моему в их электронных мозгах все еще продолжается война, или я не прав?

– Прав. – Беглов огляделся по сторонам и добавил:

– Так, твой скафандр в порядке. Держи дройда на прицеле, но без крайней нужды не стреляй. Посмотрим, насколько хороши их системы сканирования. Если «Хамелеон» нас выручит, попробуем незамеченными пробраться в ту расселину, откуда появились серв-машины. Если там расположена их база, значит, как минимум должны быть средства связи, я имею ввиду ГЧ-передатчики.

– Надеешься выбраться отсюда?

– Надеюсь.

Иван кивнул, соглашаясь с предложенным планом.

– Рейчел нашли? – Спросил он, прежде чем Беглов успел встать.

– Пока нет. Этим занимается Скарм. Без нее не уйдем, не сомневайся. – Успокоил его Антон.

– Добро. – Доброхотов, наконец, поменял неудобную позу и добавил, ласково проведя ладонью по прикладу снайперского ИМа:

– Мы ведь еще не закончили с этим заданием, верно? Кто-то должен ответить за смерть ребят.

Беглов не ответил, но Ивану показалось, что командир едва заметно кивнул в ответ.

* * *

Андроид обогнул озеро по левому берегу, с видимым равнодушием прошел мимо двух разбитых, выгоревших изнутри остовов легких серв-машин и направился к тому месту, где снаряды автоматических орудий покрыли землю палеными оспинами воронок, раскрошив при этом несколько многотонных обломков скал.

Он все еще пребывал в состоянии двойственности, внутренней борьбы командных приоритетов, поэтому несколько раз останавливался, словно не в силах двигаться дальше.

С одной стороны система андроида была обязана подчиняться руководящим инструкциям, поступающим из модуля «Одиночки», но задачи, сформулированные для текущего момента, в корне не совпадали с функциями, четко прописанными в базах данных. Вместо того, чтобы ремонтировать поврежденную в бою технику, модуль программ независимого поведения заставил человекоподобную машину выйти из зоны ремонта и действовать в опасном отрыве от основных сил, в нелогичном стремлении оказать помощь гражданскому лицу.

Внутренняя борьба была мучительна, по крайней мере для нейросетей модуля «Одиночка», куда десять веков назад, в момент предсмертного напряжения всех моральных сил, в буквальном смысле *перетекла* оцифрованная душа пилота.

Именно душа, ибо частицы рассудка успели расположился на искусственных носителях кристалломодуля, еще при жизни Алана Мерфи.

Теперь, когда внезапно повторившаяся ситуация разблокировала запечатанные после теста неейросети, к нему вернулась память о чувствах.

Поборов очередной программный сбой, андроид подошел к нагромождению каменных обломков и начал разбирать завал.

Он не воспринимал того факта, что за ним следят три напряженных пары глаз. Если говорить языком привычных для человека образов, дройд находился в состоянии аффекта.

Наконец, аккуратно приподняв и отбросив в сторону два последних каменных обломка, он увидел поврежденный бронескафандр, под керамлитовой скорлупой которого скрывалось хрупкое тело молодой женщины.

Протянув руку, он наклонился, помогая ей подняться на ноги, и вдруг произнес:

– Лейтенант Алан Мерфи, второй ударный серв-батальон. Вы чудом избежали смерти, мэм. Как вас зовут?

– Рейчел. – Тихо, потрясенно ответила она, еще не понимая сути случившегося.

Перед ней стоял андроид, но он вел себя и разговаривал как человек.

* * *

– Ты что-нибудь понимаешь? – Тихо спросил Иван, обращаясь к Скарму.

– Ни Фрайга, не разберу. – Сознался тот. – Спроси у Беглова.

– Антон, объясни, что происходит?

– Рейчел тестирует андроида. – Сумрачно ответил Беглов. – Она утверждает, что в его системе каким-то образом прописан образ человека.

– И ты этому поверишь?

– Она мнемоник. Киберсистемы ее профиль. Что до вопроса – верю или не верю… – Беглов на секунду задумался, а затем добавил: – Если ты помнишь, была война. А на войне возможно все.

– Ерунда. Когда я служил в космодесанте, мы изучали тактико-технические характеристики боевой техники Альянса.

– Ну? Поделись. – Беглов присел на валун. – Что тебе известно о модулях «Одиночка»? Один из них, между прочим, интегрирован в систему этого андроида. – Добавил он.

– Даже так? – Иван присел рядом, на корточки, при этом сервомоторы его скафандра болезненно взвизгнули. – «Одиночка», – это, прежде всего, удачно скомпонованное «железо» куда инсталлирован набор программ независимого поведения. Конечно, в его структуре есть нейромодули, способные симулировать работу биологических нейросетей, но их объем слишком мал, чтобы говорить о какой-то полноценной копии человеческого разума. Нейросети обучались нестандартным тактическим приемам ведения боя, пока машиной управлял человек. В них накапливался боевой опыт, понимаешь?

Беглов кивнул.

– На войне правда – первая жертва. – В ответ процитировал он. – Это сказал кто-то из древних. – Антон покосился в сторону противоположного края котловины, где за дымкой испарений скрывались поврежденные «Фалангеры» и добавил: – Давай дождемся, пока Рейчел закончит свою работу. В конце концов, мне не приходит на ум ни одной причины, по

которой андроид стал бы покидать зону технического обслуживания поврежденных машин и искать погребенного под обломками человека. Странное поведение, не находишь?

* * *

Чудес на свете не бывает. Все, что происходит с нами объяснимо, просто зачастую люди не обладают нужным знанием, чтобы верно истолковать суть того или иного события.

На этот раз среди группы наемников на счастье оказался специалист нужного профиля. Впрочем, Рейчел не надеялась, что остальные сразу и безоговорочно поверят ей. Во-первых, она в группе недавно. Во-вторых, многие мужчины не склонны доверять суждениям женщин.

А деваться-то нам некуда.

Она встретилась с напряженным выжидающим взглядом Беглова.

Андроид стоял не шелохнувшись.

– В общем, так, ребята… – голос Рейчел звучал тихо, его слегка искажала аудиосистема боевого скафандра. – Мы на карантинной планете. Код по унифицированному звездному каталогу КХ3496. Данная котловина когда-то являлась естественной полостью, пещерой, которую в конце войны было решено использовать для организации базы РТВ. Для этого сюда были посланы три транспорта класса «Нибелунг» оснащенные дополнительными кибермеханизмами, предназначенными для терраформинга. Это они создали озеро, и поселили в нем выделяющие кислород бактерии. Затем, в ходе работ по созданию так называемой «бункерной зоны», во время процесса удаления лишних горных пород, свод пещеры не выдержал собственного веса и рухнул.

– Здесь были люди? – Спросил Беглов.

– Нет. Только серв-машины, три взвода, два осуществляли работы по перепланировке пещеры, используя в качестве инструментов бортовое лазерное вооружение. Третий взвод, с машинами которого мы сегодня столкнулись, осуществлял охрану.

– А андроиды?

– Их всего пятнадцать. Три отделения. В зависимости от обстоятельств они могут исполнять функции ремонтных бригад, либо осуществлять пехотную поддержку серв-машин.

– Это он тебе рассказал?

– Да.

Беглов с явным сомнением посмотрел на человекоподобную машину, но от комментариев воздержался, решив, что прежде следует выслушать Рейчел.

– Можешь объяснить, почему он пошел разыскивать тебя под завалами?

Она кивнула.

– У меня встречный вопрос, Антон. Хотя, он относится ко всем. Вы понимаете, что компьютерный язык, составляющий основу программ данного кибермеханизма, не просто устарел, его будет правильно назвать «мертвым».

– Ну, допустим, это понятно даже мне. – Ответил Скарм.

– В таком случае вы все должны согласиться, – мои кибермодули ни коим образом не могли воздействовать на систему андроида. Я не могла перехватить управление, и заставить его совершить определенные действия.

– Звучит логично. Но к чему ты клонишь?

– К тому, что перед вами не просто человекоподобная машина. В андроида интегрирован модуль «Одиночка», который долгое время находился в прямом нейросенсорном контакте с человеком, конкретно с лейтенантом военно-космических сил Альянса Аланом Робертом Мерфи, пилотом легкой серв-машины класса «Хоплит». – Рейчел вдруг тяжело вздохнула. – Он погиб семнадцатого сентября 2637 года в бою за Юнону. Ударному флоту колоний тогда не удалось овладеть одной из близко расположенных к Земле систем Линии Хаммера, и после боев вся поврежденная техника подверглась утилизации. Единственным исключением являлись модули «Одиночка». Их изымали из серв-машин и отправляли в некий, непонятный для меня центр, где проводилось их тестирование и распределение по разным категориям, для дальнейшей эксплуатации.

– Ты уклоняешься от сути, Рейчел. Начала с мертвого машинного языка, а теперь рассказываешь нам историю.

– Я не уклонилась от сути, а лишь объяснила, каким образом модуль с «Хоплита» попал в систему человекоподобной машины. Понимаешь, Антон, – Рейчел машинально обращалась к Беглову, принявшему командование группой после смерти Энтони Коула, – когда я лежала под завалом камней, мои импланты не смогли установить связь с кибернетическими устройствами. Но на одном из диапазонов связи коммуникатор, который, как и все остальные кибермодули связан с моим мозгом, вдруг начал принимать *мысль*. Сначала я здорово перепугалась.

Общаться на мнемоническом уровне могут только специально обученные, незаконно имплантированные люди, такие как я. Но будь тут еще один мнемоник или на худой конец – кибрайкер, я бы почувствовала это намного раньше, еще до боя. Мысль принадлежала человеку, но я не сразу разобрала слов – они были выражены при помощи устаревшего интеранглийского, понимаешь?

– Хочешь сказать, что перед нами Алан Мерфи? Вернее его сознание, записанное в нейросетях «Одиночки»?

– Не совсем так. Количество искусственных нейронов ограничено. Их суммарного объема не хватит, чтобы содержать полную информацию личности. Но в момент смерти лейтенант испытал сильнейший эмоциональный шок. В своем сегодняшнем состоянии он похож на больного амнезией, – не помнит ничего, что было с ним то того рокового боя, но осознает факт собственного бытия, помнит, что случилось с ним позже, и главное – он чувствует. Понимаете? – Рейчел обвела взглядом лица троих напряженно слушавших ее мужчин. – Чувства составляют основу нашей души, они зачастую руководят действиями, человека даже вопреки разуму. В момент смерти лейтенанта Мерфи через шунт нейросенсорного контакта в нейросети модуля «Одиночка» ушла его душа.

Беглов покосился на андроида.

Неизвестно, что творилось в этот момент в душе самого Антона, но, после недолгой паузы, он внезапно спросил, обращаясь к человекоподобной машине:

– Ты слышал, что сказала Рейчел?

Андроид кивнул.

Этот чисто человеческий жест оказался красноречивее любых слов.

– Вот суки… – Не выдержав, выругался Скарм.

– Ты о ком? – Поинтересовался Иван.

– О наших пращурах, если можно так выразиться. Ладно, они – шла война, чего там говорить, а что нам впаривали все эти инструктора?

– Думаю, что они тоже не знали всей правды. – Ответила ему Рейчел. – Мне кажется, что случай с Аланом, не уникален, но…

– Нас мало. – Внезапно произнес андроид. – Не знаю сколько, но мало, относительно общего количества «Одиночек». Те, кто попадал в третью группу, исчислялись единицами из тысяч тестируемых модулей.

Четыре человека молча смотрели на андроида.

Он стоял, прислоняясь спиной к каменной глыбе, скрестив руки на груди, его мешковатая, синяя униформа, местами испачканная маслом, делала его похожим на предельно усталого заработавшегося до полусмерти

технаря. Сероватый оттенок искусственной плоти еще более усугублял впечатление, и в то же время без специального сканирования, оценивая лишь внешний вид, трудно было определить, что перед тобой стоит машина.

Еще труднее постичь процессы человеческого мышления.

Как, например, нужно оценивать жест Скарма, который вдруг протянул закованную в бронепластик руку, и, хлопнув дройда по плечу, сказал:

– Ладно, лейтенант, не дрейфь. Прорвемся. Твоя война закончилась. – Он вдруг осекся.

– Тут ты не прав, котенок. – Беглов хмуро посмотрел в даль. – Мы-то по-прежнему в глубокой… – он не договорил, обернувшись к человекоподобной машине. – А теперь давай поговорим по существу, лейтенант. Кто ты, человек или робот, решать не мне и не сейчас. Могу сказать, что Ганио, – планета не очень комфортная, но там найдется место даже для тебя. Вопрос лишь в одном, как нам выбраться из этой западни? Есть какие-то идеи относительно эвакуации группы с планеты? В случае успеха, гарантирую, что ни один человек не посмеет приставать к тебе с неудобными вопросами.

Андроид медленно опустил руки.

– Ты возьмешь меня с собой, в населенный людьми мир?

– Однозначно, – кивнул Беглов.

– А я помогу тебе разобраться… – Рейчел не смогла подобрать нужного слова и ее фраза так и осталась незаконченной, будто повисла в воздухе.

Андроид молчал долго, может минуту, может больше, но людям эта пауза показалась вечностью.

– Зовите меня по имени. – Наконец произнес он. – Это просьба. Что касается эвакуации, то здесь существует одна проблема.

– Какая?

– Я могу провести вас в зону разрушенных стартовых стволов. В семи километрах отсюда расположены три конвойных носителя класса «Нибелунг». На каждом смонтирована секция гипердрайва, но реактор может обеспечить корабль энергией только на один прыжок. При этом координаты точки выхода будут известны заранее. Блок навигации не может быть перепрограммирован.

– То есть, выбора нет? Один прыжок, к заранее известной точке. Какой?

– Солнечная система. Если быть точнее – высокие Земные орбиты.

Казалось, Беглов не удивился такому ответу.

– Сможешь провести нас на мимо «Фалангеров»?

– Смогу. Остальные андроиды технической поддержки находятся в моем подчинении. Серв-машины в данный момент не опасны, они повреждены, следовательно, я могу отдать распоряжение обслуживающим кибермеханизмам в нужный момент отключить локационно-сканирующие комплексы «Фалангеров».

– Хорошо. – Сомневался Антон или нет, прочитать по выражению его лица было невозможно. – С этой минуты ты входишь в состав группы. Как командир объясняю правила. Они просты: своих не бросаем, раненных и пленных не берем.

– Постой. – Вмешалась в их диалог Рейчел. – А как же другие андроиды?

– Они не оснащены модулями «Одиночка». – Ответил ей Алан. – Что касается серв-машин, они попали сюда прямо с конвейера. Их блоки псевдоинтеллекта чисты, иначе никто из вас не уцелел бы в схватке с «Хоплитами».

– Значит ты тут один такой уникум?

– Да. Мои базы данных не содержат сведений о других матрицах сознания. Как сказала Рейчел, я бы почувствовал их.

– Хорошо. В таком случае не будем терять время. Чем быстрее мы уберемся отсюда, тем лучше для нас. Забираем тела погибших и выдвигаемся. Алан указывает путь. Я, Скарм и ты, Иван, несем груз. Рейчел замыкает. Вопросы?

Вопросов не последовало.

Лишь Скарм, осторожно поднимая окровавленное тело Блейда, шепнул мертвому товарищу:

– Мы еще поквитаемся за вас, вот увидишь.

Глава 3.

Земля.

Три человека этим ранним утром собирались на встречу друг с другом.

Вадим Петрович Полуэктов проснулся с первыми лучами солнца, заглянувшего в его спальню через огромное панорамное окно.

Окно было настоящим, из толстого, прозрачного как слеза, пуленепробиваемого стеклопластика. Никаких экранов, утром все было по-честному, только он, солнце, и мегаполис «Антверпен», – огромный город, распростершийся чуть ниже слоя перистых облаков.

Вадим Полуэктов не содержал при себе свиты секретарей и телохранителей, предпочитая самую действенную защиту – неприметность. К тому же он любил уединение. Суеты с избытком хватало в штаб-квартире, а дом для него являлся местом особенным. Сюда редко приходили гости, но зато часто заглядывали солнце и звезды.

Окно спальни выходило на увитую плющом террасу, где посреди разметки посадочного круга был припаркован темно-серый «Гессель-117», последняя модель знаменитой элианской фирмы, выпускающей флайботы представительского класса.

Специалисты Управления поработали над модернизацией машины, и теперь Вадим мог без опасения за собственную жизнь (в джунглях пошаливали банды, обретающиеся средь руин древних городов) водить мощный аэромобиль, легко преодолевавший расстояние между Антверпеном, и вторым крупным поселением Евразии – мегаполисом «Россия», где собственно располагалась штаб-квартира СПО[12].

Встав с постели, пятидесятивосьмилетний генерал не спеша подошел к окну, попутно взяв с небольшой стойки кружку свежесваренного кофе.

Делая маленькие глотки, он смотрел, как солнце встает над городом, и мысленно настраивал себя на рабочий лад.

Сегодня ему предстояла важная, и что редкость для человека его профессии – радостная, желаемая встреча.

Солнечные лучи коснулись обнаженной фигуры генерала, подчеркивая его прекрасное физическое сложение. Казалось что возраст для Вадима Петровича, не более чем цифры, растущие год от года, но не оказывающие существенного влияния на организм.

Врачи недоумевали, а генерал Полуэктов тихо посмеивался над ними,

невольно вспоминая события многолетней давности, когда он, будучи капитаном, во время выполнения оперативного задания, был в буквальном смысле «заново рожден» на борту легендарной «Альфы» – первого колониального транспорта Земли[13].

Новая наследственность, полученная капитаном Полуэктовым, не только помогла ему выжить, выполнив поставленное задание, – она осталась с ним навсегда, не позволяя дряхлеть, вводя в состояние недоумения врачей, и действуя на нервы особо честолюбивым заместителям.

Нет – мысленно усмехнулся Вадим Петрович, глядя на просыпающийся город. – Ренессанс Земле не повредит, но действовать нужно чутко, осторожно, иначе мечта генерала Покровского, который замыслил возрождение прародины человечества и сделал первые шаги по поиску колониального транспорта «Альфа» умрет в страшной агонии межпланетного противостояния. Это не наш путь. Земля более не станет инициатором межзвездных конфликтов.

С этими мыслями он допил кофе, оделся и вышел на террасу, где был припаркован «Гессель».

* * *

Второй участник запланированной на первую половину дня встречи, выглядел более колоритно, чем неофициальный руководитель сил планетарной обороны.

Он проснулся не от солнечного света, а от грубого пинка.

Помещение с обшарпанными стенами заливал тусклый желтый свет, источаемый давно не мытым плафоном.

– Какого Фрайга? – Изображая наркотическое забытье, не открывая глаз, промычал он.

– Хватит придуриваться. Вставай. – Гаркнул над самым ухом резкий, неприятный голос.

– Пошел на…

Удар ноги перевернул его набок.

– Я сказал – встать.

Он промычал что-то нечленораздельное, пытаясь сесть.

Выглядел он прескверно. Жизнь явно не баловала его, к тому же годы, неумолимые годы, – людям из низших слоев общества трудно избежать влияния времени, им недоступны дорогие процедуры омолаживающей

генетической терапии…

– Послушай сынок… – грубо разбуженный бродяга, наконец, сел тяжело привалившись спиной к стене. Глаз он так и не открыл, только побелевшие губы шевелились на изуродованном лице, половину которого покрывала искусственная кожа, иначе – пеноплоть. – Я всего лишь искал место возле теплых труб, чтобы поспать.

– Да? – Насмешка и презрение послышались в ответ. – Тогда тебе просто не повезло, старик.

– Невезение часть моей жизни. Видишь, как она искалечила меня.

– И где тебе снесло половину башки?

– Войны… Жестокие корпоративные войны… – Он судорожно закашлялся. – Я был молод и безрассуден. Знаешь, только потеряв что-то, начинаешь понимать: жизнь дается лишь раз…

– Не пытайся меня разжалобить. Пусть ты слеп и дряхл, но это не смягчит твоей участи. Убейте его. – Отдал он резкий не терпящий возражений приказ вооруженным людям, толпившимся за его спиной.

– Я хочу сказать тебе напоследок. – Голос старика внезапно окреп.

– Что? – Главарь банды, контролирующей заброшенный подземный завод, обернулся. – Ну?

– Хочу чтобы ты знал: меня зовут Эрни. Эрни Рорих.

– Зачем мне знать твое имя?

– Так, к сведению. – Пожал плечами старик, открывая глаза. Тусклый свет плафона упал на миниатюрную видеокамеру, затаившуюся в правой глазнице Рориха. Одновременно с этим разгладились черты его лица, старик будто стряхнул с себя личину дряхлости, и вдруг добавил, ровным, уверенным голосом:

– Твой бизнес закончен, Сайлон. У меня достаточно доказательств, чтобы упрятать тебя вместе с этими парнями за решетку, лет эдак на тридцать. Незаконное предпринимательство, изготовление и торговля оружием, использование законсервированного оборудования, принадлежащего государству, я уже не говорю о систематической неуплате налогов. Вся твоя подноготная тут. – Он ласково провел рукой по протезу, заменяющему половину черепной коробки. – Знаешь, очень удобно, когда в голове есть и мозги и компьютер.

– Сейчас я тебе вышибу и то и другое! – Прорычал Сайлон, приходя в себя от изумления, граничащего с шоком.

Первый испуг прошел, пусть этот оборотень помолодел лет на тридцать, но он по-прежнему сидел, привалившись к стене, под прицелом дюжины импульсных штурмовых автоматов системы «Гервет». Сейчас его

изрешетят, нашпигуют пулями, и вряд ли он успеет сделать хотя бы движение.

– Убейте его! – Повторил Сайлон, сделав шаг в сторону.

Рорих улыбнулся.

Обманчивая физическая немощь, рваная одежда, пара полос грязи, испачкавшей пеноплоть щеки, – все это продолжало воздействовать на противника, внушая: старик не опасен, он скорее блефует, чем говорит всерьез, ну какой из него, к Фрайгу, блюститель закона, да и где, на каком уровне заброшенных подземных коммуникаций, оставшихся со времен Земного Альянса, слово «закон» теряет свой смысл, превращаясь не более чем в пустой звук?

Будь перед ними здоровый, крепкий мужик, ни один из боевиков Сайлона не колебался бы ни секунды, действительно изрешетили бы из автоматов, а так… Ну мало ли что плетет от страха этот нищий, забравшийся под землю явно не от хорошей жизни.

Рорих читал это на лицах, как с листа бумаги или экрана компьютера.

Психология – тонкая наука, но, изучив ее, зачастую можно обойтись без оружия, и как следствие – без лишних жертв. Эрни на собственном опыте испытал, как легко убивать, гораздо сложнее пройти по зыбкой грани фола, добившись желаемого результата и не положив гору трупов.

С каких это пор я стал так высоко ценить человеческие жизни? – Ворчливо подумал про себя Рорих.

Пули тут заслуживал только Сайлон, остальные, сколь ни тяжки их грехи, суть – заблудшие души, оказавшиеся глубоко под Землей, в силу объективно существующих причин, таких как тотальная безработица, низкий уровень социальной обеспеченности, отсутствие системы образования, как таковой.

Конфедерация ввергла Землю в затяжную стадию регресса, и последствия изоляции прародины от остального человечества сказывались повсюду.

Конечно, за те секунды, что прошли между приказом Сайлона и ответным действием Рориха, он не думал о глобальных проблемах, напротив, его рассудок, войдя в ритм миллисекунд, синхронизировался с компьютерными компонентами, заменившими часть травмированного много лет назад серого вещества, работая на полное упреждение.

Кто-то из боевиков все же вскинул оружие, но в этот миг за их спиной раздался громкий лязг, – это соскользнула по направляющим многотонная аварийная переборка, мгновенно превратив помещение в герметизированный склеп.

Свет под потолком погас, в темноте раздались проклятия, затем автоматически включилась система аварийного освещения.

Пока глаза подручных Сайлона свыкались с красноватым сумраком, Рорих успел сменить позицию, оказавшись под надежным прикрытием массивного агрегата, возвышавшегося в дальнем углу помещения. Чтобы никто не строил иллюзий, он взвел электромагнитный затвор импульсной «гюрзы» и произнес:

– А теперь прошу посмотреть наверх. Видите мигающий индикатор над заблокированной дверью? Это сигнал, предупреждающий о вторжении на режимный объект посторонних. Во времена Альянса с такими вещами не шутили. Система соединена с резервуаром, где до сих пор имеется отравляющий газ. Для меня он безвреден, благодаря имплантированным в кровеносную систему метаболическим преобразователям. Слышали, наверное, о таких устройствах? – Не дождавшись ответа, Рорих подытожил: – У вас парни осталось шестьдесят секунд. Либо вы бросаете на пол оружие, и наше дальнейшее общение происходит в присутствии адвокатов, либо сюда начнет поступать упомянутый газ.

– А что измениться, если мы сдадимся?

– Я отключу систему. Для этого достаточно ввести правильный код. Я его знаю. Время пошло.

Несколькими секундами позже на пол с характерным стуком упали пять штурмовых автоматов.

– Сайлон?

Еще один глухой удар.

– Хорошо, теперь лицом к стене. Я открываю дверь, но не советую дергаться к оружию или торопиться на выход.

Злобный индикатор под потолком погас, многотонная плита вздрогнула, и начала натужно подниматься, заставляя вибрировать пол и стены.

Как только зазор между нижним краем переборки и полом достиг одного метра, в него проскользнуло несколько фигур в боевой экипировке.

– Никому не двигаться! – Предупредил глухой голос командира группы захвата, прозвучавший из-под кислородной маски.

– Все в порядке, Джейкоб. – Дал знать о себе Рорих. – Забирай их, и не забудь оформить протокол о добровольной сдаче оружия.

…

Арестованных увели.

Командир группы спецназа помог Рориху встать и усмехнулся, критически осмотрев его облик.

– Нищенствуешь, значит?

– Приходиться. – Усмешкой на усмешку ответил Эрни. – Вы ведь не стали бы церемониться, постреляли бы всех, верно?

Джейкоб откровенно пожал плечами.

– Могу чем-нибудь помочь?

– Можешь. У меня через час важная встреча. Хотелось бы успеть принять душ и переодеться.

– Не проблема. Пошли.

* * *

Третий из участников запланированной встречи, в эти минуты проходил зону таможенного досмотра в космопорте, расположенном в двухстах километрах от мегаполиса «Россия».

Челночный корабль, доставивший пассажиров с борта межзвездного лайнера «Церера», уже буксировали в ангар, основная часть прилетевших на Землю туристов уладили формальности, и теперь в зале для прибывающих осталось всего несколько человек.

Среди них, несомненно, выделялся низкорослый мужчина плотного телосложения. Он притягивал к себе любопытные взгляды по двум причинам, во-первых, внимание привлекало его необычное телосложение (при росте в метр двадцать он был широк в плечах), но, как ни странно такая диспропорция не вызывала ощущения уродства, напротив, широкоплечий карлик нимало не смущаясь дружески улыбался, в ответ на откровенные взгляды зевак, которые тут же отворачивались, испытывая не то чтобы неловкость, а какую-то непонятную оторопь.

Наконец до него дошла очередь у турникета.

Офицер таможенной службы взял статкарточку прибывшего, лазерный луч объемного сканера скользнул по сложному рельефному узору, защищающему документ от подделки, и выдал на контрольный монитор считанную информацию.

Офицер посмотрел на данные и нахмурился. Несколько секунд он пытался сообразить, неисправен сканер, или не в порядке само удостоверение, затем, придя к выводу о состоятельности прибора и статкарточки, перевел взгляд на крепыша-карлика.

Дорогой, строгий деловой костюм был явно сшит на заказ, не одна серийная модель не могла так идеально подходить к этой нелепой, но, несомненно, могучей фигуре.

– Ваби, – это ваша фамилия, имя или…

– Ваби. – С готовностью кивнул карлик. – Просто Ваби.

– Простите, сэр, но подразумевается, что у человека должно быть как минимум имя и фамилия.

– Скажите «Ваби» два раза. – Ничуть не смутившись, посоветовал карлик, и тут же добавил, видимо стремясь предупредить очередной вопрос или возражение: – Мои родители не знали правил. Обратите внимание на планету, где я родился.

– Хм. Везелвул. Уж не та ли пом… простите, захоронение отходов. – Офицер делано закашлялся.

– Вы правы. Это именно помойка. По-другому не назовешь. – Он опять улыбнулся, чем окончательно сбил с толка офицера. – Я буду очень признателен, если вы сократите формальности, похоже, я уже опаздываю.

– Хорошо… ваш багаж, сэр?

Ваби развел руками.

– Все свое ношу при себе. – Хитро подмигнул он таможеннику.

Офицеру не оставалось ничего иного кроме как вернуть странному туристу удостоверение личности.

Когда тот скрылся за дверями, ведущими в общий зал прилета, офицер вновь посмотрел на монитор и недоуменно повторил:

– Ваби… Мутант с Везелвула. Да еще и гражданин Ганио. Надо же. Расскажу дома – не поверят.

* * *

Вадим Петрович Полуэктов стоял у окна, глядя на панораму мегаполиса «Россия». С высоты ста двадцати этажей открывался впечатляющий и, одновременно, печальный вид.

Если посмотреть строго вниз, то взгляд начинал тонуть в сером сумраке своеобразного колодца, образованного темя сверхнебоскребами необычной архитектуры. Стеклобетонные стрелы, устремленные ввысь, смыкались вершинами, которые поддерживали огромную пятиугольную площадку.

Знаменитая площадь Пяти Углов.

Полуэктов смотрел на стены противоположных зданий, но в отличие от Джона Хаммера (того самого, кто своими колониальными амбициями развязал Первую Галактическую войну), не видел пестрого человеческого муравейника. Площадь Пяти Углов, повторяющаяся в уменьшенной

проекции на каждом уровне мегагорода, выглядела заброшенной, из символа могущества Земного Альянса, она давно превратилась в удобное гнездовье для птиц…

Сами здания пустовали. Они щерились в серый сумрак неосвещенных площадей квадратами выбитых секций прозрачных стен. Где-то там, среди иззубренных провалов в далеком прошлом располагались кабинеты Всемирного Правительства.

Теперь на Земле все изменилось, причем Полуэктов не мог с определенностью сказать, в какую сторону, лучшую или худшую.

С одной стороны налицо были признаки технической деградации, запустения, ветшания городов, а с другой – пробудилась природа Земли, заточенная более тысячи лет назад под железобетонный панцирь, покрывавший собой практически всю планету.

После капитуляции Земного Альянса прошло одиннадцать веков, но только сейчас начали понемногу затягиваться раны, нанесенные орбитальными бомбардировками, да и то, лишь благодаря зелени вьюнковых растений, настырно карабкающихся к солнцу из мрачных заброшенных недр разрушенной техногенной оболочки, некогда покрывавшей собой всю площадь материков.

Трудно представить, что когда-то тут жили миллиарды людей.

Сейчас совокупное население Земли, распределенное по трем мегаполисам, едва ли насчитывало триста миллионов человек.

Сами города постепенно разрушались, будто исчезла всякая созидательная сила, способная вернуть Земле если не былое величие, то хотя бы облик развитой цивилизованной планеты.

Ожидая намеченного часа, Полуэктов смотрел в окно, пытаясь мысленно придать раскинувшимся вокруг *руинам* облик огромного перенаселенного города, где пульсировали транспортные и людские потоки, кипела жизнь, бесновались огни реклам, мыслились, а затем вершились судьбы целых поколений.

Казалось бы, за тысячу с лишним лет любая цивилизация способна не только оправиться от поражения в войне, но и заново пройти путь развития, восстанавливая утраченное. Почему этого не случилось на Земле?

Ответ был прост, хотя удручающее следствие складывалось из нескольких причин:

Во-первых, в конце войны население столицы Альянса насчитывало едва ли миллион человек. После орбитальных бомбардировок, разрушивших единую инфраструктуру покрывавшей Землю техногенной оболочки, в живых остались единицы, – глобальные повреждения единой

энергосети планеты вызвало цепную реакцию технических катастроф, превратив огромные города в утратившие функциональность уродливые архитектурные памятники.

Три столетия прародина человечества подвергалась жестокому прессингу со стороны колоний. Вкусив все ужасы Галактической войны, победители продолжали испытывать иррациональный ужас перед побежденными, хотя уцелевшее население Земли по большей части не несло прямой ответственности за варварские действия войск Альянса.

Земля оказалась в политической и экономической блокаде. Между прародиной и колониями лежало разоренное войной пространство: самые ожесточенные битвы перед падением Альянса происходили не в самой Солнечной системе, а на дальних подступах к ней. Планеты, так называемой «Линии Хаммера» образующие оборонительный рубеж, оказались в буквальном смысле переполнены боевой техникой, подавляющая часть которой являлась самодостаточными системами, с высокой степенью автономии. Машинам был безразличен факт капитуляции Земли, а параграфы Элианского протокола, являлись для боевых кибернетических систем не более чем пустым звуком. Они продолжали боевые действия, на своих локальных участках фронта, будь то открытое космическое пространство или планетная твердь.

В результате образовались две «цепочки» потенциально опасных миров, где продолжала функционировать боевая техника Альянса.

Одна «зона отчуждения» располагалась в непосредственной близости от Земли, включая в свой состав все расположенные в радиусе десяти световых лет звездные системы, вторая протянулась вдоль печально известного Рукава пустоты, где Земной Альянс колонизировал порядка пятнадцати малопригодных для жизни миров, превратив их в промышленные базы и опорные пункты военно-космического флота.

Вадим Петрович Полуэктов хорошо знал историю.

Земля с ее разрушенной техногенной оболочкой, истощенными естественными ресурсами, гибельной экологией, не могла возродиться сама по себе. Люди, которым посчастливилось пережить предшествующие капитуляции бомбардировки, оказались на положении заложников, им пришлось без преувеличения бороться за элементарное выживание, – ни о каком техническом и нравственном возрождении в ту пору не могло быть и речи.

Потребовалось три столетия, чтобы положение дел на Земле стабилизировалось, – за этот период отгремели все мыслимые аварии, большинство машин впало в энергетическую кому, пространство между

звездными системами постепенно очистилось от автоматических кораблей-убийц.

Казалось бы, теперь созданы все предпосылки для возрождения, но на смену объективным трудностям, пришли проблемы иного сорта – восстановление Земли оказалось невыгодным руководству Конфедерации Солнц и Совета Безопасности Миров.

Планета с истощенными недрами, покрытая сплошными руинами требовала гигантских капиталовложений, а что она могла дать взамен? Сомнительные политические дивиденды?

Гораздо экономичнее и выгоднее было поддерживать миф о потенциальной опасности Земли, возможных «рецидивах» во внешней политике побежденной метрополии, чем прилагать усилия к восстановлению далекой, и по сути уже никому не нужной прародины.

Таким образом, Солнечная система, расположенная в стороне от основных галактических трасс оказалась еще на пятьсот лет замкнута в плотное кольцо блокады. Опоясавшие Землю автоматические станции неусыпно следили за поверхностью планеты. Населению регулярно оказывалась гуманитарная помощь, но ни о каком возрождении речи опять таки не шло.

За это время воспряла, вырвавшись из-под разрушенного техногенного панциря неистребимая, как оказалось, природа. Сначала появились робкие побеги растений, – бледных проросших в неведомых глубинах подземелий, затем никем не управляемый процесс стихийного возрождения биосферы принял массовый характер. Руины городов постепенно зарастали зеленью, в новоявленных «джунглях» появились свои обитатели, лишь отдаленно напоминающие исходные формы древней жизни.

К исходу первого поствоенного тысячелетия, население Земли сосредоточилось в трех мегаполисах, менее всего пострадавших от бомбардировок и разрушительного бега времени.

Островки цивилизации постепенно расширялись, крепли, к тому же рубеж «миллениума» возродил в Обитаемой Галактике интерес к позабытой прародине. Старые страхи давно истончились и исчезли, для новых не находилось видимых причин, а вот естественное, присущее всем временам и народам любопытство помогло Земле сделать первый качественный шаг к возрождению.

Волна туристов с разных планет буквально захлестнула преданную забвению прародину в канун тысячелетия со дня подписания Элианского протокола. Однако позволить себе посетить Землю могли далеко не все

граждане Конфедерации. Туристические фирмы быстро сориентировались в нарождающемся спросе, – у цивилизации, оказывается, есть своя история с ее неоспоримыми достопримечательностями, но для обслуживания привыкших к комфорту состоятельных туристов нужна соответствующая инфраструктура, создать которую было попросту нереально в условиях продолжающейся блокады.

Грустно признать, но порой перспектива быстрого обогащения позволяет пробить самые стойкие запреты. Все поправки к межпланетным соглашениям, необходимые для успешного развития нового направления туристических маршрутов были проведены через Совет Безопасности в наикратчайшие сроки, и на Земле началось реконструкция трех космических портов, с одновременным возведением гостиничных комплексов.

Так рухнул железный занавес забвения.

* * *

– Разрешите?

Полуэктов обернулся на голос.

В дверях кабинета стоял Рорих, на этот раз без накладок пеноплоти, донельзя изменявших внешность.

Не смотря на пристрастие к классическому стилю одежды, выглядел он колоритно: правую часть его головы покрывали седой ежик коротко стриженых волос, слева за неровным пробором, больше похожим на шрам, сквозь пеноплоть пробивалась металлизированная часть прически, – дань давней имплантации.

Полуэктов и Рорих знали друг друга более полувека. Когда-то они служили в одном взводе космического десанта, входившего в состав интернациональных сил Патруля Совета Безопасности Миров. Это было еще при первой Конфедерации Солнц.

Их пути разошлись после ликвидации одной из баз ганианских наемников. Бой был жестоким, Вадим почти сразу потерял Рориха из вида, потом, когда на третьи сутки остатки подразделения эвакуировали с планеты, Эрни сочли мертвым.

На самом деле он был сильно контужен, но с этим обстоятельством разобрались только на борту космического госпиталя.

После службы Полуэктов вернулся на Землю, где попал в поле зрения генерала Покровского, который в ту пору создавал нелегальное

подразделение внешней разведки, а Эрни Рорих, оправившись от контузии, подался на Окраину, где безраздельно властвовали корпорации.

Металлопластиковую вставку, заменявшую половину черепной коробки, металлизированный ежик волос и свое прозвище «железная башка» Рорих получил на службе в частной корпоративной армии.

У корпорации «Генезис», на которую работал Рорих, существовала собственная политика относительно сотрудников, пострадавших в периоды локальных войн. Эрни не только сделали операцию, но, не смотря на инвалидность, определили на транспортный корабль – старый, дышащий на ладан гиперсферный лихтер, носивший громкое имя «Геракл».

Весь экипаж «Геракла» оказался укомплектован такими же, как Рорих «обломками» корпоративных войн. Корабль осуществлял рейсы на планету Везелвул, – обогреваемый искусственным солнцем мир, куда долгое время бессистемно сбрасывались ядерные и химические отходы.

Именно там, в период катастрофических событий, связанных со сбоем в системе функционирования искусственного солнца, он познакомился с Ваби, – мутантом, родившимся среди радиоактивных топей.

Полуэктов же в это время исполнял небольшие поручения генерала Покровского, который ставил своей жизненной целью устранение блокады Земли. Однако, чтобы повлиять на Галактическое сообщество у родной планеты не было ни одного реального рычага давления. Обескровленная, дезорганизованная Земля, ввергнутая в пучину регресса, на первый взгляд не имела никаких шансов на конструктивный диалог с Конфедерацией.

Покровский хорошо понимал это. Он не мог позволить себе тайно возродить военные производства, но планета без космического флота в современном мире ничто, пустой звук, маркер на голографической карте Обитаемой Галактики.

Вадим вспоминал своего командира и наставника с противоречивыми чувствами. С одной стороны это был человек всецело преданный идее возрождения Земли, но с другой, он был жестким, бескомпромиссным, несомненно, умным, хладнокровным и расчетливым. Непревзойденный аналитик, он сумел по косвенным свидетельствам обнаружить колониальный транспорт «Альфа», тот самый легендарный корабль, с катастрофического старта которого, собственно и началась история экспансии человечества к звездам.

По меркам современной техники «Альфа» не имела себе равных: колониальный транспорт превосходил любой крейсер Конфедерации, по своим тактико-техническим характеристикам, но что главное, – он не подпадал под действие параграфов Элианского протокола – построенный

задолго до Галактической войны, он принадлежал Земле, а значит, мог вернуться на орбиты родины, став гарантом ее суверенитета.

Именно в период операции по поиску и возвращению «Альфы» вновь пересеклись пути Вадима Полуэктова и Эрни Рориха, который вместе с Ваби скрывался на планете Ганио от преследования со стороны корпоративных сил «Генезиса».

С тех пор прошло много лет.

Теперь Вадим Петрович Полуэктов негласно возглавлял службу внешней разведки Земли, Рорих, после событий в Туманности Ориона так же поселился на прародине человечества, курируя по просьбе Вадима вопросы борьбы с организованной преступностью.

Полуэктов, так же как и Покровский мечтал, чтобы Земля наконец возродилась, но в отличие от своего наставника не находил приемлемыми способы открытого давления на Конфедерацию Солнц.

…Войдя в кабинет, Рорих пожал руку Вадиму и сел в кресло заметив:

– Наш маленький друг опаздывает.

Полуэктов улыбнулся краешком губ.

– Не иначе опять возникли проблемы с миграционной службой. – Иронично предположил он. – Сколько раз предлагал ему нормальное удостоверение личности.

– А ты не пробовал один раз приказать?

– Кому? Ваби? – Полуэктов фыркнул. – Сам приказывай. Может тебя и послушает. Он теперь большой человек на Ганио.

– Ну и оперативные агенты, Вадим Петрович. – Иронично покачал головой Рорих. – Как ты только терпишь такое?

– По старой дружбе. – Шуткой на шутку ответил Полуэктов. – А если серьезно, такого оперативника еще поискать надо.

В этот момент двери кабинета услужливо раздались в стороны, пропуская низкорослого мутанта.

– Ваби! – Эрни поднялся с кресла, раскрывая объятия, а потом, как однажды на Везелвуле, присел на корточки и, заглянув в красноватые от природы глаза карлика, произнес:

– Мы с тобой так и остались чем-то неуловимо похожи, верно?

* * *

– Итак, по какому поводу слет старых друзей?

Вадим Полуэктов прошелся по кабинету.

– До пересечения «Альфой» условной границы Линии Хаммера осталось менее десяти суток. – Наконец произнес он. – Сейчас корабль идет в полном автоматическом режиме, без экипажа. Станции слежения, расположенные вдоль древнего рубежа обороны, несомненно, зафиксируют его появление. Обновленная Конфедерации сейчас озабочена глобальными проблемами межрасовых отношений в скоплении О'Хара, но не стоит полагать, что возвращение «Альфы» будет проигнорировано спецслужбами.

– Есть конкретные варианты развития событий? – Поинтересовался Рорих. Его голос приобрел обычную сухость, проникнуться важностью проблемы для него не составляло труда. И он и Ваби принимали непосредственное участие в расконсервации колониального транспорта. Руководивший той операцией генерал Покровский не скрывал своих намерений по перевооружению и доукомплектации исполинского корабля современными системами, после чего «Альфа» по самым скромным предварительным расчетам могла выдержать противостояние с полнокровным флотом сил Конфедеративного Содружества.

У первого колониального транспорта Земли помимо явных преимуществ существовал один значительный недостаток, а именно – отсутствие гиперпривода. Силовые установки корабля обладали достаточной мощностью для пробоя метрики пространства, но за этим мог последовать только неуправляемый, «слепой» рывок, как это и случилось на заре освоения космоса, когда «Альфа», после включения фотонных установок маршевой тяги оказалась в зоне энергетической аномалии.

– Мы, естественно, вели оперативную работу. – Ответил Полуэктов, машинально подойдя к окну, здесь, ему лучше думалось, по старой выработанной годами привычке. – С уверенностью могу сказать: два десятилетия безвластия, безусловно сыграли нам на руку. Разведка первой Конфедерации была осведомлена о попытках поиска «Альфы», но затем, после развала содружества, агентам Покровского удалось ликвидировать информацию, хранившуюся в архивах Совета Безопасности. После возрождения галактических институтов власти вновь сформированное разведуправление Конфедерации не могло получить ни точных сведений о местопребывании корабля, ни отчета о статусе его бортовых систем. У меня есть все основания полагать, что пересечение «Альфой» Линии Хаммера и дальнейшее движение к Солнечной системе станет для руководства Военно-Космических сил Конфедерации малоприятным сюрпризом.

– Из этого следует, что реакция на событие будет спонтанной?

– Да. Хотя, предсказать официальные действия властей нетрудно: сначала они оправят в наш адрес пару-тройку нот протеста с безосновательными ссылками на параграфы Элианского протокола, затем потребуют допустить на борт «Альфы» экспертную комиссию, которой поручат подтвердить, либо опровергнуть наше утверждение, что вернувшийся в Солнечную систему корабль – тот самый легендарный колониальный транспорт.

– Ну а если без политики? – Настойчиво переспросил Рорих.

– Мне видится следующее, – отвернувшись от окна, произнес Полуэктов. – Корабль древний, эксплуатационный ресурс многих систем исчерпан, это понятно даже обывателю, далекому от специфических знаний. На таком утверждении может основываться вполне реальная акция: произвести диверсию на борту «Альфы», имитировав отказ какой-либо установки корабля. В таком случае экспертной комиссии придется устанавливать не только подлинность обломков, но и причины «трагедии». Идеальный вариант для спецслужб. Нет корабля, нет и проблемы.

– Да это вполне реальный, даже закономерный ход. – Кивнув, согласился с его мыслью Рорих. – Обострение ситуации вокруг Земли сейчас может лишь повредить содружеству. На фоне проблем, связанных с О'Хара, наш узелок, скорее всего, постараются попросту разрубить.

– Нужно охранять «Альфу», – высказал свое мнение Ваби.

– У нас нет космического флота для организации конвоя. – Ответил ему Вадим. – Сейчас два гражданских судна уже следуют в точку встречи. На их борту спецподразделения, однако, нужно учитывать размеры колониального транспорта. Наши люди не смогут контролировать каждый квадратный метр обшивки корабля, а собственные локационные системы «Альфы» бессильны перед современными средствами маскировки. Небольшая диверсионная группа в составе трех-пяти человек все равно имеет шансы проникнуть на борт.

– Действительно проблема. – Нахмурился Рорих.

– Все тот же Элианский протокол ограничивает нас в применении современных технологий. Мы не можем окружить корабль облаком нанопыли, не нарушив тем самым наложенных на Землю санкций.

– Да этот протокол устарел как минимум лет пятьсот назад!

– И, тем не менее, он не отменен. Идти на открытую конфронтацию с содружеством преждевременно и опасно. Я не собираюсь доставлять такого удовольствия крикунам из Совета Безопасности.

Ваби, все это время хмуривший лоб, вдруг произнес, в своей лаконичной манере:

– Карнавал.
– Не понял? – Посмотрел на него Полуэктов.
– Я был на пятом Омикроне. Там встречали возвращающийся из автономного поиска рудодобывающий комплекс. Был карнавал. Много частных космических яхт, принадлежавших акционерам.
– Ваби, ты гений! – Не удержался Вадим. – Мы должны устроить «Альфе» грандиозную встречу, достойную возвращения первого колониального транспорта Земли!
– Прекрасно. Думаю тридцать или сорок космических яхт мы соберем без труда. – Подхватил мысль Рорих. – Украсим их соответствующей иллюминацией, наделаем лазерных спецэффектов и закрутим вокруг «Альфы» такой маскарад, что к транспорту не проскользнет ни одна пылинка. Вадим, у тебя хватит людей, чтобы разместить на каждом частном судне хотя бы по два-три специалиста?
– Вполне.
– Вот и чудесно. Наши криминальные нувориши пусть себе оттягиваются по полной программе. Вопрос их мобилизации я возьму на себя. Думаю, они не откажут старине Рориху, если я покопаюсь в своих архивах, и припомню некоторым досточтимым бизнесменам их бурную молодость. Молодец Ваби. – похвалил он маленького мутанта. – Болота Везелвула могут гордиться тобой. Кстати, – он только сейчас уловил в красноватых глазах друга нечто схожее с печалью или озабоченностью – как идут твои дела на Ганио? Я тут слышал, что какой-то маленький крепыш потеснил Кланы, разрушив их монополию на рынке наемников. Это правда?
Ваби кивнул, но вместо ожидаемой горделивой улыбки на его лице вдруг проявилась тщательно скрываемая озабоченность.
– Так. – Рорих пробежал пальцами по сенсорной панели бытавтомата. – Ну-ка, выкладывай, что за проблемы?
Ваби принял из его рук бокал с коньяком.
– Не знаю, как это назвать Эрни. – Признался он. – Когда без следа исчезает лучший отряд наемников, это на твой взгляд проблема?
Рорих задумался.
– По традиции следует искать, кому это выгодно.
– Кланы тут не при чем, я проверял. – Покачал головой Ваби. – Заказчик вышел на меня через сеть Интерстар. Обычная разведывательная миссия. Ничего сложного.
– Где должна была пройти акция?
– Он не уточнял.

– То есть были особые условия сделки? – Рориху приходилось вытаскивать из немногословного мутанта буквально каждое слово.

– Два. – Ответил Ваби. – Во-первых, строжайшая секретность. Во-вторых, обязательная экипировка группы по стандарту разведподразделений космического десанта Конфедерации.

– И тебя не насторожили такие требования? – Негодующе приподнял бровь Рорих. – Почему ты не послал этого анонимного заказчика ко всем Дьяволам Элио? От его условий за версту разит провокацией.

– Деньги. – Односложно ответил Ваби. – Он предложил миллион кредитов.

– Э, брат, ты видно запрягся не в свое дело. Не обижайся, но есть разница – потеснить Кланы, устроив разборки местного уровня, это одно, а вести криминальный бизнес, отвечая за жизни доверившихся тебе людей, – совсем другое. Мог бы на первых порах пригласить хотя бы меня в качестве консультанта.

– Все шло хорошо. – Угрюмо ответил Ваби. – Я не потерял ни одного человека, на протяжении целого года.

– Ага, а потом вдруг взял и повелся на мифический миллион. Ты хоть слышал, что бесплатный сыр бывает исключительно в мышеловках? Ладно. – Вздохнул Рорих. – Давай по порядку. Это условие, относительно экипировки космодесанта. Как ты сумел его выполнить? По моим сведениям бронескафандры в оружейных магазинах не продаются. Даже на Ганио, при всем «уважении» к обретающимся там контрабандистам. На мой взгляд, ты мог достать в лучшем случае устаревшие образцы, времен первой Конфедерации.

Ваби скривился. Допив коньяк, он посмотрел на Рориха и ответил:

– Распродажа. Через три дня после поступления заказа, на меня вышел знакомый контрабандист. Предложил бывшие в употреблении бронескафандры с системами вооружений. Сказал, что приобрел целую партию на складах РТВ Элио. Экипировка шла на списание.

Полуэктов, слушая диалог Ваби и Рориха, все больше мрачнел. Он не притронулся к бокалу с коньяком, по привычке глядя за окно.

– Да уж… – Эрни демонстративно развел руками. – Армейский «Second Hand», говоришь? Там по случаю не предлагали дешевую аннигиляционную установку «Свет»? – С мрачной иронией осведомился он.

Ваби не ответил. Ему было не до черного юмора Рориха.

– Ты хоть проследил, кто забирал группу? – Вступил в их разговор Вадим.

– Пилот моего транспорта пропал вместе с кораблем. – Мрачно сообщил Ваби.

– Короче, налицо явная провокация. Твоих людей либо уже использовали, либо используют в ближайшие дни, послав на заведомую смерть под видом десантного подразделения Конфедерации.

– Я найду его и убью.

– Вот это у тебя получается здорово. – Согласился Рорих. – Только искать полагаю некого. Заказчика ты не вычислишь. Разве что… – Эрни умолк на полуслове, так как в этот момент ожил установленный у дальней стены помещения терминал связи.

Полуэктов резко отошел от окна, несколько секунд он принимал информацию через имплант, потом вдруг включил громкую связь, приказав:

– Повторите.

– Зафиксировано возмущение метрики в районе высоких орбит…

– Точнее!

В центре помещения начал стремительно сгущаться воздух, на глазах формируя туманную сферу, затем раздался характерный для стек-голографов щелчок, и формирующееся стереоизображение приобрело прозрачную глубину.

В центре, окруженная многочисленными спутниками, застыла Земля. Чуть дальше, у края пространства воспроизведения, повис рассеченный линией терминатора шарик Луны. Станции и спутники двигались по орбитам, моделирование системы велось в режиме реального времени, отображая все изменения, начиная от движения облаков в атмосфере, и заканчивая возмущениями гравитационного поля планеты.

В районе высоких земных орбит действительно четко просматривался аномальный участок, в модели это выглядело так, будто незримая сила начала скручивать пространство в воронку. На самом деле процесс был недоступен человеческому глазу, его визуализировали приборы, снимающие показания с датчиков слежения.

– Поиск по базе данных – Взглянув на схему, произнес Вадим.

– Есть соответствие! – Голос оператора прозвучал удивленно, в нем читался невысказанный вслух вопрос, как генерал смог предугадать, что точка гиперсферного всплытия классифицирована в имеющихся базах данных? – Это резервный район, использовался в период первой Галактической для обратного перехода поврежденных боевых единиц флота. Ранее в непосредственной близости располагались доки космоверфи.

На фоне чернильного мрака усеянного мириадами колючих, немигающих звезд, вдруг начал проступать фантомный контур космического корабля. С каждой секундой он обретал материальность, превращаясь из призрака в реальный физический объект.

– Есть идентификация. Общевойсковой штурмовой носитель класса «Нибелунг», использовался для доставки на поверхность планет серв-соединений и подразделений космического десанта.

– Всем службам противокосмической обороны, боевая тревога! – Отрывисто произнес Полуэктов. – Ракетным комплексам спутникового прикрытия доложить о захвате цели!

Рорих и Ваби в напряжении ожидали развития столь внезапно начавшихся событий.

На дальних подступах к Земле из пучин гиперсферы поднимался натуральный реликт. Неизвестно, откуда он взялся, что нес на своем борту, ситуация выглядела угрожающей, хотя бы потому, что была непредсказуема.

– Считываются опознавательные маркеры. «Нибелунг» входил в состав десятого флота, действовавшего вдоль линии «Окраинных Пустот». Внимание, он разворачивает локационные системы. Порты вакуумных орудий и ракетных комплексов «Прайд» закрыты.

То, что в следующий миг услышали операторы связи, а вместе с ними и генерал Полуэктов, прозвучало, будто гром среди ясного неба:

– Всем, кто меня слышит. Борт-761 просит указать зону посадки или точку парковочной орбиты. Имеем неисправности главного компьютера. Разрушена система шлюзовых уплотнителей. Семидесятипроцентная декомпрессия отсеков. Система контроля реактора в норме.

Полуэктов чуть замешкался, принимая решение. Поражали не сами формулировки, а то, что голос в эфире принадлежал не машине, а человеку.

– Капитан «Нибелунга» назовите…

– Отставить! – Резко оборвал запрос оператора Вадим Петрович. То, что эфир околоземного пространства прослушивается он знал наверняка. – Капитану «Нибелунга», сейчас вам будут переданы данные парковочной орбиты. Доложите состояние стыковочных узлов.

– За механизмы поручиться не могу. В точке парковки открою грузовую аппарель. Через нее возможен доступ в ангар серв-машин. Экипаж будет находиться там.

– Сколько вас?

– Пять человек.

– Есть нуждающиеся в медицинской помощи?

– Нет. Приготовьте три контейнера «холодной эвакуации».

– Вас понял. Выходите в зону парковки, глушите реактор и ожидайте десантный корабль. Отбой связи.

Полуэктов повернулся, желая что-то сказать Рориху, но его взгляд внезапно остановился на Ваби.

Карлик сидел в кресле бледный, как полотно.

– Что с тобой?

– Голос. Я узнал голос. Это Антон Беглов.

– Твоя пропавшая группа?

Ваби смог лишь потрясенно кивнуть.

– Пять человек и три трупа. – Наконец выдавил он. – Но у Коула было всего шесть бойцов, он седьмой.

– Разберемся. – Рорих встал. – Вадим, не возражаешь, если мы с Ваби полетим с тобой?

– Не возражаю.

* * *

Элио. Штаб флота.

Герхард Кох в мрачном раздумье расхаживал по кабинету.

Его злили не мелкие неувязки, а сама невозможность влиять на события без участия посредников.

Чувство злости не мешало Коху, наоборот, оно подстегивало рассудок, отчего процесс мышления становился кристально-ясным. Обычно, когда в самом начале реализации сложного плана начинают возникать неувязки, это означает, что сам план плох, не проработан до той степени мелочей, когда срывы попросту невозможны.

В данном случае основная цель была достигнута, но карты смешал человеческий фактор, по непонятной причине группе наемников удалось ускользнуть с планеты, вместо того чтобы навек остаться в котловине рядом с телами инсектов. Рассчитывая, что серв-машины уничтожат отряд, Кох преследовал две цели, – убирал исполнителей стартовой акции и одновременно показывал всему миру, что силы Конфедеративного Содружества свято выполняют взятые на себя обязательства, защищая даже дикие семьи инсектов, о чем должны были немо свидетельствовать тела «космодесантников», павших в тщетной попытке защитить братьев по разуму от атаки серв-машин, так неосторожно разбуженных вторжением инсектов на карантинную планету.

В замысле все выглядело идеально, да и сейчас, информационная бомба не утратила своих качеств, появилась лишь дополнительная проблема с ускользнувшими наемниками.

С минуты на минуту он ждал конкретной информации.

Наконец заработал терминал связи.

– Сэр, нами зафиксирован гиперпространственный переход в районе высоких орбит Земли. Как вы и предполагали, «Нибелунг» вышел в системе прародины.

– Капитана Мерцаева ко мне.

…

Через пять минут неслышно раздались в стороны двери кабинета.

Кох молча смерил взглядом коренастую фигуру вошедшего офицера.

– К делу. – Он даже не предложил капитану сесть. – Сегодня на околоземной орбите появился транспорт «Нибелунг», на борту которого по оперативным данным находится пять человек и три мертвых тела. Твоя задача – уничтожить экипаж и тела погибших, до того, как будет произведен их допрос. На выходе получишь ориентировку на бывшего капитана СПО Вадима Полуэктова. Устранить вместе с остальными. На операцию отводятся сутки. – Герхард тяжело посмотрел на капитана и добавил:

– Исполняй. Свободен.

* * *

Космопорт, расположенный неподалеку от мегаполиса «Россия», по внешним признакам носил сугубо гражданский характер. Однако, когда начался туристический бум компании, получившие лицензии на развитие инфраструктуры Земли, стремились к наименьшим затратам, поэтому при строительстве они использовали сохранившие еще со времен Альянса стартопосадочные поля. Проложив современную систему энергоснабжения и компьютерную сеть, подрядчики возвели башни навигационной службы, снесли полуразрушенные ангары для аэрокосмических истребителей, и в завершение работ отреставрировали куполообразное здание бывшего тактического центра, перепланировав и облагородив древнюю постройку современными отделочными материалами.

Все, что касалось подземных коммуникаций, строителей интересовало лишь в плане остойчивости наземных сооружений. О том, что под космопортом существуют бункера, знали многие, но на них не

обращали должного внимания, скорее всего потому, что понятие «земная поверхность» утратило свой первоначальный смысл задолго до начала упомянутых строительных работ. Вся поверхность планеты, за исключением водных акваторий, представляла собой глубоко эшелонированную систему технических, промышленных и даже жилых зон, в разрезе похожих на слоеный пирог.

Обычно при возведении современных построек строители проверяли на прочность перекрытия нескольких нижележащих уровней погибшей техногенной оболочки Земли и возводили здания уже на готовом фундаменте, попросту блокируя все найденные входы, ведущие в мрачные глубины нижележащих уровней.

«Гессель» Вадима Полуэктова, на этот раз сопровождаемый двумя флайботами военного образца, плавно коснулся посадочной площадки, расположенной на обширном цоколе первого этажа космопорта.

Небо над головой было чистым, лазурным, ярко сияло солнце, лишь две перистые полосы разреженных облаков белели у горизонта.

– Нам сюда. – Вадим Петрович указал на дверь, ведущую в технические помещения.

Охрана осталась наверху.

Спустившись на два этажа, Полуэктов уверенно свернул в скупо освещенный тупиковый отрезок коридора. Следовавший за ним Рорих не выказывал удивления, а вот Ваби было непонятно зачем они пришли сюда?

Пока он размышлял над этим вопросом, Вадим Петрович открутил механический штурвал многотонной двери. Невзрачная, местами побитая коррозией плита с удивительной легкостью повернулась на специальных петлях, открывая вход в тесный, темный тамбур.

Видимо Полуэктов бывал тут не раз, его рука уверенно нашла в темноте сенсорную панель, и под потолком вспыхнул неяркий свет, выхватив из мрака другую дверь, не менее массивную, но уже явно ухоженную, с недавно обновленным уплотнителем, и сложным сканирующим комплексом, контролирующим доступ в расположенные за ней помещения.

Позволив прибору произвести сканирование сетчатки глаза, Вадим Петрович быстро пробежал пальцами по сенсорам, вводя известные только ему командные последовательности. На миниатюрном дисплее зажглась цифра 3.

– Прошу.

Еще один коридор, на этот раз длинный узкий, подсвеченный красноватым тепловым излучением.

Рорих безошибочно поднял взгляд к потолку, где меж замаскированных под осветительные приборы секций инфракрасных прожекторов располагались кроткие испускающие трубки лазерных излучателей.

Оценив количество овальных амбразур, Эрни решил, что даже в полной боевой экипировке, включающей бронескафандр с особым анитилазерным покрытием, пройти данный участок коридора весьма проблематично. Скорее всего, очередной двери достигнет запеченный в бронепанцире труп.

Снова неизбежная задержка у сканирующего устройства, бесшумно раздвигающиеся многотонные плиты, и они оказались в кабине лифта.

Спуск длился недолго, минуту с небольшим, но, судя по неприятному холодку в животе и груди, они вышли метров на двести ниже уровня стартопосадочных полей.

– Сюда. – Произнес Полуэктов, разблокировав очередную систему доступа.

Наконец перед ними открылось пространство ярко освещенного тоннеля, широкого, с высоким сводчатым потолком, кондиционированным воздухом, который нес приятную освежающую прохладу.

По обе стороны тоннеля располагались двери различных габаритов. Некоторые, судя по размерам, вели в магистральные транспортные тоннели, либо в ангары крупногабаритной техники.

– Хозяйство Покровского? – Безошибочно угадал Рорих.

Вадим кивнул, направляясь к операторскому залу, но по дороге вдруг изменил решение, скорее всего челночный корабль вот-вот совершит посадку, и все события в околоземном пространстве уже благополучно завершились. Вновьприбывших лучше всего препроводить в жилой сектор уровня, граничащий с медицинским модулем.

Отдав мысленную команду, которая тут же была преобразована модулем импланта в машинный код и передана в сеть, Полуэктов открыл двери, жестом приглашая Рориха и Ваби войти.

Кабинет, куда они попали, по своим размерам, комфортабельности и технической оснащенности нисколько не уступал рабочим апартаментам Герхарда Коха.

– Располагайтесь. – Вадим Петрович активировал кибернетическую систему помещения, и часть отделки стен тут же утратила непрозрачность, на глазах превратившись в огромные плоские экраны.

…

Челнок уже сел. Его раскалившаяся в плотных слоях атмосферы

обшивка все еще остывала, потрескивая, чуткие микрофоны, рассеянные по всей площади космического порта передавали каждый звук, шорох, изображение на экранах имело натуральный масштаб, но при желании его можно было увеличивать или уменьшать в зависимости от желания.

Наконец в борту челнока открылся люк. По выдвинутому трапу легко сошли вниз двое бойцов сил самообороны, облаченные в легкие скафандры, с поднятыми в данный момент забралами гермошлемов, вслед показалась массивная, едва вписавшаяся в проем фигура в фототропной броне.

– Это Антон Беглов, – прокомментировал Ваби, узнав осунувшееся лицо.

Видеосистема отчетливо передавала каждую выщерблину на камуфлированной броне боевой экипировки.

– Заметь, Вадим, бронескафандры новые. Я вижу только свежие выбоины и царапины. Так что легенда о распродаже утиля не работает.

– Заказчик не рассчитывал, что люди Ваби вырвутся. Судя по количеству микроповреждений брони, парням досталось крепко.

– Рейчел. Мнемоник группы. – Раздался в наступившей тишине хриплый голос Ваби.

Еще одна фигура показалась в проеме люка. На этот раз человек не был облачен в скафандр, на нем был надет помятый, порванный в нескольких местах, испачканный какими-то техническими жидкостями комбинезон.

Ваби удивленно смотрел на экран, не зная, что сказать.

– Не твой человек, да?

Мутант отрицательно качнул головой.

Вадим, включивший несколько дополнительных кибернетических комплексов, еще более усугубил возникшее недоумение:

– Это андроид. Древняя модель. Однако сохранился неплохо. Создан на базе универсального шасси знаменитой серийной модели «Хьюго», но имеет все средства боевой маскировки, то есть внешне он неотличим от человека. У данного образчика от скверных условий хранения пострадала пеноплоть. Не вооружен… Ба, а это что? – Он обернулся, жестом подзывая к себе Эрни.

Рорих подошел, взглянул на электронно-кинематическую схему, построенную компьютером по показаниям сканеров, и удивленно вскинул бровь.

– Модуль «Одиночка»?

– Похоже.

В этот момент система связи передала адресованный Вадиму вопрос:

– Мы на месте. Ждем указаний.

– Карантин по четвертому стволу. – Произнес Полуэктов, уверенный, что командир эвакуационной группы поймет условную фразу.

– Все Ваби, расслабься. Скоро твои ребята будут здесь.

– Кстати, Вадим, – Рорих оторвался от созерцания схем андроида. – Ты не допускаешь, что человекоподобная машина может рассекретить данный бункер?

– Все предусмотрено, Эрни. Они пройдут карантинную зону. Людей очистят от чуждой Земле микрофлоры, которая неизбежно абсорбировалась на экипировке, а дройда проверят еще более тщательно. Тут установлены такие сканеры, которые видят даже молекулярную нанопыль.

– Интересно будет послушать, в какую передрягу угодили твои бойцы. – Рорих ободряюще кивнул Ваби. – Расслабься старина, хорошо все то, что хорошо кончается. Отряд вернулся, хоть и понес потери. Теперь дело за малым – вычислить твоего недобросовестного заказчика и выставить ему счет.

Вадим лишь покачал головой.

Он понимал, что слова Рориха адресованы исключительно их маленькому другу. На самом деле все только начиналось.

Рановато. – Подумалось ему. «Альфа» не может совершить гиперпрыжок, кораблю потребуется еще несколько лет, чтобы благополучно достичь Солнечной системы. До выяснения всех обстоятельств Вадим не связывал напрямую подход колониального транспорта к Линии Хаммера, и непонятную пока провокацию, затеянную явно не частным лицом, а государственной службой. На это указывали многие косвенные данные, но разгадать их намерения в данный момент Полуэктов попросту не мог. Все выводы следовало отложить до окончания подробной беседы с бойцами группы наемников. Пока что Вадим понимал только одно: гиперсферный прыжок боевого носителя «Нибелунг», откуда бы тот не стартовал, не остался незамеченным, здесь в точке выхода его стопроцентно зафиксировали следящие устройства конфедератов, а это автоматически влекло за собой нежелательные для Земли последствия.

Хорошо, что тут оказался Ваби. – Подумал Вадим. – В его присутствии наемники не станут скрывать правды, полагая, что попали из огня да в полымя. Возможно, на основе их информации можно будет предпринять упреждающие шаги, которые если не сведут на нет, то, по крайней мере, сгладят негативный эффект от появления в границах Солнечной системы боевой единицы Альянса.

* * *

– Итак, провокация была направлена не против Земли. – Полуэктов в задумчивости расхаживал по кабинету, где собрались все посвященные. Кроме Рориха, Ваби, его людей и андроида, тут так же присутствовали два официальных представителя сил самообороны. Капитан Ферман и полковник Горюнов, которые входили в состав группы Покровского еще в период операции по поиску и расконсервации «Альфы» – в те годы оба являлись рядовыми агентами созданного генералом разведуправления.

– Это означает, что шумихи вокруг прибытия в Солнечную систему боевого носителя не будет?

– А вот это покажут вечерние галактические новости. Зная, что часть группы ускользнула, организаторы этого грязного шоу поспешат продемонстрировать роковой финал.

– Почему они станут торопиться?

– Чтобы лишить нас возможности сорвать их акцию. Если кто-то из группы Беглова выступит…

– И что он будет изобличать? – Недовольно осведомился Полуэктов. – Факт остается фактом, незаконное поселение инсектов уничтожено серв-машинами сохранившимися со времен Первой Галактической. Не знаю, насколько действенно такое наглядное предупреждение для наших братьев по разуму, и вообще, к чему их пугать? Насколько я понимаю, у Конфедерации есть определенные проблемы с незаконной иммиграцией из скопления О'Хара, но подобные «наглядные уроки» вряд ли возымеют действие. Я полагаю, что это не разовая акция, а лишь отдельный, незначительный ход более сложной операции, конечные цели которой по-прежнему остаются для нас неизвестны.

– Зато известно другое. – Произнес Рорих. – Гарантировано, на Землю будет послана группа для проведения зачистки.

– В таком случае, у нас есть шанс выяснить, насколько далеко распространяются планы противника. – Неожиданно заявил Вадим.

– Каким образом?

– Список целей. – Ответил Полуэктов. – Если спецгруппа будет покушаться только на выживших людей Ваби, – значит, Конфедерация затеяла возню с инсектами.

– А ты предполагаешь иной вариант? – Прищурился Рорих.

– Предполагаю. – Он обернулся к андроиду и спросил:

– По твоим данным, все серв-машины были оснащены «чистыми» модулями «Одиночек».

– Да. – Не колеблясь, ответил дройд.

– Значит, они жестко ограничены в выборе целей? – Продолжил уточнять Полуэктов.

– Естественно. Вот список живой силы, техники и инфраструктур противника подлежащие безусловному уничтожению – Андроид выпустил из указательного пальца правой руки тонкий иглообразный наконечник шунта – Вы позволите?

– Давай.

Дройд встал, подошел к терминалу и через несколько секунд на экране появился сложный список, содержащий не только перечень, но и описание целей, иллюстрированное, как схемами, так и реальными, фотографическими изображениями.

Вадим некоторое время смотрел на данные, а затем произнес, обращаясь ко всем собравшимся:

– Пусть кто-нибудь укажет мне, где в стандартном списке вариатора целей присутствуют ксеноморфы, в частности инсекты, о существовании которых не подозревали ни программисты «Одиночек», ни пилоты, управлявшие машинами в период Галактической войны.

Ответом ему послужила тишина.

– В таком случае, посадка корабля инсектов не могла вызвать реактивацию серв-машин, поддерживающих энергосберегающий режим на борту «Нибелунгов». В пользу этого говорит и тот факт, что в уничтожении дикой семьи инсектов принимал участие только один взвод подразделения.

– Это означает, что на планете до посадки корабля инсектов побывали специалисты, которые пополнили список целей в модулях «Одиночка», – продолжил Вадим Петрович. – Они пополнили базу данных вариатора целей и ввели машины в режим ожидания. Следует так же предположить, что уничтоженной семье насекомых кто-то «подсказал» удобное место для основания поселения.

Он хмуро посмотрел на собравшихся, и добавил:

– Кроме крайней степени цинизма, здесь прослеживается еще один, не озвученный пока фактор. После демонстрации акта геноцида, осуществленного серв-машинами Альянса относительно одной, отдельно взятой семьи у многих здравомыслящих людей возникнут те же вопросы. Или их жестко поставит заранее информированная пресса. Для многих покажется логичным связать внезапную вспышку агрессии относительно инсектов с некой силой, базирующейся здесь, на Земле.

– Предположение имеет право на жизнь. – Произнес Рорих. – Но это пока не факт.

– Пока. – Соглашаясь, кивнул Вадим Петрович. – Если акция имеет целью дискредитацию Земли и дальнейшие манипуляции с оставшейся после войны техникой, то ее планировали на самом высоком уровне, я имею в виду не президента Конфедерации лично, а военные круги, в частности службу разведки. Не сомневаюсь, у них есть данные и на покойного генерала Покровского и на меня. Возможно, они ищут «Альфу». В любом случае им необходимо устранить не только исполнителей разовой акции, но и, пользуясь случаем, обезглавить разведку вероятного противника.

– Говоря проще, список целей не ограничиться присутствующими тут бойцами?

– Да. Если за данной провокацией стоит ведомство Коха, они не упустят возможность вылить на Землю еще одно ведро помоев. Но чтобы сделать это, Герхарду необходимо убрать ряд людей, способных противостоять им в информационном и физическом плане. Таким образом, список целей может включать всех присутствующих. – Мрачно предрек Вадим.

Он встретился взглядом с Бегловым и подмигнул ему.

– Как тебе охота на охотников?

Антон вскинул голову.

– Я готов.

Полуэктов кивнул, отчего-то усмехнувшись.

– Не все так просто. Иногда нужно затаиться и ждать. Это трудно, но необходимо. – Он обернулся и добавил, уже обращаясь ко всем присутствующим. – Думаю, вам всем требуется отдохнуть.

Часть 2. Призраки былого

Глава 4.

Земля. Бункерная зона.

Оставшись втроем, старые друзья некоторое время молчали, каждый по-своему переживая последние события.

Первым молчание нарушил Вадим Петрович:

– Ваби, ты не возражаешь, если я возьму «трофей» на исследование? – Он имел ввиду андроида.

Карлик лишь кивнул в ответ. Не смотря на чудесное возвращение группы, он выглядел подавленным.

Эрни присел рядом с маленьким мутантом.

Странная подобралась троица. Они, конечно, менялись с годами, но только физически и то чуть заметно. Взять того же Ваби. Рорих смотрел на него и видел прежнего красноглазого крепыша, которого встретил однажды у замерзающего космического порта планеты Везелвул, над которым шел голубоватый кислородный снег, порожденный процессами замерзания атмосферы.

Таким он и остался. Добрым, преданным, не понимающим самого термина «подлость», хотя не раз в своей жизни Ваби сталкивался с ней и страдал. Рорих знал: потеряй он часть группы в открытом, честному бою, переживания были бы иными.

– Не унывай малыш. Мы найдем заказчика.

Ваби поднял на друга взгляд своих красноватых глаз.

– Говорят, что Ганио плохая планета. – С горечью произнес он.

– Везде хватает добра и зла. – Философски заметил Рорих. – Пойдем, я покажу тебе жилые помещения уровня.

…

Когда они вышли, Полуэктов жестом пригласил андроида присесть. Пока Рорих разговаривал с Ваби, Вадим Петрович успел получить исчерпывающие данные сканирования, обработанные на специализированном компьютерном комплексе. Теперь он знал о дройде фактически все, и не сомневался, что на носителях кристалломодуля «Одиночка», интегрированном в схему человекоподобной машины, действительно записана матрица сознания лейтенанта Мерфи.

– Извини, что назвал тебя трофеем, Алан. Ваби своеобразный человек. Он так и не научился сложной игре слов.

– Я понимаю. – Мерфи сел. От Вадима, внимательно наблюдавшего за

ним, не ускользал ни один жест андроида. Он постоянно анализировал его поведение, слова, составляя собственное суждение о сущности человекоподобной машины.

Например, сейчас любая машина осталась бы стоять, а он сел, повинуясь исключительно машинальной привычке, доставшейся вместе с частицей человеческого сознания.

– Нам нужно окончательно определить твой статус, Алан. – Вадим намеренно обращался к нему исключительно по имени.

– Честно говоря, я ожидал, что меня распнут на лабораторном стенде. – Усмехнулся Мерфи. Подвижность лицевых псевдомускулов, управляющих мимикой, еще больше делало его похожим на человека.

– Это ни к чему. – Ответил Полуэктов, занимая кресло напротив. – В карантинной зоне достаточно ультрасовременной сканирующей аппаратуры. Тебя *уже* исследовали.

– И каков вердикт?

– Думаю, мы сумеем найти общий язык. – Уклонился от прямого категоричного ответа Полуэктов. – Ты уже окончательно справился с возникшей двойственностью?

– Да. Базовая система механического носителя находиться под полным контролем модуля «Одиночка».

– Тогда позволь задать тебе ряд вопросов.

Мерфи кивнул. Пальцы его рук машинально сплелись между собой. Похоже, он нервничал.

– Курить хочется.

– Ты же знаешь, даже пытаться бесполезно.

– Когда все закончиться, я внесу в свою конструкцию изменения. – Вполне серьезно заявил андроид. – Пара метаболических преобразователей, немного живой нервной ткани, которой потребуется завтрак обед и ужин. Иначе, мне кажется, что от фантомных ощущений поедет с катушек любая, самая надежная система.

– Перейдем к сути. – Выслушав замечания Алана, Полуэктов все же решил вернуть разговор в русло заранее сформулированных вопросов. – Итак, что ты помнишь, кроме собственного имени, звания и последнего боя?

– Отбор. Некий тест, который условно назывался «Линия Огня». Сейчас я уже вполне адекватен чтобы понимать его суть. В условиях виртуального полигона проходили испытания кристалломодули, извлеченные из серв-машин, чьи пилоты погибли в боях.

– Цель тестирования?

– Сортировка «Одиночек».

– Не слишком ли грубо? – Усомнился Вадим Петрович. – Чтобы выяснить «наследственность» каждого модуля, нужен целый комплекс тестов. А тут я усматриваю прямой вопрос, поставленный ребром: выстрелит или нет? В чем смысл такой сортировки?

– Вы неверно формулируете вопрос. Я бы задал его иначе. – Андроид мыслил с огромной скоростью и потому в его речи отсутствовали паузы. – Думаю, вы правы, «Линия Огня», – это лишь фрагмент большой, тщательно продуманной программы вторичных испытаний. Вообще, производство кристалломодулей было поставлено на поток, эти сведения хранит моя «машинная» память. Производились как чистые «Одиночки», так и оттиражированные, уже проверенные на полигонах и в боях матрицы. Заводы работали бесперебойно, их мощности хватало, чтобы оснастить «Одиночками» все кибермеханизмы, включая андроидов, и системы автоматического управления космических истребителей.

– И какой вывод ты сделал из приведенной информации?

– Все кристалломодули, побывавшие в боях, изымались из поврежденных серв-машин и складировались. Потом в войне наступил перелом, Колонии перешли в массированное наступление, но, не смотря на все усилия и жертвы, им не удалось прорвать Линию Хаммера, – насколько я понял, она до сих пор осталась «не побежденной»?

Полуэктов кивнул, ожидая продолжения.

– Я не владею исторической информацией в требуемом объеме, – оправдал его ожидание Мерфи, – но косвенные признаки подсказывают – автоматические заводы, тиражировавшие «Одиночек», были разрушены или на долгое время выведены из строя. По-видимому, оборона Альянса начала трещать и разваливаться, наступил момент дефицита не только людей, но и управляющих модулей для серв-машин. Только в таких условиях могли быть востребованы все вторичные ресурсы, а грубая сортировка по одному признаку, вероятнее всего говорит о чрезвычайной спешке.

Полуэктов вновь кивнул, соглашаясь с выводами Алана. Используя имплант, он находился на постоянной связи с кибернетическим комплексом, который анализировал предположения Мерфи, одновременно проводя поиск в обширных базах данных.

– Ты прав. Такой момент, вернее период, действительно имел место. Осуществив три безуспешные атаки на планеты Линии Хаммера, два флота Колоний совершили рискованный гиперпространственный прыжок, – они вторглись в границы Солнечной системы. До прямой атаки на Землю дело в

тот момент не дошло, но были полностью уничтожены автоматические заводы Плутона и девяносто процентов производств, базировавшихся на спутниках Юпитера. После этого резко упала активность планетарных серв-соединений Альянса, – есть документальные свидетельства, что потери серв-батальонов вдруг стали невосполнимыми. В течение года ситуация балансировала на грани, затем война вступила в заключительную фазу. – Проинформировал он Алана. – Архивные материалы того времени полны интригующих подробностей. Серв-машины и андроиды пехотной поддержки почему-то утратили былую эффективность, – из их действий исчезли целеустремленность и непримиримость.

Мерфи вскинул голову, опять продемонстрировав чисто человеческий жест.

– Я уверен, это напрямую связано с использованием модулей резерва, накопленных за долгий период успешных боевых действий. – Произнес он. – Нейросенсорный контакт оказался палкой о двух концах. Момент гибели ужасен, можете мне поверить. Перед тобой действительно проноситься вся жизнь, словно разум считывает весь объем памяти за отпущенные ему мгновения. Но вместимость нейромодулей «Одиночки» ограничена, следовательно, туда попадали только наиболее мощные, пиковые возбуждения, связанные, как правило, не с конкретной информацией о прожитом, а с эмоциональными оценками событий. Рейчел была абсолютно права, – в момент гибели пилота через шунт уходит не память, но душа.

– Получается, что в большинстве случаев «Одиночка», пережившая своего пилота, – это новорожденная личность, не обладающая воспоминаниями прототипа, но полностью настроенная на его характер? Искусственные нейросети *помнят* ощущения? Им становиться доступен эквивалент чувств, что во все времена являлось немыслимо, недостижимо для кибернетических систем?

– Да. И я готов пройти любые дополнительные испытания, чтобы доказать это. Я не лейтенант Алан Мерфи. И в то же время мной руководят его сформированные взгляды, привычки, спонтанные реакции, которые суть – эмоции. Этого уже не исправишь, разве что деинсталлировать модуль или стерилизовать нейросети.

– Ни то ни другое тебе не грозит. Потеря памяти о прошлом – известный случай в медицинской практике, человек от этого не перестает быть человеком, он просто заново знакомиться с окружающим миром.

– Это ваше субъективное мнение, Вадим Петрович. Другие сочтут такой синтез человеческой души и машинной логики слишком опасным,

противоестественным, чтобы оставить мне право на существование.

– Жизнь. – Поправил его Полуэктов. – Жизнь, а не существование. Да, ты правильно отметил, у меня свой взгляд на происходящее. Скажу больше – однажды я умер и был воскрешен немного в иной генетической ипостаси. Но я человек и ты видишь это. Право на жизнь имеет всякий, кто осознает факт собственного бытия, – это закон Конфедерации, но я считаю, что он справедлив.

– То есть, у меня есть шанс?

– Только пока ты остаешься тут, на Земле. Тебе следует ознакомиться с тысячелетним отрезком истории человечества, усвоить современные взгляды на мир. Ты осознал себя во время войны, когда грань между добром и злом намного резче, отчетливее, чем в мирные годы. Сейчас все не так. Борьба за существование продолжается, но она приняла иные формы. Вряд ли Конфедерация станет подвергать и без того чрезмерно сложную, а оттого неустойчивую систему межпланетных и межрасовых отношений, новым испытаниям, вводя в нее еще одну, мало предсказуемую, и фактически неизвестную силу. Искусственный интеллект, пришедший с полей той ужасной войны, скорее пожелают уничтожить, чтобы устранить сам корень проблемы.

– То есть, выхода нет? – Подвел Мерфи печальный итог.

– Выход есть всегда. – Убежденно ответил Вадим Петрович, в сознании которого уже родились некоторые замыслы, связывающие личность Алана Мерфи и грядущее возвращение «Альфы». – Нужно искать его, бороться, не опускать руки и идти до конца, не теряя при этом понятия чести и здравого смысла. – Продолжил он. – Сейчас тебе не грозят репрессии, разве что они станут следствием сугубо личных, внутренних проблем. Скажи, кем ты ощущаешь себя в данный момент?

– Человеком. С той секунды, как модуль «Одиночки» полностью переподчинил себе базовую систему андроида, я ощущаю себя чудом выжившим человеком. Но пока, к сожалению, не могу сказать – повезло мне или нет. Это покажет ближайшее будущее.

– Хорошо. Тогда последний момент. Ты находишься на территории Земли. Я не стану рассказывать тебе новейшую историю, с ней ты познакомишься самостоятельно, скажу лишь одно, – Альянс проиграл войну с Колониями, наше развитие остановлено, прародина человечества предана забвению. Ситуация поддерживается искусственно на протяжении многих веков. Меня, как жителя Земли, она не устраивает в корне. Я хочу, чтобы ты ознакомился с доступной информацией и решил, чью сторону следует принять. Возможно, твоя оценка ситуации поможет мне

разобраться в некоторых спорных вопросах.

– Новая война?

– Нет. Это гибельный путь. Восстановление в правах, возможность к самостоятельному развитию, снятие устаревших, уже противоречащих логике современного мира санкций, – вот чего добиваюсь я с группой единомышленников. Ты не обязан принимать скоропалительных решений, но рано или поздно тебе все равно придется встать на чью-либо сторону.

– Я понял. – Мерфи посмотрел на Полуэктова и добавил:

– Думаю, это будет сложнее «Линии Огня»…

* * *

Десятый энергоуровень гиперсферы. Борт спасательного модуля. Коэффициент умножения темпорального потока х 9, 347.

Вселенная таит множество загадок…

Космос жесток – он научил людей выживать в самых невероятных условиях, но взял непомерную плату за приобретенный опыт.

Особо остро это ощущалось здесь, в пространстве десятого энергоуровня гиперсферы, где вокруг сияющего сгустка, похожего на миниатюрную копию галактического диска, вопреки физическим законам аномалии, кружили девять планет.

Три миллиона лет назад, когда цивилизации Логриан и Инсектов находили на пике своего развития, они предприняли поистине титаническую попытку создания в глубинах гиперсферы узловой транспортной станции, которая, по замыслу, должна была обеспечить навигационный контроль над Вертикалями[14] и таким образом сделать доступными для исследования, либо колонизации, все звездные системы Галактики.

Древние расы не сумели создать компактного гипердрайва, но они глубоко изучили горизонтальные линии напряжения гиперсферы, научившись пользоваться ими, как готовыми энергетическими тоннелями, связующими отдельные миры.

Однако цивилизации древности стремились к более глубокому освоению аномалии. Пользуясь энергией звезд и технологией подвижки планет (она была разработана инсектами в период строительства Сферы Дайсона) логриане и инсекты отправили к центру гиперсферы девять миров.

Восемь из них, опаленные неистовым огнем катастрофического

«погружения» по вертикалям аномалии, были мертвы, они кружили по орбитам вокруг энергетического сгустка, как напоминание о трагических, неудачных экспериментах, и лишь девятое звено в планетном ожерелье сияло нежной, пронзительной лазурью атмосферы.

В реальном времени прошло три миллиона лет.

За этот период люди успели пройти своим путем развития, освоить Солнечную систему и самостоятельно открыть феномен гиперсферы. Однако техническая мысль человечества шла иным путем: линии напряжения, пронзающие аномалию, использовались лишь в навигационных целях. Корабли, оснащенные гиперприводом, остерегались мощных энергетических потоков, двигаясь параллельно им.

Однако это удавалось далеко не всегда, особенно в период Великого Исхода, когда колониальные транспорты массово покидали Землю. По статистике, восемьдесят процентов кораблей-невозвращенцев были захвачены вертикалями гиперсферы и канули в ее пучинах, как казалось – навсегда. Такая же печальная участь постигла во времена Первой Галактической многие боевые единицы космических флотов обеих противоборствующих сторон.

Лишь к исходу тридцать восьмого века людям удалось разгадать тайну вертикалей и достичь десятого энергоуровня гиперсферы, где первых исследователей ожидало великое потрясение: они увидели светящийся сгусток, по своей форме напоминающий уменьшенный в миллиарды раз Галактический диск, и девять планет обращающих вокруг него.

Именно сюда, в пространство десятого энергоуровня гиперсферы попадали транспортные и боевые корабли, по тем или иным причинам захваченные энергетическими потоками вертикальных линий напряжения. Большинству из них не повезло, – восемь мертвых планет покрывали немые свидетельства многочисленных трагедий, но часть людей все же выжила, сумев совершить аварийные посадки на единственный имеющий атмосферу, пригодный для жизни мир.

Здесь с незапамятных времен обитали потомки логриан, инсектов, и других совершенно не известных человечеству рас, но по сравнению с количеством людей, обретших вместо гибели новую родину, общее количество иных форм разумной жизни было ничтожным, что позволило людям занять доминирующее положение на планете.

Потомки экипажей кораблей-невозвращенцев называли ее «Первый Мир», но с приходом Конфедерации здесь поменялись имена собственные, и воцарился иной закон, отличный от древних полумистических суеверий.

Люди, вторично открывшие свойства вертикалей и осознанно

отправлявшие сюда подразделения ВКС, усиленные научно-исследовательскими группами, принесли с собой адаптированную технику, частично возродив, а по большинству создав заново очаги техногенной цивилизации.

Единственную планету, обладавшую пригодной для существования жизни атмосферой, переименовали, назвав «Арастра», что в сокращенном переводе с Элианского означает «центр мироздания».

Главной проблемой, с которой столкнулись первопроходцы в пространстве десятого энергоуровня, стало явление непроводимости. В условиях сильнейшего магнитного поля традиционные энергосистемы, оказались непригодны к эксплуатации. Это сделало невозможным применение существующих кибернетических устройств и механизмов. Физика десятого уровня гиперсферы поставила перед людьми массу проблем и загадок. В ходе экспериментов удалось выяснить, что тут протекают как химические реакции, так и реакции ядерного распада. На основе этих знаний были воссозданы образцы вооружений, использующие древние схемы, а так же сконструированы многофункциональные космические корабли, оснащенных помимо стандартных кибернетических систем и силовых установок гиперпривода, альтернативными, основанными на примитивных ядерных реакторах. Тепло, выделяемое при реакции деления атомных ядер, преобразовывалось в кинетическую энергию, которая приводила в действие все механические приводы, необходимые для управления космическим кораблем. В качестве силовых установок первоначально использовались жидкотопливные двигатели, а альтернативная система навигации была построена на базе фотонных компьютеров, использующих забортные источники энергии, в частности излучение центрального энергетического сгустка.

Помимо прочего в схемы управления космических кораблей стали широко внедряться логры – миниатюрные, но мощные компьютерные компоненты, разработанные еще в древности расой двухголовых ксеноморфов. Хранение и обработка данных в313 лограх осуществлялась на основе теплового излучения, что позволяло им работать в составе локальных сетей борту экспериментальной гиперсферной техники.

Ученым предстояло решить еще множество проблем и загадок, например оставалось непонятно почему эффект непроводимости не влияет на микротоки в организмах живых существ, однако главной задачей, поставленной перед ограниченным контингентом военно-космических сил Конфедерации, был поиск средств обнаружения вертикалей. Без точной классификации вливающихся в центральный энергетический сгусток линий

напряжения аномалии идея превращения Арастры в действующую узловую станцию гиперсферных маршрутов, откуда будет доступна для исследования и колонизации любая звездная система Галактики, оставалась лишь мечтой.

Проблему точного определения вертикалей и «восхождения» по ним не сумели решить древние цивилизации, и теперь эта задача встала перед Человечеством…

Командующему ограниченным контингентом ВКС адмиралу Снегову.

Срочно. Секретно.

Источник данных – штаб флота.

Приказываю провести силами малых аппаратов разведки картографию безвоздушных планет Ожерелья, с целью классификации обломков космических кораблей, находящихся на их поверхности. При невозможности точного определения объектов средствами дистанционного наблюдения, осуществлять высадку десантных групп.

Начальник отдела гиперсферной навигации генерал Хоггинс.

…Над приборными панелями корабля вместо привычных для человека сенсоно-информационных систем медленно вращались, или же неподвижно висели в воздухе замысловатые фигуры, собранные из сотен миниатюрных кристаллов.

Экраны телескопического обзора представляли собой толстые вставки прочного прозрачного полимера, с тончайшим светочувствительным покрытием, – улавливая излучение забортных источников света, оно делало изображение более контрастным .

Редкие сиротливые сигналы индикации, люминесцирующее освещение, громоздкие амортизационные каркасы противоперегрузочных кресел, механические приводы штанг астронавигационных рулей, – все это, в сочетании с замысловатой паутиной логрианских мини-компьютеров, создавало стойкое ощущение «дежа вю», будто само время обратилось вспять, демонстрируя сочетание технологий начала космической эры, к которым конструктора присовокупили устройства, изобретенные расой Логриан три миллиона лет назад.

Два человека, в таких же громоздких, словно специально подделанных под старину скафандрах, напряженно работали, вручную управляя кораблем.

Пилот и навигатор.

– Саша открой нижний обзор.

Рука в толстой неудобной гермоперчатке потянула рычаг, и часть сегментов пола пришла в движение, открывая разделенные ребрами жесткости прозрачную вставку.

Цепочка, собранная из трех десятков логров, плавно изогнулась, меняя пространственную конфигурацию, от крайнего кристалла к гермошлема пилота устремился невидимый глазу поток когерентного излучения микролазера, работающего в инфракрасном спектре.

– По показаниям логров мы над целью. – Произнес Александр.

Эдвард медленно, миллиметр за миллиметром отклонял астронавигационные рули, ориентируясь на контрастный контур древнего космического корабля, покоящегося посреди внушительного кратера, выбитого на поверхности безвоздушной планеты его катастрофическим падением.

– Связь?

Александр отрицательно качнул головой.

– Мы вне зоны прямой видимости.

– Проклятье… – Прошептал Эдвард, осторожно разворачивая поисково-спасательный модуль над кратером. – Саша я не уверен. Все выглядит одинаково. Найди подтверждение.

– Сейчас. – Навигатор отделил от креплений странный на вид прибор. По всем признакам это был… бинокуляр с обыкновенными оптическими линзами.

Трехшарнирная штанга позволяла зафиксировать оптический прибор над определенной точкой прозрачной обшивки, не опасаясь, что тот выскользнет из рук и воспарит в невесомости.

Исходя из обстановки рубки управления было трудно поверить, показаниям бортового хронометра, которые проецировал на специальный люминесцентный планшет один из замысловатых нитевидных «отростков» логрианского компьютера:

12 сентября 3825 года. 17 часов 32 минуты.

Коэффициент умножения темпорального потока х 9, 347.

Секции верхнего обзора демонстрировали абсолютный мрак. Ни единой звезды.

Куда подевалась Вселенная? Где ультрасовременные достижения цивилизации, полторы тысячи лет осваивающей космическое пространство?

Что означает наполняющий рубку синтез примитивных технологий в сочетании с неимоверно древними артефактами расы двухголовых ксеноморфов?

– Есть. Нашел. – Произнес Александр, не отрывая лицевой пластины гермошлема от овального уплотнителя, исключающего рассевание внимания за счет бокового зрения. – Вижу надпись. Это колониальный транспорт «Кассандра».

– Сигнальный маяк? Ты его видишь?

– Нет.

– Саша, постарайся. У нас топливо на пределе. Мне нужно знать, начинать маневр торможения или нет?

– Спокойнее Эд. Сейчас разберемся. По последнему сообщению группы Ратбовского они обнаружили обломки двух кораблей. Второй идентифицировать не удалось, но по косвенным признакам это был военный транспорт времен первой галактической.

Внизу простирался унылый, а для человеческого взгляда – зловещий пейзаж. Хаотичное нагромождение обломков, горы порванного, искореженного металла, потерявшие характерный контур конкретных кораблей.

История двух величайших трагедий человечества – Великого Исхода и Галактической войны, медленно метр за метром проплывала в бинокулярах оптики.

– Я вижу, Эд… Есть второй корабль. Это конвойный носитель Земного Альянса. Предположительно – класса «Титан». Несомненно, он потерпел катастрофу позже «Кассандры». Его обломки частично покрывают корму колониального транспорта.

– Понял. Я начинаю маневр торможения. Приготовься.

– Эд, есть удобная площадка. Два градуса от оси курса.

– Поверхность?

– Это стартовая площадка вспомогательных штурмовых модулей огневого прикрытия. Уточняю размер: площадь сто пятьдесят квадратных метров, геометрия – овал, отрицательный уклон относительно поверхности планеты минус три градуса семнадцать секунд.

– Ты не можешь гарантировать надежность конструкции.

– Не могу. Но за счет отрицательного наклона площадь свободна от мелких обломков.

– Да, вижу. Вопрос: почему группа Ратбовского не воспользовалась этой «посадочной площадкой»? И где их аварийный маяк?

– Вероятно, его скрывает корпус конвойного носителя.

– Сверься с лограми.

– Сейчас. – Александр поднял голову, протянул руку и, ухватив ближайшую кристаллическую нить, набранную из плотно сопряженных

друг с другом кристаллов, бесцеремонно потянул ее на себя.

Нить не порвалась, сложная фигура пространственного иероглифа послушно утратила форму, вытягиваясь в направлении усилия, пока крайний кристалл, за который тянул навигатор, не оказался в центре овального уплотнителя.

Своеобразный способ передачи данных в компьютер.

Некоторое время спустя другая кристаллическая нить пришла в движение, проецируя результат обработки полученного изображения на специальный планшет.

– Логры уловили импульсное излучение маяка. Как я и говорил, он по ту сторону корпуса «Титана».

К этому моменту спасательный модуль закончил маневр торможения и теперь находился над избранной для посадки точкой.

– Продолжай наблюдение. Сброс сейсмодатчиков через тридцать секунд.

– Пока все отлично. Главное, чтобы ребята продержались.

Эдвард промолчал.

Легкий толчок возвестил о старте зондов.

Проследив за траекторией их падения, он определил площадь рассеивания и, найдя ее удовлетворительной, освободил еще один фиксатор.

От днища модуля отделилась капсула с микрозарядом взрывчатого вещества. Она коснулась поверхности чуть в стороне от обломков двух кораблей, произошел микровзрыв, породивший сейсмическую волну. Мгновенная судорога колебаний пробежала по изломанным, покореженным конструкциям, и рассеянные по площади сейсмодатчики тут же осветились вспышками микролазеров, передавая на борт данные о глубинной структуре интересующих пилота объектов.

Эдвард взглянул на планшет, куда концевой логр проецировал динамически пополняющуюся схему.

Да, площадка была не только удобна для совершения посадки, но и надежна. Под ней располагался внушительный фрагмент корпуса конвойного носителя, который в свою очередь покоился в глубокой выемке, выбитой при падении. Остойчивость конструкции вроде бы гарантировало само время – сколько его прошло с той поры, как «Титан» рухнул на дно небольшого кратера, подмяв под себя обломки «Кассандры»? Все мыслимые подвижки, обусловленные весом конструкций, их взаимным расположением уже произошли, значит, площадка должна выдержать вес модуля.

Оставалось два «но».

Во-первых, неизвестна прочность опорной конструкции, которая вполне могла иметь микротрещины. Во-вторых, посадка в избранной точке предполагала, что им придется преодолеть хаотично изломанный корпус «Титана», причем проделать это нужно дважды, учитывая, что обратный путь будет затруднен эвакуацией пострадавшей разведгруппы. Пока они не имели никаких сведений относительно пяти человек, высадившихся для исследования обломков колониального транспорта «Кассандра». Связь с ними оборвалась несколько часов назад, одновременно заработал аварийный лазерный маяк, вот вся доступная оперативная информация.

– Садимся. – Принял решение Эдвард. – Возьмем два комплекта реактивных ранцевых двигателей. От посадочной площадки прыгнем через корпус «Титана» к аварийному маяку, там сбросим отработанные емкости и начнем поиск. Это даст нам шанс вернуться тем же способом, не карабкаясь по обломкам.

– Согласен.

…

Начальнику отдела навигации штаба флота генералу Хогинсу.

Источник данных: борт крейсера «Дион».

Докладываю, что в ходе предписанных картографических изысканий, потери личного состава десантных групп составили тридцать человек. Потеряно десять автономных аппаратов разведки. Расположение обломков (корпусов) космических кораблей представляет неустойчивую структуру, непреодолимую для имеющихся в наличии механизмов. Считаю риск, связанный с точной идентификацией обломков, чрезмерным и неоправданным.

Прошу вынести на рассмотрение штаба вопрос о прекращении картографической операции, либо переоснащении десантных групп машинами с шагающим приводом. Техническое обоснование использования серв-машин прилагается.

Адмирал Снегов.

* * *

Земля. Мегаполис «Россия».

На всех каналах новостей, сменяя друг друга, шли экстренные репортажи о внезапной вспышке активности реликтовых кибермеханизмов оставшихся на карантинных планетах, расположенных в относительной

близости к скоплению О'Хара, со времен Галактической войны.

– Впечатляет. – Полуэктов мысленно переключал каналы, везде наблюдая схожие картины: серв-машины Альянса, мертвые тела инсектов, свежие воронки, следы недавно отбушевавших пожаров… Оставалось только удивляться, каким образом репортеры различных каналов смогли запечатлеть все это, оказавшись в нужное время в нужном месте?

– …Несанкционированные посадки космических кораблей Инсектов пробудили древнее зло, до этого времени надежно изолированное на планетах. Такие действия со стороны некоторых Семей, могут иметь далеко идущие последствия. – Убедительно вещал голос из-за кадра. – Объединенный штаб флота пока отказывается комментировать какие-либо цифры, но из неофициальных источников нам стало известно о гибели малого патрульного крейсера «Воргейз». По не проверенным пока данным «Воргейз» пытался уклониться от ракетной атаки, совершив маневр погружения в гиперсферу. Дальнейшая судьба крейсера неизвестна, связь с ним прервалась.

Голос журналиста внезапно прервал странный, непривычный для человеческого слуха звук, напоминающий резкий скрип, какой могут издавать два металлических листа скребущие друг о друга.

Звук нарастал, пока не исчез на высоких нотах уже не воспринимаемых человеческим ухом.

Вадим Петрович включил систему поиска и идентификации.

– Это примитивная речь инсектов. – Спустя некоторое время пояснил он природу неприятного звука. – Сейчас мы узнаем, что конкретно он означает.

– Похоже, провокация осуществлялась сразу на трех мирах карантинной зоны. – Заметил Рорих, так же внимательно следивший за новостями.

В объеме сферовизора вновь возникли тела мертвых инсектов, снятые крупным планом. Затем после резкой смены кадра на смену им пришел впечатляющий старт «Нибелунга». Пятидесятиметровый носитель стартовал из-под руин древнего здания. Его обтекаемый контур озаряло пламя плазменных двигателей планетарной тяги.

– Старты носителей зафиксированы на трех планетах карантинной зоны. После выхода из зоны высокой околопланетной гравитации корабли, предназначенные для доставки на планеты серв-соединений, погрузились в гиперсферу. Точка их обратного перехода неизвестна.

– Как минимум два репортажа смонтированы. – Произнес Рорих. – В обоих случаях показан старт одного и того же «Нибелунга». Просто

поменяли фон.

– Да, система анализа изображений подтверждает: это носитель, на котором ушла группа Беглова. Непонятно, почему они до сих пор замалчивают факт его появления в Солнечной системе?

– Свидетели. – Веско обронил Рорих. – Группа зачистки, вопреки приказу, еще не справилась с заданием.

– И не справиться, пока мы прячемся в бункере. – Хмуро произнес Антон.

Полуэктов не ответил на последнее замечание. Антону вовсе незачем знать, что промедлением, он держит в напряжении своего противника, проверяя выдержку последнего.

– Система анализа распознала звук. – Произнес Вадим Петрович. – Это, как я и полагал, низший язык инсектов. Данное сочетание фонем встречается очень редко, оно означает чрезвычайную опасность. Что-то вроде предсмертного вскрика, извещающего родичей об угрозе.

– Теперь понятно. – Криво усмехнулся Скарм. – Трансляция идет на все миры инсектов в скоплении О'Хара. Это программирование на подсознательном уровне. Мертвые тела, посмотрите, прямо горы трупов, и на фоне этого повторяющийся сигнал угрозы. Если учитывать, что общество инсектов это, по сути, муравейник, подчиненный общественному разуму, то предупреждение будет воспринято буквально.

– Да. – Согласился с ним Доброхотов. – Теперь даже если вычистить все карантинные планеты ни одна Семья насекомых попросту не рискнет переселиться туда. – Он покачал головой. – Тут работали специалисты высшего класса. Проще некуда, а ведь по-своему гениально. Такие сигналы каждый инсект знает от рождения, они прописаны на генетическом уровне. Интересно, сколько насекомых замучили, чтобы добиться нужной степени правдоподобности звукового ряда?

– Не обязательно. – Возразила ему Рейчел. – Звук можно модулировать при помощи аппаратных средств. Задача для рядовой киберсистемы.

– Тогда почему они не сняли игровой фильм? – Поддел ее Доброхотов.

– Думаю, за репортажами последует демонстрация вещественных доказательств. Соединения флота почистят планеты, и Главы Семей смогут посетить места трагических инцидентов. Это еще более сильно воздействует на них, окончательно убедив, что заявления об опасности неконтролируемой экспансии в зону человеческих миров чревато губительными последствиями. Однако, заметьте, Конфедерация тут не при чем. Все сохраняют лицо – виноваты Дикие Семьи, да реликтовые серв-

машины.

– До тех пор, пока в схему пиара не включен факт появления «Нибелунга» в Солнечной системе. – Заметил Рорих.

– Этого нельзя допустить. – Ответил ему Вадим. – Ни в коем случае.

– Тогда почему мы сидим тут? – Вновь спросил Беглов. – Если исполнители уже прибыли, почему не показать им, что мы живы? Живы и не собираемся прятаться.

– Всему свое время. – Без комментариев осадил его Полуэктов. – Ждем. Противник уже начал делать ходы, пусть полностью обозначит диспозицию фигур.

– И когда это случиться?

– Не знаю. Но как только мы сделаем первый ответный ход, работать придется в жестком цейтноте, на упреждение.

Смысл последней фразы Полуэктова понял лишь Рорих. Вадим медлил, пытаясь выяснить, знает ли его противник о приближении «Альфы» к Линии Хаммера?

* * *

Два бронированных «Гесселя» в сопровождении четырех флайкаров охраны выехали из ворот полицейского управления, расположенного на сорок пятом уровне мегаполиса «Россия».

Над городом сгущались сумерки. Наступал так называемый «технический час» когда появляться на улицах имели право лишь обслуживающие кибермеханизмы.

Идеальное время для спецоперации по перемещению важных для Земного Правительства персон, в более комфортабельные, но не менее тщательно охраняемые особняки, расположенные чуть выше слоя облаков.

В течение первого получаса улицы мегагорода пусты, роботизированные системы производят чистку и профилактический осмотр коммуникаций, поэтому охране легко заметить любое постороннее движение. Кортеж из шести машин сразу же свернул на скоростную автомагистраль, – ярко освещенную ленту шестиполосного движения, огибающую сверхнебоскребы.

На всем пути следования им предстояло миновать всего лишь два тоннеля, проходящих через слой сплошных облаков, то есть, существовало лишь четыре точки, где машинам придется несколько снизить скорость, все остальные участки они должны были пройти в режиме «болид».

Почему для перемещения группы Беглова был избран автобан? Приземистую машину трудно поразить, когда она движется с высокой скоростью, придерживаясь крайнего левого ряда, который за исключением узкой технической обочины был отделен от бездны высоким бетонным отбойником, облицованным ромбовидными сегментами пенорезинового покрытия.

Конечно, оставался риск выстрела сверху, – мегаполис предполагал наличие множества господствующих над трассой точек, откуда кортеж был виден как на ладони, но тут вступали в силу особенности технического часа: для проверки включались не только осветительные приборы, но и спецсредства, такие как поисковые прожектора, сети лазерного сканирования, инфракрасные излучатели, из которых состояла разметка полос (по их излучению работали автопилоты серийных автомашин), включались на полную мощность, проходя ежедневный тест «пиковую нагрузок».

Для большинства систем наведения такая «иллюминация» давала полную засветку плюс массу ложных целей.

Операция, подобная сегодняшней, была отработана до мелочей и сотни раз апробирована на практике.

Сто пятьдесят километров на скорости триста миль в час, – короткая стремительная прогулка. Глазом моргнуть не успеешь, как окажешься на месте.

Четыре человека, которые вопреки правилам технического часа находились сейчас на улице города, неподалеку от устья ведущего сквозь облачность тоннеля, так не считали.

– Внимание первый, они приближаются. Головная машина начала плавно снижать скорость. Противотуманные фары выключены. Я получил подтверждение, Полуэктов сопровождает группу.

– Принял. Вижу их на сканерах. Порядок работы по целям прежний.

Снайпер был спокоен. Сегодня задача сводилась к идеальной для человека его профессии простоте – уничтожить.

Никакого захвата пленных, экспресс-допросов, обыкновенное физическое устранение.

Тяжелая снайперская винтовка с антисканирующим комплексом, и системой сопровождения цели, была снаряжена остроносыми бронебойными боеприпасами с начинкой из таугермина. Такая крошка, вырвавшись из ствола, развивает чудовищную скорость за счет собственного микрореактивного двигателя, благодаря уникальной системе донаведения на цель, никакие помехи не препятствие для боевой части

спецпатрона, – пуля пробивает пятисантиметровую броню под любым углом и превращает двигатель машины в груду бесполезного металла.

Просто и надежно.

Головная машина охраны показалась из-за плавного закругления серпантина.

Пятьсот метров до устья тоннеля.

Скорость сто пятьдесят миль в час.

Палец спокойно лежал на сенсоре огня.

Один сигнал. Второй. Третий – все снайпера зафиксировали цели.

Легкое давление на сенсор мягкий толчок плечо, резкое, машинальное, отработанное до полнейшего автоматизма перемещение ствола и второй выстрел синхронизируется с микровзрывом, разворотившим двигатель «Гесселя».

Машину резко занесло, она ударилась об ограждение и начала переворачиваться набок, но это не помещало снайперу произвести третий контрольный выстрел в емкость с водородом.

Внизу глухо хлопали разрывы.

Таймер на запястье спецкостюма отсчитал семь секунд, в течение которых были обезврежены двигатели шести машин.

Дверь первого перевернувшегося аэромобиля резко подалась в сторону, открывая широкий проем.

Грубая ошибка со стороны охраны.

Снайперский ИМ вновь преданно и мягко ткнулся в плечо, затем еще и еще раз.

– Внимание, цели поражены. Спускаемся. Контроль.

Четыре фигуры в форме ремонтной бригады дорожной службы появились из завитков тумана постоянно плавающего над въездом в тоннель.

Шаг к машине, переворот тела, взгляд в лицо.

Фотографическая память тут же подсказывает – Антон Беглов.

Выстрел в лоб.

Следующий.

Поворачиваясь, снайпер вдруг почувствовал беспокойство.

Что-то было не так. Выстрел прозвучал неестественно, гулко, да и входное отверстие пули…

…

– Не понимаю, чего мы ждем? – Антон Беглов сидел в просторном (по меркам бункера) информационном центре и потягивал пиво прямо из горлышка бутылки.

Рорих, составивший ему компанию, указал на один из голографических информационных экранов.

– Сейчас увидишь.

Антон взглянул на указанный информ.

Шесть машин – два «Гесселя» и четыре флайкара сопровождения неслись по пустой, яркой освещенной скоростной магистрали.

– Кто в машинах? – Лениво поинтересовался он.

– Мы. – Ответил Рорих, откупоривая очередную пластиковую бутылку.

…

– Фрайг!... – Снайпер наклонился, внимательно взглянул на входное отверстие пули, а затем, резко выпрямившись, посмотрел по сторонам.

Никого вокруг. Лишь вывалившиеся на проезжую часть «мертвые» тела, огни бесчисленных фонарей, да ленивые завитки тумана.

– Командир, это андроиды. В машинах не было людей.

…

– Ну что? – В информационный центр вошел Вадим Петрович. – Ты все рвался, Беглов, смотри, оценивай. Успел бы ты отреагировать?

– И что теперь? – Антон продолжал смотреть на экран, где четверо диверсантов уже скрылись среди тумана и городских огней.

– Теперь мы получили возможность, да и моральное право действовать.

– Вы дадите им уйти?

– Уже дал. – Усмехнулся Полуэктов, присаживаясь на край стола. – С ними разберется их собственное начальство. Дело сделано. Твоя группа исчезла, попытка ликвидации провалилась, и тот, кто стоит за провокацией с серв-машинами, теперь оказался в стеснительном положении. Он станет полагать, что мы отлично осведомлены о нем, раз позволили скрыться группе диверсантов. Зачем нам лишняя возня с ними, если и так все отлично известно?

– А на самом деле? – Сощурился Беглов.

Вадим Петрович встал, прошелся меж иллюзорными стереоэкранами, куда по-прежнему транслировалась панорама замершего, залитого огнями уличного освещения мегагорода, а затем, произнес:

– Прежде чем разговаривать дальше, следует уточнить некоторые моменты нашего сотрудничества. Скажу честно, Антон, Ваби подобрал отличных людей, но он, при всем уважении, не дотягивает до уровня руководителя наемных диверсионных отрядов. Здесь нужно иметь ум аналитика, хватку коммерсанта и изворотливость политика

одновременно, – ты ведь понимаешь, что наемные группы с Ганио действуют на территории третьих миров, по сути, вмешиваясь во внутренние дела суверенных планет? – Полуэктов искоса посмотрел на Беглова и, не дождавшись комментариев, заключил: – Ваби честен и прямолинеен, на этом его и поймали.

– То есть, вы хотите сказать, что мы все вскоре останемся не у дел, либо будем вынуждены продаться Кланам Ганио? – На лице Антона Беглова не дрогнул в этот момент ни один мускул, лишь глаза посерели, будто налились свинцом.

– Приблизительно так. Но выход из любой ситуации всегда можно найти. – Полуэктов решил говорить прямо, не размениваясь в данном случае на софистику. – Я уже поговорил с Ваби, и он согласился с моими доводами. Земля, так же, как и Ганио, не входит в состав Конфедерации. То есть, «де-юре», мы сейчас находимся на территории суверенной планеты. «Де-факто» нас стерегут. Причем очень жестко. Зато структура, которую я возглавляю, не занимается преступным бизнесом.

– Как я понял, вы предлагаете работать на вас?

– Да, Антон. – Кивнул Полуэктов. – Именно так. Сколько времени понадобиться тебе, чтобы принять решение? После смерти Энтони Коула – ты командир группы.

– Нужно, как минимум переговорить с людьми. – Ответил Беглов.

– Хорошо. Но постарайся сделать это прямо сейчас. Мне необходимо точно знать, какими силами я располагаю. События уже начали развиваться стремительнее, чем виделось раньше.

– Без проблем. – Беглов встал. По выражению его лица нетрудно было определить, что он лично уже принял решение.

– Я скоро вернусь. – Пообещал Антон.

* * *

Оставшись вдвоем, Полуэктов и Рорих некоторое время молчали.

– Ты действительно предложил Ваби работать на тебя?

Вадим усмехнулся.

– Ты плохо думаешь обо мне Эрни. Я, конечно, не отрицаю, моя жизнь не похожа на рыцарский турнир. Нет ни белого коня, ни открытого забрала перед схваткой… ты сам понимаешь, что такое разведка, а тем более противостояние с таким многоликим противником как Конфедерация, но у меня то же есть свои принципы, которые иногда мешают жить, но не

меняются с годами. Вот ты Эрни, вероятно послал бы меня к Фрайгу, предложи я тебе работать за деньги, верно?

– Я получаю зарплату в управлении полиции. – Ворчливо ответил Рорих.

– Ладно, давай оставим это. Я просто попросил Ваби помочь мне. Он согласился.

– Считай, что я то же. Управление задолжало мне отпуска за предыдущие пять лет.

– Отлично. – Вадим сел напротив Эрни, машинально сцепив руки в замок. – Теперь если Беглов оправдает мои надежды, нас будет восемь человек.

– Против целого разведуправления Конфедерации? С проблемой «Альфы», которую вот-вот засекут сенсоры «Линии Хаммера»?

– Хуже. Последние события выходят за рамки традиционного противостояния. Я задействовал все агентурные сети, и получил информацию, которая, как я полагаю, есть следующее звено плана нашего потенциального противника.

– Поделишься?

– Совет Безопасности миров на ближайшем заседании снимет карантин с Везувия. Данное решение будут лоббировать представители колониальной администрации Аллора, при поддержке голосов всех планет Корпоративной Окраины. Мне переслали черновики проекта постановления. В них в частности говориться, со ссылкой на седьмую поправку колониального кодекса, что пять ведущих корпораций Окраины, без проведения конкурса получают равные доли в освоении территорий.

Везувий…

Рорих хмурился, но в данном случае мрачное выражение его лица являлось признаком глубокой задумчивости.

Что он знал об этой планете?

Третий по значимости мир Линии Хаммера, прошедший первичную фазу терраформирования незадолго до начала Первой Галактической. Атмосфера пригодна для дыхания, благодаря особым видам бактерий, которые были «посеяны» в горячие первобытные океаны. Сильная вулканическая активность, частые землетрясения, постоянная угроза ядовитых выбросов в атмосферу. Это, не учитывая последствий войны, негативные факторы. К позитивным, если Рориху не изменяла память, относятся, прежде всего, огромные, фактически нетронутые запасы полезных ископаемых, равномерно теплый климат, большая влажность, что по определению будет способствовать наибыстрейшему превращению

равнин, состоящих из вулканического туфа, в плодородные зоны. Идеальное сочетание условий для терраформирования и развития тяжелой индустрии. Лакомый кусочек для перенаселенных страдающих от нехватки естественных ресурсов планет Окраины. За одним большим «но»: в период войны на Везувии располагались целая сеть складов РТВ и космодромов обслуживания, сюда стекалась вся поврежденная в боях техника, начиная от планетарных машин и заканчивая космическими кораблями.

Постоянный парниковый эффект, обилие лавовых выбросов, множество нестабильный очагов тепловой энергии не позволили сразу по окончании войны с точностью определить количество уцелевших после орбитальных бомбардировок бункеров и стартовых площадок. Обилие металла на поверхности фактически сводило на нет эффективность орбитального сканирования, а все данные по планетам Линии Хаммера были уничтожены, непосредственно перед капитуляцией Альянса. Очевидно, подписывая Элианский протокол, многие из высших руководителей ВКС Земли всерьез надеялись на скорый реванш.

За истекшее тысячелетие нога человека вряд ли ступала на поверхность Везувия. Галактика, разоренная войной медленно, тяжело восстанавливала *обитаемые миры*. Линии Хаммера в те годы уделялось мало внимания, но сохранились свидетельства неудачных попыток повторной колонизации таких миров как Юнона, Новая Земля и Везувий. Планеты, которые не удалось взять силами Флота Колоний, естественно не приняли поселенцев. Их трагическая судьба на века стала наглядным уроком, и новых попыток заселения, либо активной зачистки миров Линии Хаммера не предпринималось, благо у молодой, едва сформированной Конфедерации Солнц был богатый выбор неосвоенных планет.

После трагического инцидента с поселенцами, на орбитах Везувия силами Совета Безопасности были установлены станции слежения, которые только за один век блокады сбили порядка полусотни космических кораблей, пытавшихся стартовать с поверхности планеты.

Затем, по официальным данным, периодически обновляющимся на сервере Совета Безопасности, активность в районе Везувия пошла на убыль. За последние два века в околопланетном пространстве не было зафиксировано ни одного чрезвычайного происшествия.

– Я не понимаю смысла данного хода, Вадим. Провокация с Дикой Семьей инсектов, еще объяснима, с точки зрения жестокой необходимости как-то воздействовать на наших братьев по разуму, которые вдруг начали превращаться в неуправляемую *орду*. Еще пара лет бездействия, и их начнут называть новыми предтечами. – Мрачно предрек Рорих, ожидая

дальнейших пояснений Вадима.

Тот кивнул, молча соглашаясь с последним утверждением.

– Я не ксенофоб, Эрни, но тут вынужден согласиться. – Произнес он после некоторого раздумья. – В нашем языке есть более подходящее, хотя и нелестное для инсектов сравнение – саранча. Пока они не будут расселены по территориям Сферы Дайсона, проблема не утратит своей остроты.

– При чем тут Везувий? – Откупорив пластиковую упаковку, Рорих наполнил стоявшие на столе бокалы. – Ты серьезно считаешь, что между провокацией на границе О'Хара и предстоящим решением Совета Безопасности есть взаимосвязь?

– У меня есть основания для такого предположения. – Ответил Вадим. – Сразу, после того как стало ясно, что наниматели, «кинувшие» нашего маленького друга, планировали *глобальную* провокацию, я предположил, что это не единичный ход. Вся гнусность большой межрасовой и межпланетной политики заключена в том, что устойчивость такой сверхсложной системы требует постоянных и неизбежных жертв. Практика полного компромисса не работает, где-то приходиться проявлять жесткость, кому-то помогать, а кого-то выдергивать, будто сорную траву с поля. Если вдумываться – становиться жутко. Ведь за каждой моей фразой стоит вовсе не абстракция, а конкретные люди. Живые и мертвые, счастливые и несчастные. И еще те, кто поддерживает систему, распоряжаясь судьбами миллионов. Понимаешь, о каких масштабах я говорю?

– Понимаю.

– Поэтому я стал искать. Не сосредоточился на проблеме Ваби, и острых, но узких интересах Земли, а попробовал проанализировать все в комплексе, начиная от необычных происшествий, и заканчивая резкими изменениями мнений в Совете Безопасности.

– Результат? – Рорих уже понял, что ничего хорошего Вадим ему не скажет.

– Эти двое растворившихся без следа «бизнесменов», перед встречей с Ваби, имели долгий разговор с неким Зурабом Аль Араги, старшим наследником Клана Земкуль. Под командованием Зураба было две тысячи ганианских наемников. По моим данным отлично подготовленная банда головорезов, не гнушавшаяся ни чем, в плане криминального бизнеса.

Рорих внимательно слушал, стараясь запомнить и проанализировать каждое слово Вадима.

– По данным моих агентов, две тысячи боевиков, во главе со своим командиром, отбыли в неизвестном направлении за две недели до того, как

крейсер «Воргейз» принял на борт группу Энтони Коула. Прошло двадцать два дня, Эрни. Они не вернулись на Ганио. Есть сведения, что Клан начал проявлять беспокойство по поводу исчезновения своего старшего наследника. Все попытки выяснить его судьбу остались безуспешны. Узнав об этом, я поднял сводки происшествий за последний месяц. Существует, конечно, вероятность, что какой-то из обитаемых миров, особенно в скоплении О'Хара не фигурирует в имеющихся у меня базах данных, но она ничтожно мала. Две тысячи ганианцев покинувших систему Халифа на пяти транспортных кораблях, не иголка, способная запросто затеряться в галактическом «стогу». Короче, проанализировав хронику происшествий, я пришел к выводу, – они не обозначили себя ни на одном из обитаемых миров.

– Я понял твою логику. Считаешь, что Зураб и его люди отправились на одну из карантинных планет?

– На Везувий, Эрни. Это уже не случай, не разовая акция, а продуманная многоходовая, тщательно подготовленная операция, преследующая ряд глобальных и частных целей. Банда Зураба Аль Араги выпила немало крови у службы антитеррора Конфедерации. Я поставил себя на место того человека, кто планировал операцию галактического масштаба и понял, что этот тип сидит в разведке флота. Ему подвластны подвижки кораблей, он имел множество неприятностей с дикими семьями инсектов, бандой Зураба и, – Вадим сделал многозначительную паузу – с частными армиями, которые содержат пять крупных корпораций Окраины. Теперь попробуй свести все эмпирические данные вместе и ответь, какую цель преследует предстоящее решение о повторной колонизации Везувия?

Рорих попытался представить, что предпримут корпорации, получившие, наконец, доступ к богатой ресурсами и жизненным пространством планете?

Естественно они осведомлены, с чем могут столкнуться поселенцы на Везувии. Никто и не скрывает того факта, что планету необходимо «чистить». Иначе к чему все эти ссылки на седьмую поправку колониального кодекса? Значит, получив добро от Совета Безопасности, корпорации, скорее всего, заключат временный союз и выдвинут в сектор Везувия свои боевые корабли, чтобы осуществить блокаду планеты и ее скорейшую зачистку.

– Ради чего банду Зураба послали на заведомую смерть? – Подстегнул его мысль Полуэктов.

– Реактивировать машины. Довести максимальное число кибермеханизмов, до состояния повышенной боевой готовности. – Мрачно

ответил Рорих. – К Фрайгу, Вадим, я не понимаю, неужели такой ценой…

– Ты сейчас говоришь не о ганианцах, верно?

– Да пошел, этот Зураб. По нему давно плакала криогенная тюрьма.

– Вот и ты начинаешь рассуждать с точки зрения «оздоровления» системы галактического сообщества. – Невесело усмехнулся Вадим. – Теперь ты понимаешь, что происходит на наших глазах? Тысячелетие карантина – псу под хвост… Везувий вот-вот начнет извергаться, как раз к тому моменту, когда начнется десантная операция объединенного флота Окраины.

Рорих порывисто встал.

– Вадим ты же знаешь, я сам служил в корпоративных войсках! Что я по-твоему хреновый человек, да?

– Нет. Умерь эмоции Эрни. Как тебя не взволновала судьба двух тысяч ганианцев, так и режиссера назревающей драмы не волнуют отдельно взятые судьбы людей, поступивших на службы в частные корпоративные армии. Этот человек добивается мира и стабильности в Галактике, отсекая назревшие на его взгляд опухоли. Корпоративный флот будет уничтожен, и весь сектор Аллора падет к ногам Конфедерации как перезрелое яблоко. В сегодняшних условиях ни одна космоверфь не примет от промышленных империй заказ на постройку новых боевых кораблей, или планетарной техники.

– Погибнут тысячи людей. – Глухо произнес Рорих.

– Десятки тысяч. – В тон ему ответил Вадим. – Если не сотни. И в конечном итоге, во всем обвинят Землю, помянув грехи давно несуществующего Альянса. А лишившиеся своих клыков корпорации, примут мудрое решение, к которому их мягко подведут под конвоем сил Конфедеративного содружества: хватит «дикого бизнеса», пора заниматься честным предпринимательством, вкладывая деньги… ну, к примеру, в реконструкцию сферы Дайсона, куда Совет Безопасности начнет массовое переселение инсектов, открывая скопление О'Хара для экспансии нашей расы. Чем не глобальное оздоровление системы?

– Вадим! – Глаз Рориха гневно сверкнул.

– Остынь. – Полуэктов пододвинул ему бокал. – Выпей и успокойся. Я уже начал противодействие.

– Ты предупредишь корпорации?

– Нет.

– Тогда как?!

– Эрни, они не поверят мне. Один неверный шаг, и люди Коха достанут нас, даже отсюда, из-под земли. Пока Герхард уверен, что его

план работает, мы в относительной безопасности и можем действовать.

– Скажи мне одно, Вадим, – ты собираешься спасти людей?

– Я собираюсь сломать планы Коха, спасти людей, и обратить ситуацию во благо Земли.

– Ты знаешь, я не предам тебя. Скажи, или хотя бы намекни – как?!

– Мы будем вынуждены нанести точно рассчитанный упреждающий удар по Везувию. Только так, можно переломить ход событий.

Рорих со звоном поставил пустой бокал на стол.

– Чем ты собираешься наносить упреждающий удар?! Где у тебя силы?

Полуэктов присел на край стола и положил руку на плечо Рориха.

– Как ты думаешь, Эрни, доведись нам с тобой родиться на тысячу лет раньше, прошли бы мы тест «линии огня»?

Рорих хотел, но не успел ответить на его вопрос, увидев, как открываются двери информационного центра.

Беглов не обратил внимания на землисто-серый, неотличимый от пеноплоти оттенок кожи на живой половине лица Эрни. Его взгляд был прикован к Вадиму Петровичу.

– Мои люди согласны. Я поговорил с каждым в отдельности. Все, включая Рейчел, готовы предоставить свои услуги Земному Правительству.

Полуэктов встал.

– Пока о Земном Правительстве нет речи, Антон. Я частное лицо, пенсионер. И вы поступаете на службу конкретно ко мне.

– Это даже лучше.

– Отлично. Не скрою, я рад. Тем более для вас с Рейчел есть задание. Ты ведь служил в спецподразделении космодесанта, верно?

– Да.

– Отлично – Повторил Полуэктов. – Ближайшие двое суток тебе предстоит провести в автономном режиме. – Голос Вадима Петровича внезапно обрел командирскую сухость. – Я предупреждал, что работать будем в жестком цейтноте. Сейчас получишь необходимое снаряжение, документы, затем бегом в медицинский модуль, на биологическое стимулирование. – Он взглянул на цифры, притаившиеся в углу одного из информационных экранов, и добавил:

– До старта орбитального челнока, который доставит тебя на борт межзвездного лайнера, остается два с половиной часа. Поторопись Антон. Рейчел летит другим рейсом, ее я буду инструктировать отдельно. Встретитесь уже на месте, непосредственно перед осуществлением акции. Вопросы?

Беглов не произнес ни слова в ответ. Он был несколько ошарашен таким стремительным развитием событий, но…

Автономный режим.

Два слова, от которых стало жарко в груди.

– Разрешите идти? – Наконец четко, по военному произнес он.

– Действуй. Всю необходимую информацию получишь через нейросенсорный контакт, во время биостимуляции организма.

Когда за Антоном начали закрываться двери, Вадим Петрович тихо добавил:

– С Богом…

Рорих, услышавший эту фразу, отчетливо понял: *началось.*

– Пойдем, Эрни, с этого момента, нам вряд ли придется спать. – Подтверждая его мысль, произнес Полуэктов.

Глава 5.

3828 год Галактического календаря…

– Дамы и господа, наш лайнер завершил обратный гиперпространственный переход. Мы находимся в системе Элио, конечном пункте нашего полета. В течение двух ближайших часов вам рекомендовано не покидать свои каюты, – будет осуществлен маневр, необходимый для достижения парковочной зоны низких орбит. Командир корабля и экипаж желают вам приятного полета. Благодарим за сотрудничество. – Голос, передаваемый системой общей связи, смолк.

По палубам и переборкам межзвездного лайнера «Перикл» гуляли едва ощутимые вибрации. В каютах первого класса работа двигателей ориентации, разворачивающих огромный космический корабль, не доставляла пассажирам каких либо неудобств, но тут на общей палубе дрожь несущих конструкций становилась явственной.

Несколько сот человек сидели в креслах, расположенных десятью параллельными рядами. Многие путешествовали с детьми, что создавало в салоне дополнительный шумовой фон.

Прозвучавшее по громкой связи предупреждение не являлось прямым запретом, скорее просьбой, рассчитанной на дисциплинированность и благоразумие пассажиров, однако здесь в салоне общей палубы мало кто прислушивался к сообщениям интеркома. Долгий перелет утомил не только детей, но и взрослых. Редкие счастливцы дремали, большинство же, пытались скрасить последние часы перед переходом на орбитальную станцию в общении друг с другом, отчего замкнутом пространстве висел монотонный гул, сотканный из сотен негромких голосов.

Один из дремавших пассажиров, только делавший вид что отдыхает, на самом деле следил за обстановкой в широком центральном проходе. Он терпеливо ждал удобного момента, чтобы ненадолго покинуть салон.

Пока такой возможности не представилось, но в его распоряжении оставалось еще как минимум час.

Выглядел пассажир вполне заурядно, неброское лицо, типичная одежда, бронзовый загар, характерный для людей, много лет проработавших на какой-либо орбитальной станции.

Да и вел он себя естественно, непринужденно. Изображать спящего можно по-разному, другой на его месте, делая вид, что дремлет, просто прикрыл бы глаза, он же в течение нескольких минут трижды поменял позу,

натурально изображая, что ворочается, пытаясь найти приемлемую позу для затекших от многочасового сидения мышц.

Наконец его терпение было вознаграждено.

Сразу двое детей из соседнего ряда запросились в туалет. Санитарная зона палубы располагалась за переборкой, подле которой у терминала компьютера сидели двое: охранник и стюард. Так заведено в салонах общего класса: вместо вездесущей автоматики пассажиров контролируют люди. Билеты на нижние палубы, непосредственно граничащие с техническими коммуникациями корабля, как правило, приобретают наименее состоятельные пассажиры, среди которых неизбежно присутствуют так называемые «группы риска», будь то едва достигшие совершеннолетия подростки, склонные по молодости к мелким нарушениям общественного порядка, или утомленные долгим некомфортабельным полетом взрослые, стихийно организующиеся в группы «по интересам». Уследить за каждым дело электронных систем, а вот адекватно отреагировать на мелкие инциденты, им уже не по силам. Вежливые, упредительные андроиды хороши на палубах первого класса, где сами пассажиры, прежде всего, ценят собственный покой. Здесь андроида могли запросто послать к Фрайгу, или размалевать дорогостоящую машину из баллончика с несмываемой краской…

Дождавшись, когда дети в сопровождении своих матерей, минуют его кресло, дремавший пассажир «проснулся», не забыв при этом сладко потянуться. Затем он встал, и непринужденно проследовал за женщиной.

В этот момент палуба под ногами ощутимо качнулась, по-видимому «Перикл» начал вращение вокруг оси, с одновременным разворотом в сторону орбитальной станции. Женщина едва устояла на ногах, она бы наверняка упала, не окажись сзади невыразительного мужчины, который вовремя поддержал ее и пятилетнюю девочку, причем испугавшаяся пассажирка не получила законного повода возмутиться – необычайно сильная, твердая рука тактично поддержала ее за локоть.

– Спасибо вам. – Она оглянулась, одновременно крепче взяв за руку дочь. – Извините.

– Ничего страшного. Сейчас эта болтанка закончиться. – С загадочной уверенностью ответил ей незнакомец.

Действительно рывок больше не повторился, даже вибрации пошли на убыль.

– Вот ни ко времени в туалет запросилась. – Посетовала женщина, укоряющим взглядом указав на дочь.

– То же бывает. – С усмешкой кивнул незнакомец. В этот момент они

как раз поравнялись с импровизированным постом охраны. Вид разговаривающих родителей, не вызвал у охранников никаких подозрений, лишь открывая доступ в санитарную зону один из них предупредил:

– Постарайтесь не задерживаться. Через семь минут, – он бросил взгляд на тусклый информационный экран, – начнется новый маневр.

– Да, конечно, мы быстро.

Работающих туалетных комнат оказалось всего две, остальные уже закрыли, для автоматической уборки помещений перед стыковкой.

– Проходите. – Мужчина посторонился, взглядом указав на зеленую надпись: «Свободно».

– Спасибо.

Коридор опустел.

Мужчина действовал не спеша, но каждое его движение было точным, доведенным до машинального автоматизма.

Шаг к запертой туалетной комнате. Рука уже сняла мягкую исполненную из пеноплоти заглушку, прикрывающую имплант на правом виске. Судорожное помаргивание алой точки обозначило процесс направленной передачи данных от внедренного в имплант кибермодуля к нехитрому электронному устройству, блокировавшему дверь. Еще секунда, и та услужливо скользнула в переборку, открывая проход.

Мужчина шагнул в туалетную комнату. Дверь за ним встала на место, все индикаторы у входа по-прежнему свидетельствовали, что внутри идет процесс стерилизации помещения.

Он сделал шаг к приемнику утилизатора отходов, на ощупь нашел отделяемый фрагмент облицовки, без усилия снял его, надавив на декоративную панель в нужных местах, и, не теряя ни секунды, разблокировал приемный контейнер мусоросборника.

Как только открылся зев приемника, странный пассажир отделил от своей ладони тонкий непрозрачный полимерный слой. Тоньше чем обычная пеноплоть, он представлял собой герметичный контейнер с наномашинами. Поместив мягкую оболочку внутрь утилизатора, мужчина смочил палец слюной, провел по поверхности тонкой мягкой оболочки, и та на глазах растворилась.

Два терабайта нанопыли[15] теперь незримо присутствовали в контейнере утилизатора отходов.

Взгляд пассажира переместился к панели управления.

Система досжигателя отходов. Обратный отсчет.

Опять трепетно ожил огонек импланта.

Надпись на контрольном экране сменилась:

Система досжигателя отключена. Выброс мусора без процесса утилизации. Заданное время – минус десять минут.

Еще несколько раз взморгнул индикатор импланта, передавая взломанной системе инструкции по уничтожению следов постороннего вмешательства в работу программы.

Кожух панели управления встал на место, приемник закрылся, и мужчина покинул туалетную комнату, вновь оказавшись в коридоре санитарной зоны.

Прошло меньше минуты, и открылась дверь работающей туалетной комнаты.

Обменявшись с женщиной доброжелательной улыбкой, он вошел внутрь.

Дело сделано.

Спустя десять минут, когда «Перикл» закончит так неосторожно предсказанный беспечным охранником маневр, в космос на границе стратосферы будет выброшено облако мусора, среди которого незримо присутствуют два терабайта наномашин.

Сколь ни малы их размеры и ничтожна масса, они в течение суток войдут в плотные слои атмосферы и будут рассеяны воздушными потоками по огромным площадям, над материком.

Подавляющая часть высокотехнологичных пылинок канет всуе, но некоторые обязательно передадут нужную информацию.

Вернувшись в пассажирский салон, мужчина занял свое место и вновь задремал, теперь уже без притворства.

…

– Сэр, не сработал четвертый досжигатель камеры утилизации отходов. – Вахтенный офицер, в чьи обязанности входил общий контроль над техническими предстыковочными процедурами, удерживая палец на сенсоре связи, покосился на информ и добавил: – Мы выбросили в космос облако мусора.

– Реакция со стороны стационарного контроля? – Осведомился главный инженер «Перикла».

– Они молчат сэр. Дистанция еще слишком велика, к тому же проблемную область закрывают от прямого наблюдения локационные надстройки.

– Подожди еще пару минут. – Главному инженеру вовсе не улыбалось выяснять отношения со службой экологической безопасности главной планеты Конфедерации Солнц. – Если их контроль не затребует пояснений,

записей в бортовом журнале не делать. Этот хлам все равно сгорит в верхних слоях атмосферы.

– Понял, сэр. Думаю, они ничего не заметят.

…

Пассажир в общем салоне безмятежно дремал.

Он был уверен, мелкая неполадка с досжигателем не найдет документального отражения в отчетах. Знание человеческой психологии порой оказывается сильнее и действеннее любого иного оружия.

* * *

Планета Элио. Сутки спустя после прибытия «Перикла». Сто семнадцатый уровень Раворграда. Гостиничный комплекс «Орион».

Антон Беглов только что проснулся.

Сейчас в его облике ничто не напоминало того пассажира, что сутки назад покинул салон общей палубы «Перикла».

В большом городе свои методы маскировки, и здесь чтобы не выделяться среди множества приезжих, он избрал иную линию поведения.

Скучающий, немного эксцентричный, богатый турист.

Подобный имидж автоматически даровал ему необходимую свободу перемещений, деньги открывали большинство запертых дверей, а ореол чудаковатости снимал нежелательные подозрения, которые вполне могли возникнуть во время активной фазы операции.

Например, взять тот же транспорт. Обычно приезжие пользуются услугами сети автоматических флайботов, которые привязаны к определенным туристическим маршрутам. Нет. Никакого навязчивого сервиса. Я не собираюсь платить вам деньги за стандартную дешевку. – Приблизительно в такой полускандальной форме отреагировал он на вежливое предложение администрации гостиничного комплекса закрепить за ним на период пребывания в отеле личный флайбот с последней моделью «интеллектуального» гида.

Демонстративно проигнорировав аэротакси, он в первый же день пребывания на Элио взял напрокат дрогой, изящный, но абсолютно бесполезный для планируемой операции «Гранд-Элиот», совершенно «не заметив», что машина ко всему прочему оборудована стандартной системой спутникового контроля, позволяющего отслеживать все перемещения инопланетного туриста, и направился в центральный музей Галактической Войны, где пять часов расхаживал по залам, и даже устроил

очередной скандал, когда оказалось что одна из представленных в экспозиции серв-машин, принадлежащая той далекой эпохе, закрыта для внутреннего осмотра.

После долгих препирательств он позволил убедить себя в том, что интерьеры рубок управления соседних «Фалангеров» практически ничем не отличаются от закрытого по техническим причинам экспоната.

Ворчливо выражая свое недовольство, он отказался от навязчивых услуг экскурсовода, заявив, что желает побыть «наедине с историей».

Поднявшись по стационарному трапу в рубку «Фалангера», он сел в кресло пилот-ложемента (что категорически запрещалось всеми инструкциями) и цепким профессиональным взглядом обежал консоли управления.

Имплант, в который он загодя установил сканирующий модуль, подтвердил результат осмотра: все приборы действительно являлись настоящими, без бутафории. Из серв-машины естественно был изъят реактор, системы вооружения приведены в состояние полной негодности, а вот кибернетическая составляющая сложнейшего сервоприводного комплекса оказалась нетронутой, за исключением пустующего гнезда, предназначенного под кристалломодуль «Одиночки».

Осмотр вполне удовлетворил Беглова.

Для реанимации киберсистемы достаточно переносного источника питания, не собирался же он, в самом деле, приводить в движение это исчадие отгремевшей много веков назад войны?

Жаль, нет возможности заранее протестировать цепи нейросенсорного контакта, – подумалось ему. Но, здесь приходилось допустить определенный процент риска, – осуществлять нелегальное вторжение в музей накануне операции, исключительно ради тестовой проверки, было попросту неразумно. Он и так увидел достаточно много, чтобы свести к минимуму процент неизбежного риска. Если вдруг возникнут неполадки в системе, рядом к его услугам еще пять различных модификаций серв-машин, адаптированных под управление «Одиночкой».

Призраки прошлой войны не должны возвращаться.

Беглов хорошо усвоил справедливость данного правила, но не он первым нарушил его, поэтому сейчас его нисколько не мучила совесть. Она вообще молчала, упрятанная на самом донце сознания. Пусть там и сидит. Пока мир не измениться к лучшему.

Автономный режим – этим было сказано все.

Он рассчитывал действовать жестко и стремительно.

* * *

Планета Дабог. 18 июля 3828 года 6 часов по местному времени.

Утро на Дабоге выдалось ясным, прохладным и росистым.

Ричард Роук галакткапитан военно-космических сил Конфедерации Солнц, прибыл в заданную точку еще затемно. Всю дорогу от космопорта до плантаций он дремал, не желая мысленно сосредотачиваться на предстоящем разговоре.

Посадочная площадка, куда приземлился флайбот, была пустынна.

– Десять кредитов, – сухо оповестил его голос машины.

Галакткапитан уже отвык оплачивать свой проезд, и архаичная система немного позабавила его. Было что-то неуловимо древнее в том, как личная статкарточка изогнувшись, исчезает в прорези считывающего устройства.

Дождавшись пока она выскользнет обратно, Роук усмехнулся в пустоту.

Да, нелегкую миссию взвалил на его плечи штаб флота.

Нелегкую, но чрезвычайно важную и поучительную одновременно.

Тихо прошелестел пневмопривод, и в салон флайбота ворвался стылый порыв утреннего ветра, мгновенно прогнавший остатки дремы.

Роук вышел из машины. Вокруг царили сумерки, у далекой линии горизонта наливалась пронзительным янтарным светом полоска зари. Он подошел к перилам, облокотился о поручень и посмотрел вниз.

Вровень с площадкой высились аккуратно подстриженные кроны знаменитых на всю Обитаемую Галактику деревьев Бао. Основная сельскохозяйственная культура Дабога, плод генной инженерии, сорт растительности, выведенный первым поколением колонистов, на основе скрещивания земной ивы с одной из исконных форм жизни планеты.

Нужно сказать, что результат получился отменным, учитывая жесткую проверку временем. Прошло без малого полторы тысячи лет, а сельскохозяйственная ценность продолговатых плодов, по форме и размеру напоминающих мяч для игры в регби, не только не падала, а наоборот росла. Этому феномену, конечно, имелось свое разумное объяснение. В век высоких технологий синтетическая пища практически полностью вытеснила натуральные продукты. Уровень урбанизации развитых миров не предполагал наличие достаточного жизненного пространства, пригодного для культивации древних как мир способов ведения сельского хозяйства. Исключением из правила, насколько знал Роук, являлись пять миров. Хотя, наверное, Элио и Дион не в счет, – мысленно поправился он. Столица Конфедерации выгодно отличалась от других планет своими

лесопарковыми зонами, окружающими мегаполисы, Дион, являлся фешенебельным галактическим курортом и здоровая экология была неотъемлемой частью туристического бизнеса, значит оставался Флиред с его знаменитым Диахром, затем планета Рори, где произрастали зеркальные деревья, и, наконец, Дабог.

Из такой статистики аграрных миров нетрудно сделать очевидный вывод. Плоды дерева Бао пользовались популярностью в дорогих ресторанах, где исключалось использование эрзац продуктов.

…Мысли галакткапитана прервал далекий, постепенно приближающийся звук.

Рассвет уже полностью вступил в свои права, ветер понемногу утих, на листве деревьев дрожали крохотные капельки росы, меж могучими стволами плавали зыбкие полосы тумана, а в безоблачном небе уже появился край солнечного диска.

Золотистый свет заливал окрестности.

Трудно представить, что этот мир был сожжен дотла в Первую Галактическую.

Ровно столетие над испепеленными равнинами Дабога властвовала ядерная зима, казалось тут больше никогда не возродиться цивилизация, но ошибались те, кто прочил планете, первой принявшей на себя удар Земного Альянса, статус вечного памятника той жесточайшей войне.

Люди вернулись сюда, как только над серыми, скованными ледяным панцирем равнинами, сквозь свинцовые тучи начали регулярно пробиваться солнечные лучи.

Хроника тех лет нагоняла на Роука откровенную жуть.

Он видел нестройные, местами накрененные в разные стороны ряды черных, лишенных листвы и мелких ветвей деревьев, которые чудом устояли под ударами орбитальных бомбардировок.

Мертвые аллеи тянулись на сотни километров, с приходом тепла над Дабогом шли непрекращающиеся дожди, и серый снег, смешанный с пеплом таял, стекая мутными потоками в новоявленные океаны.

О мужестве защитников Дабога не слагали легенды, – в отличие от наидревнейших эпох после той войны остались строгие документальные свидетельства, запечатлевшие все – от первых ударов «акции устрашения» до последних минут блокады, когда спустя пять лет после наступления зимы из подземных бункеров непобежденной планеты были насильно эвакуированы похожие на теней люди.

…

Три «Беркута» шли клином.

Он появились у горизонта, словно призраки той страшной войны.

Галакткапитан почувствовал, как вдоль позвоночника скользнул холодок. Знать и видеть суть не одно и то же. Роуку на миг показалось, что само время сжалось, отступая назад, и к нему приближаются те самые аграрные исполины, которые стали прототипом для самого страшного, не превзойденного до сих пор вида планетарной техники – боевых серв-машин.

Их история началась именно здесь, задолго до первых столкновений между Земным Альянсом и Колониями. Аграрные шагающие машины были спроектированы колонистами и использовались ими в напряженной, протекающей на зыбкой грани выживания борьбе с топкими джунглями и исполинскими жизненными формами исконной биосферы.

…Они приближались.

Роук чувствовал, как мягкими толчками почва Дабога принимает поступь многотонных машин. Первый «Беркут» уже находился всего в сотне метров от площадки, где стоял галакткапитан. Кроны деревьев пластично, податливо гнулись, пропуская ветви сквозь закрепленную под рубкой гребенку уборочного приспособления; в сторожкой утренней тишине характерный звук сервомоторов сливался в ноющий гул, от которого дрожала листва, мощь, исходящая от серв-машин была пугающей, неуместной, излишней, хотя опытный взгляд галакткапитана сразу же отметил, что силуэт головного «Беркута» не несет никакого намека на вооружение.

Он усмехнулся в ответ собственным мыслям.

Так думали и те, кто вторгся сюда более тысячи лет назад.

Концепция серв-машин не имела аналогов среди техники Земного Альянса, никто не полагал, что эти реликты, дооснащенные двухсотмегаваттными лазерами, спроектированными для горно-проходных работ, способны за несколько часов выбить назад на орбиту десантно-штурмовые подразделения захватчиков, превратив в груды бесформенного металла всю боевую технику, включая штурмовые модули и планетарные танки.

Нет, прошлое не возвращалось, оно *не покидало* Дабог. – Вот о чем подумал галакткапитан, невольно отступив от символических перил.

Головной «Беркут» вплотную подошел к площадке.

Роук призывно взмахнул рукой, привлекая внимание пилота.

Ему показалось, что машина нехотя, ворчливо повернула торс, затем раздался затухающий вой сервоприводов, и сбоку открылся овальный люк, через который на площадку спрыгнул пилот.

Роук угадал. Это была она, – Патрисия Сай.

Густые каштановые волосы окутали ее плечи, стоило женщине снять шлем. Секунду она смотрела вдаль, где в туманной дымке утренних испарений продвигались два других «Беркута», и лишь после этого повернулась к галакткапитану.

– Чем обязана? – Сухо спросила она, окинув Роука оценивающим, настороженным взглядом.

– Нам нужно поговорить, миссис Сай. Я представляю объединенный штаб флота Конфедерации.

– Вот как? – Ее глаза сузились. – Вы выбрали неподходящее время и место для визита, капитан. У меня совершенно нет желания общаться с кем-либо.

– И, тем не менее, я прошу. – Он сделал ударение на последнем слове. – Это очень важно.

Она не долго раздумывала, как поступить.

– Хорошо. Я готова вас выслушать. – Патрисия облокотилась о перила. – Но предупреждаю – если речь пойдет о «Беркутах», наш разговор закончиться так же быстро, как и начался.

– Ваши машины вне обсуждений, хотя… – Роук не удержался, – они выглядят слишком мощными для плантаций.

– Это память, капитан. Не меркнущая память.

Ричард кивнул, мысленно соглашаясь с ее утверждением.

– Я знаю, что такое память. – Неожиданно произнес он. – Именно поэтому я тут. Мне поручено провести переговоры, в ходе которых вероятно будет раскрыта одна из важнейших государственных тайн содружества миров.

Глаза Патрисии Сай настороженно блеснули.

– Мне не нужны тайны, капитан.

Роук выдержал ее взгляд.

– Я знаю, вы недолюбливаете Конфедерацию. Возможно, мы сами виноваты в этом. Но серв-машины были и остаются самым грозным оружием современности. От этого никуда не денешься.

– Самое страшное таится в душах и помыслах людей. – Спокойно ответила Патрисия. – Вы и никто другой, – она имела в виду военно-космические силы в целом, – на протяжении тысячи лет совершенствуете своих «Фалангеров» и «Хоплитов», мы же не имеем к данному вопросу никакого отношения. Наши предки спроектировали «Беркутов» исходя из условий внешней среды Дабога. Потом, война подхватила и извратила суть концепции, и я до сих пор не понимаю, почему мы в глазах Конфедерации

потеряли право сохранять свою техническую культуру, помнить историю и использовать наследие предков?

– Никто не застрахован от перегибов и ошибок, мисс Сай. – Мягко произнес Ричард. – Я хорошо знаком с историей и понимаю, что перед поколением жителей Дабога, принявших на себя первый удар Альянса, можно лишь преклонить голову. Вы абсолютно правильно заметили, концепция серв-машин была подхвачена конструкторами Альянса, после первых сокрушительных поражений на Дабоге, но они не могли сконструировать киберсистему полностью аналогичную прототипу.

– Почему? – Патрисия повернула голову, посмотрев на галактлейтенанта.

– Здесь сыграл свою роль способ нейросенсорного контакта между человеком и исполнительными системами. – Пояснил Роук. – Ваши «Беркуты» управляются посредством множественных локальных зон контакта с нервной системой человека. В комплексе это похоже на усовершенствованный виртуальный костюм, где отдельными приводами машины управляют импульсы обратной связи, исходящие от нервных окончаний. Мозг при таком контакте исполняет привычную координирующую роль, то есть, процесс мышления остается прерогативой человека. При такой схеме действительно необходимо *искусство пилота* – важно ощутить машину как продолжение самого себя…

Патрисия кивнула. Нежданный утренний визитер действительно понимал, как работают аграрные роботы Дабога.

Ободренный ее жестом Ричард продолжил:

– А теперь давайте взглянем на ту же проблему управления с позиции, традиционной для Земных технологий двадцать седьмого века. Каждый гражданин Альянса еще в роддоме получал имплант, соединенный с корой головного мозга. Зачем в таком случае лишние зоны контакта, если к моменту создания аналога серв-машин в распоряжении конструкторов Альянса уже имелись апробированные системы, напрямую передающие команды человеческого разума к исполнительным механизмам?

– Выходит, «Фалангеры» и «Хоплиты» лишь роботизированные комплексы, в схеме которых человек не более чем временное дополнительное устройство? – Обдумав слова галактлейтенанта, спросила Патрисия.

– Примерно так… Поэтому военное ведомство готово снять все претензии относительно факта эксплуатации «Беркутов».

– Но вы прилетели вовсе не за тем, чтобы сообщить мне эту новость?

– Я прилетел, чтобы просить вас о помощи.

– Не понимаю?

– Если вы уделите мне еще немного времени…

– Это настолько серьезно? – Прервала его Патрисия наблюдая, как второй «Беркут» дошел до площадки, и из люка серв-машины появился ее старший сын.

– Да. Очень важно. Мы столкнулись с проблемой, когда нам необходимо иметь в своем распоряжении технику с шагающим приводом, но там, где ее предстоит эксплуатировать, в силу физической аномалии не работают стандартные компьютерные комплексы. Только человек имеющий опыт управления серв-машинами посредством полного нейросенсорного контакта с кинематическими системами может пилотировать новый вид техники, который сконструирован в Форте Стеллар.

– О какой области идет речь, капитан?

– Десятый уровень гиперсферы мисс Сай. Сердце аномалии космоса.

Патрисия невольно вздрогнула от этих слов.

– Хорошо, продолжайте. – Тихо произнесла она.

* * *

Ричарду потребовалось пол часа, чтобы вкратце изложить, как суть проблемы, так и основные физические законы, действующие в системе Ожерелья.

Патрисия внимательно выслушав его пояснения, побледнела.

– Вы прилетели, чтобы забрать моих сыновей, капитан?

– Я прилетел просить вас о помощи. – Повторил Роук.

– Почему вы не можете оставить нас в покое? Подготовьте своих людей. Желающих поступить на службу Конфедерации хватит и без нас. Мы мирные жители аграрной планеты. Война слишком дорого обошлась моему народу.

– У нас нет времени мисс Сай. К сожалению. – Добавил он. – Я рассказал вам о десятом энергоуровне гиперсферы, и вы должны были обратить внимание, что время там течет в десять раз быстрее, чем в трехмерном континууме.

– Ну и что?

– Некоторые люди, имеющие прямое отношение к Дабогу, попали в систему Ожерелья в разгар Галактической войны. Для нас прошло тысячелетие, для них всего лишь век.

– Эти люди живы? Кто они?

– Экипаж печально знаменитого крейсера «Тень Земли». Не весь конечно, но его капитан и несколько старших офицеров, ответственных за бомбардировки Дабога, сумели обмануть время.

– Тиберий Надыров? Он жив?

– Да. Он был доставлен на Элио, и ожидал трибунала. Неделю назад он исчез. Мы полагаем, его выкрали те, кто желает реванша Земли. Почти столетие он правил единственной пригодной для жизни планетой Ожерелья. Он знает об аномалии все. И может ударить в любой момент по любому миру.

– У Земли более нет флота, способного наносить удары по другим звездным системам. – Возразила Патрисия.

– Мы не уверены в этом. Есть один корабль, который возможно сейчас полным ходом движется к Земле. Определить, реальны наши подозрения или нет, возможно, лишь исследовав все обломки на планетах Ожерелья. Но для этого нам требуется эффективная техника. И люди, способные управлять ей.

– Речь идет только об исследованиях?

– Да. Мы уже готовим группу пилотов, для принципиально новых машин, но информация требуется прямо сейчас. Если искомый корабль потерпел крушение в аномалии, вопрос разрешиться сам собой. Если его фрагменты не будут найдены на планетах Ожерелья, галактику ждет новая угроза.

Патрисия долго смотрела в зыбкую туманную даль янтарного утра, а потом, обернувшись, ответила.

– Я поговорю со своими сыновьями. Но они сами примут решение. – Произнеся эти слова, она отняла руки от перил и пошла к противоположному краю площадки, где возвышались рубки управления трех «Беркутов».

* * *

Элио. Автономный режим…

Капитан Роук являлся лишь исполнителем воли Герхарда Коха. Он получил информацию и передал ее по назначению, не подозревая о том, что солгал относительно исчезновения престарелого адмирала.

Однако, своими словами, призванными повлиять на решение Патрисии Сай, он невольно предрек грядущие события.

…

Темно-серый «Гессель» вырулил на развилку двух обычных шоссе, разделявших окружающие Равоград лесопарковые зоны на отдельные участки, когда над столицей Элио уже начали сгущаться сумерки.

Мощная машина двигалась бесшумно, будто призрак, не включая габаритных огней, при неработающей системе круиз контроля, без которой «Гессель» был невидим для спутников. От сенсорных систем службы дорожной безопасности его предохранял тонкий полимерный слой покрытия «хамелеон», нанесенный из пульверизатора, поверх краски кузова, и установленные в четырех точках на заднем и переднем бамперах устройства электромагнитной маскировки.

Опознав ориентиры, Беглов свернул на обочину.

Дрогнули ветви кустов, и из сумеречного подлеска показалась фигура Рейчел. Девушка была одета в модный спортивный костюм, такой же обманчивый, как внешний лоск представительского «Гесселя».

Антон посмотрел на часы.

В графике.

– Привет милая. – Он улыбнулся Рейчел, которая уже пристегивалась ремнем безопасности.

– Здравствуй Антон.

Он медленно тронул машину с места.

– У нас осталось в запасе немного времени. Можно не спешить. Ты в порядке? – За вопросами, предполагавшими простое человеческое участие, на самом деле скрывалось нервное напряжение, но Рейчел не почувствовала его: после полутора суток одиночества в абсолютно незнакомом городе ей хотелось человеческого тепла, которое она и ощутила в словах Антона.

– Все нормально. – Ответила девушка, откидываясь на удобный мягкий подголовник. – Немного поволновалась, когда проходила контроль в космопорту.

– Парик?

– Да.. Не думала, что он в состоянии скрыть мои импланты от сканеров.

Беглов лишь усмехнулся.

– Сейчас мы выйдем на прямой участок федеральной трассы. У тебя есть двадцать минут, чтобы расслабиться и настроится на работу. Включить музыку? Что ты предпочитаешь?

– Космические симфонии Шрегана. – Машинально ответила Рейчел.

– Не проблема. Сейчас найдем.

Через минуту патетические звуки органа заполнили уютный комфортабельный салон дорогой машины.

Рейчел действительно начала расслабляться.

Она украдкой поглядывала на Антона, пытаясь определить его состояние. Вроде спокоен. Взгляд девушки скользнул по приборной панели «Гесселя» и вдруг случайно зацепил наконечник электромагнитного компенсатора короткоствольного штурмового автомата, который лежал между сидениями машины, небрежно прикрытый снятой курткой Беглова.

По спине мгновенно царапнула холодная дрожь.

Воображение тут же нарисовало картину: вот из-за очередного плавного поворота дороги появляются очертания полицейского флайкара, злобные синие огоньки бьют по нервам, красные мигающие точки сканеров рассыпаются в сгущающейся темноте, словно крохотные глазки неведомых тварей, а рука Антона машинально соскальзывает вниз под куртку, пальцы смыкаются на пистолетной рукоятке оружия и…

– Не напрягайся. Тебе скоро работать.

Рейчел сглотнула вставший в горле комок.

– Все нормально. Я справлюсь.

Мощная машина набирала скорость. Она коснулась сенсора, опуская боковое стекло, и пряный запах подкравшейся ночи ворвался в салон.

Дорога серой лентой стелилась под колеса.

Чарующие звуки органа лились из скрытых динамиков, и только случайно замеченное оружие напоминало о том, что они среди *врагов.*

Рейчел не полагала, что к такой двойственности можно привыкнуть, но спокойное лицо Антона молча подсказывало: можно, милая, и сегодня мы отрабатываем не самый рискованный вариант. Ты только не подведи меня, – говорили серые глаза Беглова. – Сделай все как нужно, и мы вернемся победителями не пролив ни капли невинной крови.

Это высшее искусство.

Автономный режим.

Тихо пискнул запрограммированный таймер.

– Минус пять минут. Приготовься.

* * *

Через километр дорога круто свернула в лес. Беглов проехал еще метров пятьсот и остановил машину, загнав ее под сень деревьев, где уже гнездился густой мрак. На безоблачном небе робко помаргивали первые

звезды.

Достав из-под куртки короткоствольный «Гервет» с системой снайперской стрельбы, Антон внезапно коснулся губами щеки Рейчел.

– Я пошел. Работаем.

Сегодня она его ангел-хранитель.

Рейчел закрыла глаза.

Несколько секунд на фоне сомкнутых век плавала чернота, а на щеке стыл горячий, сухой поцелуй Антона.

Она знала, что эти мгновенья уже не забудутся. Никогда.

Вязкая мгла рассеялась. Рейчел по-прежнему сидела, закрыв глаза, но ее внутренний взор вдруг начал приобретать перспективу, наполняться звуками, цветом, словно кто-то предательски осветил лес, разом включив десятки мощных прожекторов.

Нанопыль.

Часть микромашин благодаря своей конструкции и малому весу все еще парила высоко над землей, некоторые осели на хвое деревьев, траве, крышах приземистых зданий спрятавшегося всего в километре от дороги небольшого коттеджного городка, обнесенного высокой стеной, напичканной всеми видами сенсорных систем обнаружения.

Тонко заливисто щебетала ночная птица.

Голос Беглова прозвучал на этом фоне, как хриплый приглушенный раскат отдаленного грома. Рейчел еще не освоилась в окружающем ее пространстве, и потому невольно вздрогнула, однако быстро справилась с собой, сумев удержать сознание среди множества подконтрольных ей наномашин.

Я здесь Антон. Вокруг тебя чисто. Поселок в семистах метрах к юго-востоку. Стена замаскирована деревьями. Если ты выйдешь на нее, тут же сработают датчики обнаружения.

Ты их воспринимаешь? – Прозвучал в сознании его вопрос.

Да. Остановись.

Беглов послушно остановился и присел.

Рассудок Рейчел уже окончательно освоился среди хаотично распыленных по земле, воздуху, деревьям, забору, зданиям наномашин. Некоторые из мельчайших пылинок содержали в своей структуре исполненные на молекулярном уровне микрокамеры, другие передавали звук, третьи работали как сканеры, четвертые служили передатчиками.

Обычно для эффективной работы с нанопылью требовался сложнейший, а оттого крупногабаритный компьютерный комплекс, что на долгие годы сместило спектр применения мощного кибернетического

оружия разведки в область обеспечения общевойсковых операций.

Полуэктов сделал рискованную ставку на уникальные способности Рейчел, и не ошибся в своем выборе.

Она ощущала окружающий мир, поддерживая мнемоническую связь с сотнями высокотехнологичных микрочастиц, более того, посредством передатчиков, распыленных над зоной предстоящей операции, она могла одним усилием тренированной воли создать *сеть,* включив в нее отдельные узлы кибернетической охраны объекта.

Антон, даю координаты. Двигайся на двенадцать часов три минуты. Через четыреста метров выйдешь точно на угол периметра. Я перехватила управление сканирующим комплексом. Преодолеешь стену – сообщи.

Беглов, которому тридцать секунд ожидания показались сродни вечности, сверился с наручными прибором, похожим на гибрид компаса и древних механических часов.

Определив по светящимся делениям нужный вектор, он уверенно направился в избранном направлении, машинально считая шаги.

Не смотря на контактные линзы ночного видения, угол периметра появился внезапно, словно две стены выдвинулись навстречу диверсанту, неожиданно обозначив себя за разлапистой елью.

Да, если бы не Рейчел, сейчас тут все пришло бы в стремительное, тревожное движение, – подумал Антон, глядя на плотно закрытые диафрагмы многочисленных амбразур. Судя по расположению датчиков и скрытых в стене систем вооружения, охрану объекта планировали настоящие профессионалы, теперь ему стало понятно, почему внутри огражденной периметром зоны ночное патрулирование осуществляет лишь взвод андроидов.

Секунды. Как жестко они подгоняли его в этот вечер.

Достав перчатки, купленные в супермаркете гостиничного комплекса, он быстро надел их, нанес на ладони специальный молекулярный состав и ловко вскарабкался по трехметровой стене.

Перекинув свое гибкое мускулистое тело через гребень забора, он мягко спрыгнул по другую сторону преграды. Оглядевшись, снял с рук импровизированные присоски и положил их в траву.

Готов. Я внутри периметра.

Не шевелись. Я отпускаю сканеры. Они направлены в сторону леса.

Жду.

Рейчел сидела, плотно сжав побелевшие от напряжения губы. Ее сознание сейчас сосредоточилось в полукилометре от «Гесселя»,

разбираясь с блуждающими потоками сканирующего излучения, которыми управляла программа, основанная на генерации случайных чисел. Это не позволяло определить периодичность включений и тип сканера, который будет «осматривать» определенный участок внутри периметра в последующие минуты.

Поменять числа.

По сути это работа кибрайкера, но девушка уже давно поняла, что между мнемониками и их исконными противниками есть только одно отличие и заключено он отнюдь не в потенциальных способностях и личном техническом оснащении. Их разделяло разное мировоззрение. Сейчас она делала именно работу кибрайкера, пользуясь привычными для мнемоника приемами.

Все. Генератор обнулен.

Теперь у Антона есть пять минут. Хватит ли ему?

Минус пять минут. Время пошло. Передаю координаты целей – андроид, статичный пост, сто пятьдесят метров на три часа семь минут, патрульная пара – движется от тебя, дистанция пятьсот метров, вектор 2,07.

Принял.

Беглов распластался за низкой, аккуратно подстриженной живой изгородью, обрамлявшей с двух сторон гравийную дорожку, засыпанную мелким красноватым щебнем. Предварительно наброшенная на ветки электронная маскировочная сеть, состоящая из тончайших проволочек, надежно защищала его от встроенных сканеров андроида, застывшего подле главных ворот периметра. Патрульная пара, которую опередила Рейчел, развернулась и начала двигаться в обратном направлении.

Перехвати частоту их связи.

Шаги отчетливо слышались в ночи. Поскрипывание гравия становилось все ближе, затем оно на мгновенье стихло, и возобновилось вновь.

Есть частота.

Сможешь симулировать обмен данными?

Да. Включу наномашины.

Следи внимательно. Первый выстрел – по стационарному посту. Два последующих – патрульная пара. Включать симуляцию строго по очередности.

Поняла.

Беглов привстал на колено.

«Гервет» был заряжен спецпатронами с магнитным генератором,

который, внедряясь в корпус машины, полностью нарушал обмен данными в цепях управления, что приводило к параличу кибернетической системы. Эффективный выстрел таким боеприпасом, учитывая боевую модификацию дройдов (их кожухи были выполнены из металлокевлара) мог быть осуществлен лишь с дистанции в полторы сотни метров. На большем удалении заряд не пробьет броню машины, и генератор тривиально срикошетит.

Беглов прицелился.

Выстрел.

Рейчел ощутила электромагнитный всплеск.

Выстрел.

Вторая группа наномашин включилась в работу, симулируя сигнал от парализованного андроида.

Выстрел.

Все, это последний.

На лбу девушки выступили мелкие бисеринки пота, но она не могла поднять руки, чтобы смахнуть их.

Разум сейчас словно отделился от тела, он был там, в виртуальной сети, сотканной наномашинами.

Четыре минуты двадцать девять секунд, Антон.

Беглов рванулся вперед, к одноэтажному зданию, которое стояло особняком от остальных построек.

На бегу он успел сменить магазин «Гервета».

Теперь ему предстояла стрельба по живой мишени.

Дверь в здание оказалась не заперта.

Он вжался в простенок сразу за входом, прислушался, и уловил легкое покашливание.

Не спит.

Антон шагнул в комнату, и, не останавливаясь, выстрелил в шею сидящего за столом человека.

Микроинъектор со спецпрепаратом вошел под кожу, моментально начав растворяться, впитываясь в кровь вместе с содержавшимся в нем химическим веществом.

Старик вдруг начал мешковато заваливаться набок, но Беглов уже находился рядом, он не дал телу упасть, а легко перекинул его через плечо и тут же ринулся назад, прочь из дома, к тому углу периметра, откуда две минуты назад начал свою молниеносную атаку.

Рейчел, я возвращаюсь.

Поняла. Перехватываю управление внешними сканерами.

Дезактивация магнитных генераторов дройдов через две минуты.

Успею.

Беглов уже был у забора.

На этот раз ему понадобилось сорок секунд, чтобы вскарабкаться на гребень трехметровой стены, имея на плечах дополнительный груз.

Внешние сканеры заблокированы.

Мой ангел– хранитель… – Мысль вырвалась у Антона помимо воли, но это проявление чувств едва не окончилось провалом все операции.

Рейчел так остро ощутила тепло его мысленной фразы, что на миг потеряла контроль над внешним сканирующим комплексом, «отпустив» его на три секунды раньше, чем рассчитывала.

Их спасла лишь скорость, с которой передвигался Антон.

В момент срыва он уже успел оставить между собой и периметром полсотни метров густых зарослей ельника.

Пронесло… – мысль гулко ударилась в стенки черепной коробки.

Рейчел открыла глаза и вытерла со лба мелкие капельки пота.

Она увидела Антона только в тот момент, когда открылась задняя дверь машины и на сидение мешковато осела безвольная человеческая фигура.

– Кто это?

– Не поверишь милая, – адмирал Тиберий Надыров собственной персоной.

Антон захлопнул дверцу, быстро сел за руль и тут же тронул «Гессель» с места парковки, задним ходом выезжая на дорогу.

– Умница. Еще час в таком темпе, и мы свободны.

– Куда мы едем, Антон?

– В музей Галактической Войны.

– Зачем?

– Я ввел адмиралу препарат, который аналогичен сыворотке правды, но в отличие от нее воздействует на все слои головного мозга. Мы подключим его к нейросенсорному шунту серв-машины, а ты считаешь необходимую информацию через адаптационные блоки, предназначенные для контакта разума пилота с «Одиночкой». К сожалению, мы не можем рисковать, записывая данные на съемный носитель. Тебе придется запомнить все, что интересует Вадима Петровича.

– Поняла.

Рейчел чувствовала, что ее немного подташнивает от усталости.

– Приоткрой окно. И прими капсулу стимулятора.

Беглов уже выруливал на скоростное шоссе, ведущее к сияющей

миллиардами огней громаде мегаполиса.

* * *

В город они въехали без четверти одиннадцать. Через пятнадцать минут должен вступить в свои права обязательный для всех мегаполисов технический час.

Все было рассчитано заранее, по секундам.

Обширная парковочная площадка перед музеем была пуста. Антон направил «Гессель» к аварийному пожарному выходу из здания.

Рейчел уже закрыла глаза, вступив в мнемонический контакт с системой аварийной сигнализации музейного комплекса.

Теперь она уже не ощущала скованности, – десять минут запредельного напряжения в лесу, когда любая ошибка грозила обернуться смертью для Антона, сильно повлияли на ее сознание.

– Милая, мы должны войти тихо. – Прозвучал где-то рядом его голос.

Милая.

Простое слово, несущее оттенок нежности. Почему оно так сильно воздействовало на Рейчел? Она провела не один месяц рядом с Бегловым, но только сегодня предельное напряжение нервов в сочетании с магией его коротких, успокаивающих фраз внезапно пробудило в ней нечто, неподвластное рассудку.

Неужели так бывает?

Натягивается между двумя людьми тугая, звенящая струна, и весь остальной мир блекнет, не к времени, и не к месту, будто само мироздание концентрируется в тембре голоса, произносящего это слово: *милая.*

Полуэктов должен был знать, что это произойдет.

Знал, потому что сам проходил через это. Только сейчас Рейчел, машинально *работая*, вдруг начала осознавать, что на протяжении многих дней ее окружали совершенно особенные люди. Как она могла не заметить их явной ауры?

Вадим Петрович верил – она и Антон вернуться. Вернуться совершенно другими, потому что их душам дано соединится в эти минуты, стать единством, ради выживания, достижения цели, но что настанет потом? Сосущая, гложущая изнутри пустота или…

Они все были такими, и Рорих, и Ваби, и сам Полуэктов.

Теперь Рейчел знала это наверняка.

Ее рука нашла ладонь Антона. Глаза девушки оставались закрыты, но

на этот раз она не воспользовалась имплантами, не желая посылать ему сообщение через бездушный инфракрасный порт.

– Вход разблокирован. – Шепнули ее сухие губы. – Система охраны отключена.

* * *

Залы музея встретили их гулкой настороженной тишиной, в которой отчетливо слышался каждый шаг.

Рейчел следуя за Вадимом, который точно знал маршрут, находилась в состоянии, граничащим с трансом. Она воспринимала две реальности, одна проплывала мимо в виде серых стен, темных экспонатов, с выключенной на ночь подсветкой, а другая ярко брызгала сполохами энергии, термальными всплесками, ослепляющими потоками направленного излучения, – внутри музея функционировала вторичная система охраны, иногда рассчитанная на целые залы, реже – связанная с отдельными экспонатами экспозиций.

Рейчел не рвала эту сеть, – действуя на пределе возможностей своего сознания, она молниеносно переключалась с одного аппаратного комплекса на другой, временно перенацеливая их в другую сторону или попросту изолируя от источников питания.

Утром, конечно, здесь соберется целая толпа техников, которые будут ломать голову над странными сбоями и неисправностями, старательно не обращая внимания на тот факт, что внезапно «заглючившие» приборы четко обозначают *путь*, проложенный через системы защиты, от аварийного пожарного выхода к залу серв-машин.

Да, но следом прибудут полицейские, а за ними, или, быть может раньше, спецы из разведки, которые не станут закрывать глаза на явное совпадение.

Рассудок Рейчел метнулся к аппаратуре соседних залов, грубо вырубая целые участки сети.

Побереги силы. – Коснулся ее разума голос Антона. – *Мы у цели.*

Рейчел открыла глаза.

Они стояли подле огороженных низкими перилами постаментов, на которых возвышались десяти-пятнадцати метровые силуэты шагающих машин.

Антон, не снимая с плеча своей ноши, открыл люк первого в ряду «Фалангера» и жестом указал Рейчел, чтобы она шла первой.

Рубка оказалась тесной и неудобной. Между сложной конструкцией пилот-ложемента и многочисленными приборными панелями оставалось слишком мало места для троих людей.

– Присядь пока. – Произнес Беглов, взглядом указав на скошенные приборные панели.

Бессознательное тело пленника он аккуратно опустил в кресло пилота.

– Антон, это действительно адмирал Надыров?

– Да.

– Но как это возможно? Тысяча лет…

– Его корабль попал в область аномалии космоса. Там время течет быстрее. Большего я пока не знаю, но надеюсь вскоре узнать.

Разговаривая с Рейчел, он извлек из специальной ниши длинный глянцевитый шунт нейросенсорного контакта и вставил его свободный разъем в височный имплант адмирала.

– Приготовься. Сейчас я подключу автономный источник питания, и его память станет доступна для чтения. Киберсистема «Фалангера» даже в отсутствии модуля «Одиночка», вступит в нейросенсорный контакт с разумом пилота, и будет автоматически сканировать его мозг. Твоя задача – войти в информационный поток и побудить адмирала вспомнить все, что он знает о двух мирах Линии Хаммера: Везувии и Юноне. Нас интересует любая информация об этих планетах, но особое внимание следует уделить инфраструктуре военных объектов, а в особенности секретной базе под кодовым названием «Гамма». Ее местоположение нужно узнать точно.

– Это все?

– Это главное. Если ты в состоянии востребовать и запомнить больше информации…

– Я смогу. Но боюсь, что мое физическое состояние после этого оставит желать лучшего.

– Не беспокойся. Я буду рядом. Давай условимся, какой знак ты сможешь подать, когда наступит предел. Я просто выдерну шунт.

Рейчел кивнула.

– Держи меня за руку. Я сожму пальцы.

– Хорошо. Ты готова? У нас осталось полтора часа до старта межзвездного лайнера.

– Готова. Последний вопрос Антон. Что будет с ним? – Рейчел красноречиво посмотрела на Надырова.

– Не волнуйся. К утру он очнется, с небольшим провалом в памяти. Пусть спецслужбы поломают себе голову, как он оказался тут, в музее, и

зачем полез в рубку серв-машины.

Рейчел кивнула.

Сжав ладонь Антона, она закрыла глаза, погружаясь в пучины чужой памяти.

Такого не еще совершал ни один мнемоник или кибрайкер.

Она была первой.

* * *

Международный космопорт Элио. Ноль часов десять минут по местному времени.

– Дамы и господа. Заканчивается регистрация на рейс сообщением Элио-Дион-Стеллар.

Голос гулко отдавался эхом под сводами полупустого в этот час зала отлета.

Два человека спешили к стойке регистрации. Модой мужчина вел под руку свою жену или подругу. Похоже, девушка изрядно перебрала. Ее походка была нетвердой, глаза полуприкрыты, при каждом шаге она опиралась на локоть своего спутника.

Он подвел ее к стойке регистрации и протянул андроиду две статкарточки.

– Моя невеста неважно себя чувствует. – Не дожидаясь вопросов, пояснил он. – Слишком много выпила на вечеринке.

Андроид просмотрел документы и вернул их Беглову.

– Все в порядке. Вы можете пройти на посадку. – Вежливо сообщил он.

Антон кивнул, бережно заставив Рейчел следовать в нужном направлении.

– Потерпи милая. Скоро все закончиться.

Гиперсферный прыжок до Диона займет три часа, затем пересадка на грузовой корабль, следующий в Солнечную систему. Еще два часа в аномалии, и на парковочных орбитах Земли их встретит космическая яхта, зафрахтованная Рорихом.

К тому времени на Элио будет только начало шестого. До открытия музея останется еще два с половиной часа.

Глава 6.

Секретно.
Входящее сообщение.
Адмиралу Снегову.
Источник данных: объединенный штаб флота.

Направляем в Ваше распоряжение эскадру из трех крейсеров нового поколения, адаптированных к условиям десятого энергоуровня аномалии.

На борту крейсера «Дион» дислоцировано испытательное серв-соединение. Предлагаем немедленно включить его в операцию по идентификации космических кораблей, потерпевших крушение на планетах Ожерелья.

Начальник объединенного штаба флота Д. Хоггинс.

Десятый уровень гиперсферы…

Над ожерельем из девяти планет царили три крейсера Конфедерации Солнц.

«Дион», «Флиред» и «Бристоль» прошли радикальную реконструкцию на верфях Форта Стеллар. Они несли на борту уникальные дубль системы, адаптированные для пространства десятого энергоуровня, где над любой техникой довлеет эффект непроводимости. Магнитное поле энергетического сгустка исключает использование традиционных источников питания, – здесь не работают обычные компьютеры, отказывают электромагнитные ускорители стартовых катапульт и систем бортового вооружения.

Инженерам Форта Стеллар пришлось приложить немало усилий, чтобы качественно переоборудовать космических титанов, но они справились с задачей, используя нетрадиционные технологии, опирающиеся на скупой опыт первых прыжков по вертикалям гиперсферы.

…По обшивке крейсера «Дион» прокатилась едва ощутимая вибрация. Медленно и плавно открылся вакуум-створ, поднимая закрепленный на стартовой плите войсковой транспорт класса «Нибелунг».

В рубке корабля были установлены два противоперегрузочных пилот-ложемента, компенсирующие воздействие на человека импульсов ускорения в моменты включения реактивной тяги.

Вместо привычных виртуальных дисплеев по периметру переборок был смонтирован кольцевой экран, работающий от забортных источников

энергии. В данную минуту он медленно светлел, улавливая потоки фотонов, излучаемых центральным объектом системы.

Изображение все еще оставалось нечетким, размытым, но оба пилота прекрасно воспринимали окружающий космос, хотя он виделся им несколько иначе, чем предлагало зрение.

Чтобы не отвлекаться, они, не сговариваясь, опустили дымчатые забрала гермошлемов.

– Борт ноль-семь, к старту готов. – Негромко произнес командир экипажа, майор Анри Сай, и в такт его словам в височной части гермошлема ритмично запульсировал микролазер.

Лейтенант Мэт плотно смежил веки.

Перед мысленным взором появилась четкая картина окружающего пространства.

Оба офицера были мнемониками.

– Как самочувствие, Саша?

– Прекрасно. Вижу «ожерелье».

– Связь?

– Устойчивая. Начинаю включение логр-компонентов.

Анри Сай привычным движением охватил пальцами бугристые рукоятки астронавигационных рулей.

Он *ощущал* корабль.

– Реакторный отсек, семьдесят процентов мощности. Давление в кинетической системе растет стабильно.

– Логр-компоненты включены.

В рубке между пилот-ложементами и центральной секцией обзорных экранов в воздухе без видимой опоры парил, медленно вращаясь вокруг оси симметрии, пространственный иероглиф, собранный из нескольких сотен черных кристаллов.

Таковы вызовы времени. – Подумал Сай, глядя на замысловатую конструкцию, отдельным компонентам которой насчитывалось без малого три миллиона лет.

Ему, уроженцу Дабога, было легко и привычно работать в прямом нейросенсорном контакте с механизмами космического корабля. Несмотря на все усовершенствования, в основе конструкции «Нибелунга» четко прослеживалась схема прототипа, а своеобразных «откат» к ручному управлению, только усиливал ощущение сходства, будто он сейчас готовился поднять корабль над родной планетой.

Время снова выбрало нас.

Лейтенант Мэт полностью разделял мнение командира. Он родился на

Гефесте, воспитывался в Храме Логриса. Если Анри Сай с детства учился водить серв-машины, то он с первых лет жизни познавал сияющие информационные потоки сети Интерстар, готовясь стать хранителем фантомных миров Логриса.

Мнемоник от рождения, он получил свои импланты отнюдь не хирургическим путем.

Родиной его предков являлась печально знаменитая планета Зороастра. Когда-то там проводились запрещенные эксперименты в области генной инженерии. Благодаря уникальной наследственности Александр Мэт мог с одинаковой легкостью входить в прямой контакт как с кибернетическими системами, разработанными людьми, так и с древними логрианскими устройствами.

Десятый энергоуровень гиперсферы снял многие запреты.

Люди в который раз столкнулись с неведомым, и, как показала практика, здесь могли эффективно работать лишь те, кто умел ощущать окружающие энергии, воспринимая их на мнемоническом уровне, а техника, лишившаяся привычной автоматики, востребовала опытных пилотов, способных ощущать механизмы, как продолжение своего ментального и физического "я".

Они учились друг у друга, работая в паре.

– Захваты отошли. Начинаем стартовую процедуру.

Мягкий толчок декомпрессионного выхлопа приподнял корабль над стартовой плитой.

– Два процента маршевой тяги. Фотонные ускорители синхронизированы.

– Есть отрыв.

Мысленное восприятие обрело динамику. Открытый вакуум-створ крейсера начал медленно удалятся, ожерелье из девяти планет повернулось «ребром», затем на несколько секунд включились двигатели реактивной тяги, и выпуклый борт «Диона» моментально исчез, – масса крейсера еще ощущалась, но он перестал играть доминирующую роль в восприятии окружающего пространства.

– Десять процентов маршевой тяги.

– Смена вектора через полторы минуты. Ты видишь цель Сай?

– Все путем, Саша. Не волнуйся.

– Данные с логров нужны?

– Нет. Мне достаточно твоей визуализации. – Мэт усмехнулся. – Обыкновенная телеметрия, а чувствуешь себя телепатом.

– Путаешь понятия. Ты ведь не читаешь мои мысли.

– Я говорю об ощущениях. Скоро мы перестанем тратить время на разговоры. Еще пара совместных вылетов и наше с тобой общение будет проходить на уровне обмена мысленными образами. Как ты в таком случае разделишь понятия «телеметрии» и «телепатии»?

Сай не ответил.

Мягкое боковое ускорение коснулось тела. Сначала оно походило на прикосновение кошачьей лапки, потом давление стало сильнее, жестче, но прекрасно сконструированное кресло ложемента гасило перегрузки.

– Мы в оси курса.

– Отлично. Сообщи на «Дион».

– Уже доложил. Они советуют совершать посадку подальше от линии терминатора.

– Зачем?

– Перепад температур. Есть опасность подвижки отдельных конструкций.

– Перестраховщики. – Хмыкнул Мэт. – Поверь мне, все, что могло сдвигаться или рушиться, давно рассыпалось.

Космический корабль уже приблизился к планете.

– Ты видишь вертикали Саша?

Мэт кивнул.

– Странно. Почему я их не наблюдаю?

– Ты концентрируешь внимание на системах корабля. Все нормально. Сядем, я тебе покажу, как они движутся. Забавное зрелище… И немного жутковатое – секундой позже добавил лейтенант.

– Так, *жутковатое* или *забавное*?

– Не знаю. Когда как.

– Зависит от расстояния, да? – Поддел его Сай.

* * *

Земля. Мегаполис Россия. Подземные уровни. Двое суток спустя, после событий на Элио.

Они вновь собрались в информационном отсеке бункера.

– Итак, – Слово взял Полуэктов. На правах хозяина он собрал это совещание в узком формате, – в данный момент в помещении присутствовали только семь человек и андроид. – Сегодня мы должны принять решение. Я сознательно употребляю термин «мы» – потому что сам еще не сказал себе четкого «да».

Вадим Петрович против обыкновения не скрывал того, что взволнован.

– Для начала мне следует уточнить: все собравшиеся здесь в данный момент освобождены мной от каких-либо данных в прошлом обязательств. Прежде, чем мы снова образуем группу, в ее новом составе, я должен посвятить вас в детали происходящего. Ситуация зашла так далеко, что права менять свои решения, ни у кого из нас уже не будет, поэтому слушайте внимательно, соизмеряйте степень опасности со своим мужеством, интересами, любыми критериями, которые помогут дать окончательный ответ.

Его слушали молча, но без напряжения во взглядах. Каждый уже прошел свое личное испытание, и был морально готов к подобному разговору.

– Прежде всего ситуация в целом. – Полуэктов обернулся к карте Обитаемой Галактики. – Я не стану повторяться, рассказывая о ситуации, сложившейся на Земле, и моем личном желании переломить ход событий в пользу справедливого отношения к нам, сегодняшним жителям родины человечества. Я уверен: дети не должны отвечать за поступки своих отцов. Такого же мнения придерживался генерал Покровский, который три десятилетия назад, исследуя архивные документы, сумел отыскать легендарный корабль-невозвращенец. Это «Альфа» первый колониальный транспорт Земли. – Полуэктов указал на экран, где медленно вращалась голографическая проекция сверхкорабля. – Тридцать лет он движется в сторону Солнечной системы, чтобы, вернувшись на историческую родину, стать гарантом независимости Земли. На протяжении этого периода, мы регулярно посылали к «Альфе» гиперсферные транспорты, которые доставили на борт первенца колониальных амбиций человечества тысячи тонн современного оборудования. Кибернетические механизмы произвели переоснастку основных систем «Альфы», сохранив при этом ее уникальное историческое оборудование, которое вполне работоспособно, и на сегодняшний день выступает в качестве надежного дублирующего комплекса управления.

Вадим Петрович сухо откашлялся и продолжил:

– Теперь давайте поговорим, как выражались предки, «на злобу дня». Через трое стандартных суток «Альфа» войдет в границы Линии Хаммера в непосредственной близости от системы Юноны. Совсем недавно я полагал, что появление первого колониального транспорта в окрестностях Солнечной системы и обеспечение его неприкосновенности на пути к Земле, станет главным событием в моей жизни, но, к сожалению, я ошибся.

Полуэктов указал на ломаную линию, соединяющие между собой миры Хаммера.

Световой маркер очертил две планеты – Везувий и Юнону.

– Здесь, в указанном мной районе, через восемь-десять дней может произойти величайшая трагедия, со времен последних битв Галактической войны. Завтра состоится заседание Совета Безопасности, на котором будет принято решение о снятии карантина с Везувия. Сейчас я имею полные разведданные, указывающие на намечающуюся провокацию, которая должна повторить схему гибели Дикой Семьи инсектов, и группы Энтони Коула. Вы сумели выжить, потеряв командира и двух товарищей, но на этот раз на карту будут поставлены не десяток, а вероятно сотни тысяч жизней.

Вадим Петрович сел, и пересказал то, о чем он недавно разговаривал с Рорихом.

Закончив, он выдержал паузу, дав время всем присутствующим обдумать его слова, а затем начал подводить итог:

– Даже владея всей информацией, ни я, ни кто-либо другой, не в состоянии повлиять на решения, принимаемые в высших эшелонах власти Конфедерации, или в Советах Директоров крупных корпораций Окраины. Попытка предотвратить трагедию, привлекая прессу или общественность, обречена на провал, – мы проигрываем во времени и не можем указать точных источников тех или иных данных. Скорее подобная акция нанесет непоправимый вред Земле. Нас вряд ли услышат, а уж тем более – не поймут. Поэтому я, Эрни Рорих, и Ваби слагаем с себя все официальные и неофициальные полномочия, выступая в этом деле как частные лица. По всем галактическим законам мы трое в данный момент являемся совладельцами «Альфы», так как иных участников операции по поиску и возвращению первого колониального транспорта уже, к сожалению, нет в живых.

– Можно вопрос, Вадим Петрович?

– Да, Антон?

– Вы серьезно полагаете, что один корабль, пусть даже обладающий мощью целого флота, способен изменить ход событий? «Альфа» даже не оснащена гипердрайвом, и ей понадобиться не менее года, чтобы войти в границы системы Везувия.

– Да Антон, я понимаю это. – Ответил Полуэктов. – Как я уже сказал, ни обращение к президенту Конфедерации, которая не осведомлена о готовящейся акции спецслужб, ни апелляция к разуму высших руководителей корпораций не даст результата. Единственное, что может спасти людей, которых пошлют в заведомую ловушку, – это превентивный

удар по Везувию, с целью уничтожения тех боевых киберсистем, которые реактивированы в результате грубого, неумелого вторжения на базы РТВ отрядов Зураба Аль Араги.

Здесь, как правильно отметил Беглов, возникает закономерный вопрос, какими силами мы располагаем для этого?

На первый взгляд у нас нет ничего, кроме мощной, но тихоходной «Альфы». Однако, во всей этой запутанной истории мы забыли о главном аспекте вашего чудесного вызволения из системы КХ3496.

– Мерфи, что ты скажешь по этому поводу?

Андроид повернул голову.

– У нас есть шанс, Вадим Петрович, я уже говорил.

– Да, но остальные не слышали нашей беседы.

– База «Гамма», где происходила сортировка модулей «Одиночка», расположена на Юноне. Теперь мы точно знаем ее местоположение благодаря данным, полученным от адмирала Надырова. По моим предположениям секретные уровни «Гаммы» хранят не только огромное количество кристалломодулей с матрицами сознания пилотов, как и я не прошедших испытание тестом «Линии Огня», но и тактический резерв флота, защищавшего линию Хаммера. Он не был востребован, в боях, иначе об этом упоминалось бы в документах, сохранившихся в архивах Земли.

– Почему его не ликвидировали после войны? – Спросил Доброхотов.

– База «Гамма» и все связанные с ней хранилища, испытательные полигоны, и прочие службы являлись сверхсекретным объектом. О самом факте существования подобного комплекса, где проходили вторичную «обкатку» побывавшие в боях модули «Одиночка», знал лишь высших командный состав Альянса и немногочисленные сотрудники «Гаммы», из числа людей.

– И ты?

– Да потому как побывал там.

– Тогда еще один вопрос. – Вступила в разговор Рейчел. – Почему мы должны считать, что модули с «Гаммы» чем-то отличаются от тех, что управляют разбуженными серв-машинами на Везувии?

– Не все, Рейчел. Речь идет лишь о тех матрицах сознания, которые, как и лейтенант Мерфи *не прошли* тест «Линии Огня». Вы должны понять – они наша единственная надежда. Вы достаточно общались с Аланом, чтобы сделать собственные выводы, относительно мотивов его поступков. Там, на Юноне, до сих пор хранятся души молодых ребят, которых захлестнула и погубила начатая *не ими* война. Нам необходимо найти их,

раньше, чем на Везувии произойдет трагедия.

– А если они окажутся неадекватны нашим представлениям? Не такими, как Алан?

– Тогда мы не сможем ничего сделать. Выпускать еще одного джина из бутылки я не стану. – Рассеял общие сомнения Вадим Петрович. – Но, узнав Алана, я верю, – они поймут нас. Это единственный шанс предотвратить роковую бойню. Восемь человек не в состоянии преломить ход событий, но мы можем сформировать силу, равную той, которую готов извергнуть Везувий. – Он отпил глоток воды из стоявшего на столе бокала, и добавил:

– Теперь я сказал все, что хотел. Право выбора, за каждым из вас. К сожалению, я не могу дать вам на размышление даже суток.

– Кто примет командование группой? – Вскинув голову, спросил Беглов.

– Я. – Ответил Вадим Петрович.

– Вы?

– Я сделал для Земли все что мог. Теперь надеюсь совершить невозможное. – Без пафоса, тихо добавил он. – И чтобы между нами в дальнейшем не возникало неясностей – основной лейтмотив моих поступков и решений – человеческие жизни и души. В первую очередь они, а уж затем, все остальное, включая интересы родины человечества. Это смертельный риск, но я считаю, что он оправдан. Стабильность в Галактике не может достигаться путем человеческих жертв.

Первой наступившую после его слов тишину нарушила Рейчел:

– Я пойду с вами, Вадим Петрович. До конца. – Ее голос звучал тихо, но твердо. – Алан спас меня, и я то же верю, что у некоторых «Одиночек» существует душа.

Часть 3. Линия Хаммера

Глава 7.

Линия Хаммера. Низкие орбиты Юноны. Сутки спустя.

– Наш выход. Всем приготовиться.

Автоматика вывела «Нибелунг» в точку орбиты, для десантирования над заданным регионом Юноны.

Внизу сквозь разрывы облачности просматривался пейзаж, напоминающий ландшафты современной Земли, – такое же безудержное буйство зелени, под пологом которой сканеры фиксировали руины.

В десантном отсеке резко сменилось освещение.

Рейчел, глядя, как закрываются сегменты десантной капсулы, подумала: почему такой густой красный свет, напоминающий пролитую кровь, издревле сопровождает процессы высадки, когда нервы и без того напряжены, в инстинктивном ожидании грядущих событий?

Бронированные сегменты сомкнулись, отсекая неприятное сияние. В тесном пространстве индивидуального модуля заработали внутренние системы приборов.

Декомпрессия отсека завершена. Давление в стартовых стволах отсутствует. – Высветил небольшой монитор, и тут же Рейчел ощутила толчок, – это замкнулся затвор электромагнитной катапульты.

Автопилот «Нибелунга» строго следовал процедуре, хотя в данном случае серв-машины не входили в состав десантируемой группы.

Медленно открылась аппарель, и только после этого на крошечных экранах внутри капсул побежали цифры обратного отсчета.

Еще мгновенье и стартовые катапульты начали отстрел.

– Поехали! – Это был голос Беглова.

Полуэктов почувствовал: к нему возвращается молодость. Парадокс, – мышцы, давно отвыкшие от динамических ударов и перегрузок, буквально изнывали под навалившимся гнетом, а в рассудке генерала звенел восторг, пьянящий восторг, будто изматывающие импульсы работы двигателей, резко сменяющиеся чувством невесомости, каким-то образом воздействовали на само время, возвращая ощущения того незабываемого поиска, когда он, на утлом «Гепарде» совершил прыжок в неизвестность, руководствуясь лишь логическими выкладками Покровского, *предполагавшего*, где именно может дрейфовать первый колониальный транспорт Земли…

…"Нибелунг", отстрелив восемь десантных капсул правого борта,

медленно втянул предназначенную для серв-машин аппарель и, включив двигатели ориентации, начал разворачиваться, чтобы уйти в зону высоких орбит.

До прибытия «Альфы» в систему Юноны оставалось менее суток.

* * *

Они снижались.

Восемь хрупких скорлупок, яркие падучие звезды, внутри которых находились семь человек и один андроид.

Каждый по-своему переживал жесткую ритмику орбитального десантирования, понимая, что пути назад уже нет.

На высоте тысячи метров заработали системы окончательного торможения, температура внутри десантных капсул начала резко расти, но это продолжалось считанные мгновенья, далее последовал удар о поверхность.

Ошеломляющий покой.

Оглушительная тишина, в которой слышно лишь потрескивание отлетающей от обугленной брони окалины, затем приглушенно хлопнули пиропатроны замков, и горячие оболочки вдруг начали раскалываться на сегменты, освобождая амортизационные каркасы, внутри которых в окружении немногочисленных приборов, были закреплены кресла с людьми.

…

Беглов отключил электромагниты, и встал.

Над головой тлела листва огромного дерева с раскидистой кроной. Справа и слева возвышались иззубренные стены невероятно древней постройки. Несколько крупных ветвей, сломанных падением капсулы, внезапно вспыхнули, не выдержав жара, источаемого сегментами обугленной скорлупы.

– Внимание всем! – Раздался в коммуникаторе гермошлема голос Полуэктова. – Доложить о состоянии!

– Второй, порядок. – Голос Рориха прозвучал ворчливо. – Капсула проломила какое-то перекрытие. Нахожусь в замкнутом помещении. Пока не сориентировался.

– Оставайся на месте мы тебя найдем.

– Третий, готов. – Ваби был невозмутим. – Пожар.

– Сам выберешься?

– Да.

– Четвертый, порядок. – Рейчел досталось больше других, она не имела опыта орбитального десантирования, но, судя по интонациям, держалась. – Меня отнесло в сторону. Сейчас система подчитывает карты соседних зон. Определюсь – доложу.

– Добро. – Ответил Полуэктов. – Если вдруг не сориентируешься сама, дай знать.

– Пятый у меня все чисто. Кроме очагов возгорания никаких посторонних сигналов на сканерах. – В свою очередь доложил Беглов.

– Шестой, у меня не раскрылась капсула. – Спокойно сообщил Скарм.

– Седьмой, нахожусь на крыше здания. – Дал о себе знать Доброхотов. – Наблюдаю пролом в сорока метрах от позиции. Думаю там второй.

– Проверь. – Коротко распорядился Вадим Петрович.

– Восьмой, – это был Мерфи. – Все в порядке. Абсолютно.

Командир освободился от страховочных ремней и, выбравшись из амортизационного каркаса своей капсулы, развернул компактный тактический комплекс. Через несколько секунд после активации экран моргнул, – это система наладила связь с двумя спутниками.

– Всем на пять секунд включить маркеры экипировки.

На дисплее одна за другой вспыхнули восемь точек. Разброс оказался минимальным, лишь Рейчел действительно оказалась в стороне от группы, в двух километрах от границы зоны высадки.

Допустимая погрешность. Похоже, она уже сориентировалась – сигнал от ее передатчика перемещался в верном направлении

– Отлично. – Подытожил Вадим Петрович. – Мы в заданном квадрате. Всем включить проекционные системы. Передаю карту местности с маршрутом движения. К первой точке каждый выбирается самостоятельно, далее работаем группой. До объекта «Гамма» семьдесят километров по прямой. Мы должны овладеть им раньше, чем «Альфа» войдет в систему Юноны, и Конфедерация поднимет шум по этому поводу. Все, двигаемся, в темпе! – Он свернул портативный тактический комплекс, отыскал взглядом первый ориентир, – огромную стреловидную башню диспетчерского контроля, с развороченным ракетными попаданиями, частично обрушившимся навершием.

…

Эрни Рорих смотрел в пролом.

Сумеречное помещение, куда он попал, носило следы катастрофических разрушений, – по всем признакам сюда в период

активных боевых действий угодила орбитальная бомба. Толстые стеклобетонные стены устояли, покрывшись трещинами и замысловатыми подпалинами копоти, но внутри все было сметено, выжжено, пол покрывала скользкая остекленевшая масса, перекрытие, в котором зияла огромная дыра, выпучило наружу, придав ему форму бугристого купола.

Угораздило же…

Эрни просканировал структуру стен и потолка, но металла, который можно использовать для подъема на электромагнитных присосках не обнаружил, вероятно, он испарился в момент давнего взрыва, оставив после себя лишь слабо мерцающие на экране детектора металлизированные полости.

Двери вообще не просматривались в толще стен. Очевидно, после взрыва вся постройка размягчилась от высокой температуры, – потеряв жесткость, вязкая масса лишившегося арматуры стеклобетона, оплыла, заполнив существовавшие проемы, а затем сюрреалистическое творение орбитальной бомбардировки остыло, покрывшись многочисленными трещинами, как изнутри, так и снаружи.

Да, жарковато тут было. – Подумал Рорих, пытаясь найти наиболее простой выход из создавшейся ситуации.

Наверху мелькнула смутная тень, и тут же ожил коммуникатор.

– Почему не воспользовался ранцевыми двигателями? – Осведомился голос, который не мог принадлежать Доброхотову.

– Мерфи, ты? – Задал встречный вопрос Рорих

– Да. Сейчас спущу трос.

– А Иван?

– Он ошибся, относительно пролома. Сейчас вытаскивает Скарма из капсулы.

Вниз разматываясь, упала бухта троса.

Рориху понадобилось меньше минуты, чтобы подняться наверх.

– Привет Алан. – Он смерил взглядом андроида, который, единственный из группы, пошел на высадку без бронескафандра. Его торс защищал тяжелый бронежилет, на голове был надет боевой шлем, с опущенным пуленепробиваемым забралом.

– Так почему ты не использовал ранцевые двигатели скафандра?

– У меня свой взгляд на вопрос рациональной траты ресурсов. – Ответил Рорих. Он дождался, пока Алан смотает трос, и указал направление. – Нам туда.

Мерфи кивнул.

Отношения Алана с остальными бойцами сформированной

Полуэктовым группы, все еще находились в стадии становления. Андроиду доверяли, это очевидно, а проблема настороженности в общении возникала скорее по вине самого Мерфи. Он воспринимал любую ситуацию несколько иначе, чем окружающие его люди, но по-другому и быть не могло. Внутренний комплекс неполноценности. – Мысленно рассудил Эрни. Однако справляться с ним придется самому Алану. Рорих не рискнул бы в данной ситуации взять на себя роль психолога.

– Ну что, пошли? – Спросил он, чувствуя, что пауза неоправданно затянулась.

– Да, конечно. – Алан вдруг осознал, что бухта троса давно смотана, а он стоит и смотрит вдаль, поверх крон выросших после войны деревьев, пытаясь узнать хоть что-то в изменившемся мире Юноны.

– Ты воевал тут? – Все же не удержался Эрни от вопроса.

– Да. Здесь погиб мой пилот…

Рорих, уже начавший спуск по неровной поверхности вспученного перекрытия, невольно вздрогнул, осмыслив прозвучавшую фразу.

Мой пилот.

Выходит, андроид все-таки не отождествляет себя с лейтенантом Мерфи?

* * *

– Вылезай, котенок. – Доброхотов протянул руку, помогая Скарму выбраться из амортизационного каркаса капсулы. – Нет, сегодня я буду звать тебя птенчиком. – Беззлобно пошутил он, многозначительно указав на горячие сегменты бронированной скорлупы.

– Хватит. – Скарм был не в духе. – Вечно у меня что-то клинит. – Проворчал он, глядя, как дымиться трава в тех местах, куда упали отброшенные запоздалыми микровзрывами фрагменты обшивки.

– Легко отделался. Техника-то старая. Вообще, я ожидал, что высадка пройдет хуже. Кто мог поручиться за автоматику, которой десять веков? А ведь работает.

– Думаешь, Полуэктов не проверял системы перед выброской?

– Проверял. Но все равно мне было не по себе.

– Стой… – Скарм резко присел, одновременно развернувшись. – Движение.

Иван моментально повторил его маневр, теперь они, прижавшись спинами друг к другу, сканировали триста шестьдесят градусов

окружающего пространства, готовые ответить на любой неожиданный вызов, что предложит им мир Юноны…

– На земле. Дистанция шестьсот метров. Ниже по склону, среди руин.

– Не наши?

– Нет. Однозначно.

– С моей стороны чисто. Будем уклоняться?

– Боюсь поздно. Идет встречное излучение. По интенсивности – поисковый радар.

– Кто хоть там?

– Не разберу. Какие-то механизмы. Классификатор молчит.

Иван взглянул на местность, лежавшую в его зоне сканирования.

Если сверху, сквозь прорехи облаков поверхность Юноны действительно напоминала Землю, то после высадки это ложное впечатление рассеялось, будто мираж. Вокруг, среди буйства зелени, проглядывали не просто руины, – здесь каждый метр поверхности был перепахан войной, даже время не сумело толком затянуть шрамы древнего противостояния. Не далее чем в сотне метров от места приземления капсулы Скарма, возвышались остовы двух выгоревших серв-машин, дальше пологим скатом уходила чудовищных размеров воронка, на дне которой из-под мутной, затянутой ряской водной глади небольшого болотца виднелось скошенное крыло и часть рубки орбитального штурмовика класса «Гепард».

– Скарм, сто метров ниже, есть укрытие. Разбитый штурмовик.

– Идет. – Согласился напарник, продолжавший следить за подозрительными механизмами. – Не пойму что за дрянь. Маленький шагающий привод… между ступоходами какой-то выступ. – Вслух комментировал он показания датчиков. – Двигаются медленно. Словно разнюхивают что-то.

– Давай-ка в темпе. Они засекли траекторию падения капсулы и теперь пытаются отыскать точное место посадки. Металл корпуса штурмовика укроет нас от сканеров.

– Может просто…

– Двигаем, я сказал. Шум ни к чему. До точки сбора еще не добрались, а ты уже рвешься разворошить это гнездо.

– Ладно. – Нехотя согласился Скарм.

Короткими перебежками они направились к укрытию. Затаившись среди обломков «Гепарда», Иван расчехлил электронно-оптический прицел снайперского ИМа.

Пять механических созданий уже поднялись на взгорок. Система

опознавания целей по-прежнему молчала, и неудивительно – одного взгляда на странные механизмы хватило, чтобы понять: их описания не содержит ни одна база данных.

– Кибернетическая эволюция… – Произнес Иван, включая прямую трансляцию данных на проекционное забрало Скарма. – Смотри, они когда-то были шагающими лазерами, но потом…

– Кто-то поотрубал им излучатели?

– Точно. Видишь, что они придумали? Приспособили на оружейный сервомотор по ремонтному модулю.

– Все равно не пойму, что они делают?

В этот момент один из механизмов доковылял до посадочной капсулы. Проигнорировав обугленную скорлупу, он сунулся в амортизационный каркас, и, выдвинув манипуляторы ремонтного модуля, сноровисто вскрыл панели немногочисленных приборов.

– Энергоблоки. Он извлекает элементы питания.

Механизм мародерствовал, бесцеремонно обесточивая работающие цепи внутренних систем, обеспечивавших во время посадки контроль над управлением двигателями.

Четверо его собратьев, лениво ковырнув манипуляторами обгоревшие фрагменты обшивки, подошли ближе.

Киберсистемы боевых скафандров внезапно передали чирикающие трели. Механизмы обменивались информацией, общаясь между собой, но понять, что скрывается за машинными кодами древнего программного языка, было невозможно.

– Мерфи бы их понял. Запишу на всякий случай. – Произнес Иван, и в этот миг четверо механизмов внезапно набросились на своего товарища, раньше других забравшегося в сложную конструкцию амортизационного каркаса посадочной капсулы.

Несколько секунд между бывшими десантными ботами колонистов, которые в просторечье называли «ходячими лазерами» шла отчаянная борьба, затем один из них, цепко ухватив пару энергоблоков, кинулся прочь.

Остальные, обменявшись короткими тревожными трелями, устремились за ним.

На взгорке остался растерзанный индивидуальный посадочный модуль, да пара оторванных в борьбе манипуляторов, которые тускло поблескивали в пожухлой траве.

– Такого я еще не видел. – Признался Скарм, выбираясь из мелкого болотца. – Надо будет показать ребятам.

– Хорошо, что не открыли стрельбу. – Ответил Иван. – Пошли, мы с тобой уже выбились из графика.

* * *

Рейчел, в отличие от других бойцов группы, двигалась к точке сбора в одиночестве. Ее капсулу отнесло на два километра южнее зоны посадки и теперь ей приходилось наверстывать невольное отставание.

Чувство скованности понемногу отпускало рассудок, ошеломляющие ощущения орбитального десантирования уже отошли в прошлое, и Рейчел продвигаясь по маршруту, понемногу отдалась во власть новых для себя впечатлений.

Окружающая природа, казалась какой-то сказочной, нереальной, и в то же время порождала в душе ощущение ностальгии, словно она когда-то уже видела и вековые деревья с раскидистыми шатрами крон, и настырно карабкающиеся к свету лианоподобные растения, с широкими листьями…

Природа Окраины совсем не такая, – подумалось ей. На планетах, большую часть которых занимали индустриальные и коммерческие зоны, для растений оставалось очень мало места, да и выглядели они совершенно иначе. Странно было идти, ощущая под подошвами скафандра мягкую подстилку мха, сплошным ковром покрывавшего взгорки и впадины.

Восприятие окружающего мира еще более обостряли импланты. Помимо ласкающего взгляд буйства зелени она видела меж стволов деревьев остовы различной планетарной техники, которую зачастую так густо оплетали лианы, что заметить их простым невооруженным взглядом было попросту невозможно.

Вокруг нее простиралось пространство, поражающее своей двойственностью.

Внутренний взор мнемоника накладывался на реальное видение, создавая единую картину окружающего мира, полную, но непонятную, вернее еще не познанную.

И еще она слышала голоса.

Помимо щебета птиц, которые передавали микрофоны скафандра, импланты принимали эфирные волны, несущие на своих частотах неразборчивые трели древнего машинного языка.

Все это, вместе взятое, формировало удивительный, противоречивый образ сюрреалистического пространства, где соседствовали две формы жизни, – биологическая и кибернетическая.

Странно, но Рейчел не испытывала страха. Юнона казалась ей заповедником, удивительным, неповторимым, где под одним небом в непонятной гармонии сосуществуют творения эволюции и создания человеческого прогресса, одичавшие, в чем-то изменившиеся, но, несомненно, функциональные…

Неужели все утверждения о механизмах, якобы впавших в энергетическую и программную кому, – это миф?

* * *

В точку сбора бойцы мобильной группы вышли практически одновременно с интервалом в несколько минут.

Район диспетчерской башни уже не так изобиловал зеленью, – вокруг простирались стеклобетонные площадки военного космопорта; растениям было не по силам пробить многометровый панцирь рукотворного ландшафта, и группы деревьев возвышались лишь там, где темнели воронки.

Полуэктов расположился под сенью своеобразной маскировочной сети. Две небольших рощи располагались достаточно близко друг от друга, их соединяло плотное сплетение лианоподобных растений, чьи побеги, настырно цепляясь за любой выступ, карабкались к свету, постепенно подбираясь к руинам окружающих диспетчерскую башню зданий.

Рейчел, прибывшая последней, подошла к группе, собравшейся подле тактической системы, отображающей уточненную со спутников карту местности.

– Как самочувствие? Устала? – Поприветствовал ее появление коммуникатор голосом командира.

– Все в прядке, Вадим Петрович.

– Тогда присоединяйся.

Рейчел взглянула на голографический монитор, где были обозначены два маршрута, один проходил по подземным коммуникациям, второй по поверхности. Оба вели к одной и той же точке.

– Неизвестно как охраняется центр «Гамма» и входящие в его структуру испытательные полигоны. – Продолжил прерванную мысль Полуэктов. – Как видите, орбитальная разведка указывает два пути проникновения. Оба имеют свои преимущества и недостатки. Двигаясь под землей, мы определенно попадем непосредственно в систему бункеров, но сканеры спутников не могут распознать наличие либо отсутствие активных

киберсистем, скрывающихся в тоннелях, связующих космопорт с базой. К тому же транспортная инфраструктура наверняка пострадала от орбитальных бомбардировок, и нас может остановить элементарный завал. Тут множество неясных моментов, схема оставляет желать лучшего, а тратить время на предварительную разведку, для нас непозволительная роскошь.

– Отпадает. – Высказал свое мнение Рорих.

– На поверхности обстановка едва ли проще. – Продолжил информировать бойцов Вадим Петрович. – Спутники фиксируют множественные термальные всплески в интересующем нас квадрате.

– Это не постоянные источники?

– Вот именно, что непостоянные. – Кивнул Полуэктов. – Сам объект глубоко эшелонирован и тщательно замаскирован. Здесь уже не дикая природа – он указал лазерным маркером на точку схождения двух маршрутов. – Специальные лесопосадки, мутагенные формы хвойных деревьев, с высоким процентом содержания железа в древесине. Естественная, не требующая энергопитания маскировочная сеть. Все интересующие нас объекты расположены глубоко под землей. Архивных данных по базе «Гамма» не сохранилось.

– Так что с тепловыми сигналами, командир? Они классифицируются? – Уточнил Беглов.

– Это планетарные машины. Какого класса, ответить не могу. Периодичность их появления в доступных для сканирования зонах наводит на мысль о патрулировании.

– А снять картинку со спутника? – Спросил Доброхотов

– Пробовал. Не выходит. Нет даже размытого контура.

– Фототропная броня? – Высказал предположение Беглов. – В таком случае это серв-машины. Но не удивительно ли – спустя тысячу лет?

– Удивительно, но объяснимо. – Ответил ему Рорих. – Здесь опять можно рассматривать два варианта, – либо до сих пор функционирует глобальная сеть всего комплекса, я имею в виду не только информационные каналы, но и кибермеханизмы, осуществляющие ремонт, охрану, и прочие действия, ведущие к самодостаточности объекта.

– Либо? – Поинтересовался Скарм.

– Либо нас опередили.

– В смысле?

– Кто-то уже побывал на объекте, намеренно, либо нечаянно спровоцировав реактивацию систем охраны. В таком случае патрулирование возобновилось недавно, и осуществляется, если можно так

выразиться, не «полнокровными» группами, а отдельными механизмами, которые оказались способны к возобновлению своих функций после длительного забвения.

– Есть еще мнения? – Осведомился Полуэктов.

Ваби, до этого молча рассматривавший изображение лесопосадок, под которыми смутно просматривались полуразрушенные наземные постройки бывшей секретной военной базы, протянул руку, бесцеремонно проткнув пальцем воздух в том месте, где виднелась голограмма руин.

– Здания разрушены. – В своей лаконичной манере произнес он.

– Ну и что? – Рорих обернулся. – Выражайся яснее.

Ваби насупился. Ему казалось, что он высказался предельно ясно.

– Ты говорил про ремонтные механизмы. – Наконец, сформулировал он ту мысль, что не смог уловить в его лаконичном утверждении Рорих. – Они бы восстановили здания. Снова посадили бы лес. – Палец внутри голографической сферы переместился к участкам, где отсутствовало природное маскировочное покрытие.

– То есть, идея о самодостаточном функционировании, по-твоему, отпадает?

Карлик кивнул.

– Резонно. – Согласился с ним Полуэктов. – По косвенным данным объект имел высокую степень секретности, и, следовательно – защиты. Если бы на «Гамме» сохранилась самодостаточная сеть, машины понемногу залатали бы бреши в маскировке, а главное – восстановили бы связь с космопортом.

– Значит, выдвигаться следует по поверхности. – Подытожил Беглов. – Только мне непонятно, командир, – обратился он к Полуэктову. – При постановке задачи речь шла о вполне дееспособных серв-соединениях. Если кто-то уже разворошил «Гамму» до уровня активации патрульных групп, почему мы без особых проблем высадились на поверхность Юноны?

– Хороший вопрос. И ответ на него вселяет определенный оптимизм. Действительно, присутствие даже одного полноценного серв-соединения, обеспечило бы стопроцентное прикрытие двухсоткилометровой зоны вокруг охраняемого объекта, включая и низкие орбиты, на которые выходил «Нибелунг», и где сейчас находятся два наших спутника связи. Вывод очевиден: кто-то пытался проникнуть на территорию «Гаммы», но не сумел добраться до складов РТВ и зон повышенной секретности, где расположены лаборатории сортировки кристалломодулей.

– Вопрос: кто? – Осведомился молчавший до сих пор Мерфи. – Я

пытаюсь проанализировать информацию, соизмерить вероятную степень имевшей место угрозы, с уже наступившими последствиями. – Он старался говорить сжато, по существу. – Если на территорию базы проникает группа, подобная нашей, это автоматически приведет к глобальному противодействию со стороны систем защиты, вплоть до расконсервации складов РТВ. В нашем случае предполагается вторжение с минимальной, если выражаться нормальным языком – смехотворной угрозой. Теперь вопрос: назовите мне ее источник.

– Пожалуй, я смогу это сделать – произнес Иван. – Посмотрите, что мы записали со Скармом.

* * *

После демонстрации короткого видеофрагмента, ситуация вроде бы стала проясняться.

– Алан, что ты думаешь по этому поводу?

Мерфи явно находился под впечатлением увиденного, по крайней мере, он ответил не сразу.

– Думаю, это многое объясняет. – Наконец произнес он. – Если только мы столкнулись не с единичным явлением.

– Нет. – Убежденно произнесла Рейчел. – Я ощущала постоянное присутствие активных кибернетических систем, на всем протяжении маршрута.

– И на тебя никто не напал?

Она улыбнулась краешком губ, хотя за дымчатым забралом гермошлема никто не мог различить ее мимики.

– Мои импланты оснащены сканерами с максимальным радиусом действия до ста километров. К тому же я постоянно поддерживала связь со спутником, чтобы не заблудиться, а это расширяло зону мнемонического восприятия до того радиуса, который охватывали следящие системы космического аппарата. – Она понимала, что сейчас на некоторых лицах отражается недоверие, и потому добавила:

– Мне трудно выражать в словах свои ощущения, но могу заверить: Юнона полна скрытой от наших глаз жизни. Здесь обитают не только животные, но и кибернетические устройства. Теперь понятно, что среди них работает фактор естественного отбора, они наделены потенциалом приспособляемости к изменчивым условиям окружающей среды.

– Хорошо. – Полуэктов погасил стек-голограф, сворачивая

тактический комплекс. – Будем передвигаться по поверхности. Если мы сделали правильные выводы из имеющейся информации, то на пути к объекту нас ждет минимальное сопротивление. – Он говорил, ощущая, как секунда за секундой утекает драгоценное время. Ему было трудно. Трудно сохранять спокойствие, принимать взвешенные решения, вникать в нюансы уникальной среды Юноны, когда он знал, сколько человеческих судеб может быть сломано, уничтожено в течение ближайших дней.

Никто из окружавших его бойцов, включая старину Рориха и преданного Ваби, не мог разделить с ним этого бремени. По крайней мере, до поры.

– Командир – Мерфи почему-то сделал шаг вперед, будто выходил из строя. – Есть одно предложение.

– Да? – Вадим Петрович уже свернул тактический комплекс и убирал его под защиту бронепластин скафандра.

– От космопорта к объекту ведет дорога. Мы могли бы воспользоваться транспортом, чтобы сэкономить время и ресурсы боевых скафандров.

– Ты знаешь, где его взять?

– Предполагаю. В моей базовой памяти хранятся стандартные схемы военных космических портов. В трехстах метрах отсюда под руинами наземных зданий располагается ангар боевой техники. Я предварительно просканировал перекрытие. Оно не разрушено орбитальными бомбардировками.

Полуэктов мгновенно оценил все преимущества, которые они получат, имея в своем распоряжении любое, пусть даже гражданское средство передвижения.

– Скарм, Беглов… и ты Мерфи. Проверьте. Пять минут. Не больше.

* * *

Подземный ангар боевой техники представлял собой обширное многоярусное помещение, которое в данный момент тонуло в густом непроглядном мраке.

Минус первый этаж по данным сканирующих систем был пуст. Только колоннады массивных столбов, подпирающих перекрытие и одновременно разделяющих площадь на отдельные парковочные места, заполняли пространство, создавая ощущение, что трое бойцов попали в фантастический лес: под ногами поскрипывало крошево пластиковой

облицовки, на проекционных забралах то и дело возникали иззубренные глазницы выбитых осветительных приборов, от потолка толстыми жгутами свисали лианы кабелей энергопитания, кое-где топорщились решетчатые фермы обслуживания…

– Минус третий уровень. Сканеры фиксируют керамлитовый сплав. – Произнес Мерфи, ступив на пологий пандус.

– Сколько же техники тут размещалось? – Не удержался от вопроса Скарм.

– Много, котенок, очень много. Думаю порядка тысячи единиц, включая серв-машины.

– И куда она подевалась? Юнону ведь не смогли взять штурмом.

– Вот потому и не смогли. А машины там, в лесу. Обращал внимание на сканеры пока шел сюда? Кругом металл. Сверху мох, а под ним – сплошной керамлит.

Скарм попытался вообразить, что тут творилось во время безуспешного штурма планеты, но не смог, только качнул головой, будто отгонял страшный морок.

Спуск по пологим пандусам отнял всего пару минут.

– Может включить свет? Что крадемся в темноте как воры? – Не выдержал Беглов.

– Включай. Тут все одно – никого нет. – Отозвался Мерфи, уверенно избирая нужное направление.

Антон и Скарм включили плечевые прожектора бронескафандров.

Мрак тут же раздался в стороны, забившись по углам, прячась за столбами…

– Ребята, похоже, нам везет. – Голос Мерфи, казалось, дрогнул.

Скарм посмотрел в том направлении, где тепловидение очерчивало фигуру андроида, и, переключившись на личный канал связи, спросил у Беглова:

– Антон, чего это с ним?

Мерфи действительно вел себя странно.

В дальней части помещения стоял целый ряд боевых машин космодесанта. Очевидно тактический резерв, оставленный на случай прорыва противника непосредственно на территорию порта.

Алан медленно подошел к крайней БМК, и застыл, будто изваяние. Ладонь Мерфи легла на лобовой скат брони, где в гофрированных гнездах крепились два носовых орудия машины.

Ему на миг показалось, что искусственная плоть ощущает тупой ноющий холод металла, и чувства рванулись в этот миг, будто тени,

вырвавшиеся из бездны…

Я вернулся.

Не андроид, не кристалломодуль, извлеченный из сгоревшей серв-машины, но и не человек.

Он был кем-то другим, только еще до конца не разобрался – кем.

Ладонь, прижавшаяся к броне, будила страшные, непонятные для киберсистемы и губительные для человека воспоминания, но он принимал их, с непонятным страшным упоением, страшась, что *предчувствие* близкого боя – есть его истинная страсть.

Нет.

Он мечтал совершенно о другом. Просто сейчас он мерил свою душу и понимал, что она уже не умещается ни в одно из прошлых мировоззрений.

Странно, страшно было ощущать себя стоящим между холодной, застывшей в тысячелетнем ожидании машины и двумя людьми, чье дыхание он слышал на несущей частоте коммуникатора.

Теплое дыхание жизни и зовущий холод металла.

Как соединить вас в единое целое, и не потерять при этом обретенное самосознание?

В эти мгновенья Мерфи понял, чего он по-настоящему боялся.

Боя. Своей способности убивать. Опыта личной смерти. Памяти той схватки, что оставила в душе незаживающий шрам чудовищного напряжения и такого же упоения, когда рассудок утонул адреналине, сливаясь с машиной в смертельном танце борьбы…

Он стоял, не в силах отнять ладонь от холодной брони.

Где-то тут, возможно в этом самом сумеречном помещении проходил его Рубикон, незримая черта, перешагнув которую он перестанет жить в затянувшемся ожидании сомнений.

Я должен сделать выбор. Должен понять кто мне ближе. Мысли вспыхивали и гасли, освещая пустоту осиротевшей души.

Души Одиночки.

Живого вопреки всему лейтенанта Алана Мерфи, погибшего здесь, на Юноне десять веков назад.

Что осталось во мне от человека? – Думал в эти мгновенья андроид. – Он чувствовал, как неодолимо тянет его машина, – он ведь знал ее до каждого винтика, и грезилось: *я вновь обету себя, стоит открыть люк, сесть в кресло и войти в контакт с боевым процессором БМК.*

Он представил, как рванет эта *мощь*, с пробуксовкой литых колес поднимаясь по серпантину пандусов навстречу лазурному небу…

Навстречу новому бою и новой смерти?

Неужели он воскрес ради того, чтобы снова погибнуть?

Алан вдруг пошатнулся, не заботясь о том, что люди заметят, как его *трясет*.

За что я бился на Юноне десять веков назад? За идею? За мифическое жизненное пространство, которое к тому моменту уже никому не было нужно на опустевшей, *обезлюдевшей* Земле?

Наверное, я дрался за собственную жизнь.

Не вышло. Тогда не вышло. Но что предлагает судьба сейчас?

Ему казалось, что тени прошлого стремительно проносятся мимо, словно тут, в сумеречном зале подземного ангара, происходил бал призраков, и невыразимо прекрасная, отталкивающая смерть снова шла к нему, протягивая руки.

Если он примет ее ледяные пальцы в свои, откроет разум для контакта с боевыми процессорами машины, сможет ли он удержать себя на грани, пройдет ли в реальной обстановке тест Линии Огня?

А она все ближе.

За что погиб Алан Мерфи?

За друга?

За Землю?

За ту, существующую лишь в рамках виртуального полигона, девочку?

Он не знал, не мог понять, но выбор, лежавший перед ним, требовал четкого недвусмысленного ответа на вопрос: кем он стал? Если в нем победит «Одиночка» то лейтенант Мерфи уже никогда не выйдет из боя, он не сможет остановиться у последней черты, еще раз погибнуть, чтобы маленькое невинное существо не попало под его точно рассчитанный залп.

Но ведь я погиб не так, и уже провалил, а вернее – *прошел* этот тест.

Секунды.

Воля машины – разбивать их на мельчайшие отрезки времени, превращая в вечность, чтобы навек оцифрованная душа человека могла найти ответ на непосильный для киберсистем вопрос дальнейшего бытия.

Он мог сохранять спокойствие, или выдать свое смятение непроизвольным сокращением микроприводов искусственной плоти, – это неважно, главное, что творилось сейчас внутри, фантомно ли было ощущение холодной, зовущей брони под прижавшейся к ней ладонью, было ли на свете хоть одно живое существо, за кого сознательно пожертвует собой «Одиночка»?

Порознь – нет.

Была машина, и был человек.

Судьба заставила их слиться вместе, стать кем-то иным…

И вдруг, как вспышка пришло недавнее воспоминание.

Медленно падающий из разжавшихся пальцев механический ключ.

Покосившая прожженная кумулятивной ракетой поворотная платформа «Фалангера», и голос, зовущий из ниоткуда:

Помоги.

Смерть подошла и заглянула в его глаза, пытаясь сквозь точечные зрачки видеокамер заглянуть в душу «Одиночки», вновь полноправно овладеть ей.

Алан снова вздрогнул.

Машинам все равно. На то и существует программная оболочка, чтобы они шли до конца, исполняя свое предначертание.

За много лет до рождения Мерфи, группа людей решила изменить мир, рассудив, что количество жизней, отданных во имя принадлежавшей только им идеи не существенно.

Теперь история повторялась, пусть она разнилась в частностях, но в общем…

Рейчел.

Чем она отличалась от него?

Меньшим количеством кибернетических элементов, соединенных с рассудком, а, следовательно, – с душой?

Во имя чего она подвергала себя осознанному смертельному риску? Почему не страшилась стать на этот путь, чтобы медленно, день ото дня, бой от боя, черстветь, превращаясь в идеальную машину для убийства?

Нет ответа.

Может быть, она просто не знает, как это происходит в действительности?

Нет аналогий. Он первый, кто должен сделать выбор.

Две половинки единого целого, сторонившиеся друг друга, медленно робко сближались.

Я буду сражаться.

Не потому, что не умею делать чего-то иного, – Мерфи в этот миг вдруг припомнилась просмотренная видеозапись, где маленькие, грозные и неустрашимые в прошлом механизмы, сменив бесполезное, лишь пожирающее энергию оружие на более функциональные модули, дрались за обладание энергоблоком посадочной капсулы.

Это тоже жизнь, – подумалось ему

В ней есть свои радости и горести, свои стремления, своя красота, недоступная человеку и машине в отдельности.

Только вместе возможно пройти этот путь. Сказать «нет» тем людям, что сидя в тиши кабинетов, решают, кому жить, а кому умирать, кто намеренно будит исчадия прошлой войны, чтобы заново перекроить существующий мир.

Алан понял, что должен сделать. Теперь замысел Вадима Петровича стал полностью ясен.

Командир их маленькой группы заглядывал далеко вперед, он предвидел развитие событий, знал, что спустя несколько дней всколыхнется вся Обитаемая Галактика, когда в соседней звездной системе начнут гибнуть люди под безжалостными ударами разбуженных от ледяного сна серв-машин.

Что смогут противопоставить им соединения частных воинских формирований?

Ничего. Их судьба – погибнуть, чтобы развязать руки кому-то из власть предержащих.

Алан мог уйти, он это знал. Уйти даже сейчас, но кто остановит серв-батальоны злополучного резерва, чьи машины оснащены серийными «Одиночками», доказавшими свою непобедимость на полях сражений прошлой войны? Для них не играет никакой роли срок давности, у них отсутствуют понятия добра и зла, есть только текущая задача, с которой они без сомнения справятся.

Свет в конце тоннеля.

Он разгорался все ярче, с каждой наносекундой.

Есть *другие* «Одиночки», для которых не все так просто и очевидно.

Те, кто не выстрелил в девочку, а значит, сохранил на своих носителях человеческую сущность пилотов.

Они не уже не будут страдать и мучиться как он, – Алан откроет им *свою душу*, чтобы после задать простой вопрос, и получить на него столь же простой, однозначный ответ: мы новая форма жизни, или набор микрочипов, удачно адаптированный к нейросетям?

Пусть те, кто уже однажды прошел тест на *человечность,* либо подтвердят его правоту, либо признают, что в их матрицах нет самосознания, а значит понятия добра и зла, чести и бесчестия, любви и ненависти для них лишь символы утраченного языка.

Почему-то в этот миг Алану вспомнились слова того незримого оператора, что сортировал кристалломодули:

У нас осталось слишком мало людей, чтобы разбрасываться матрицами сознания пилотов.

Тогда война катилась к страшному финалу, и не подразумевал ли

незнакомый Алану офицер, что среди бесчисленного количества произведенных киберсистем, которые по определению должны были уничтожить все живое, и бессмысленно воцариться на мертвых планетах, останется хотя бы малая доля тех, кто сохранит на своих носителях человеческие души?

Он давал им право на жизнь, на осознанный выбор, а в тех страшных условиях это было равнозначно надежде на возрождение.

Алан не мог знать этого наверняка, – сейчас, по истечении всего нескольких десятков секунд, он с усилием отнял ладонь от холодной брони лобового ската БМК, *чувствуя*, как соединились две разнородные половинки его души.

Он снова принимал приглашение, но на этот раз он пойдет в смертельную схватку ради жизни. Новой жизни, какой еще не знали просторы Вселенной…

Это был его личный выбор.

…

– Что-то не так, лейтенант? – Дошел до его сознания голос Скарма.

– Все в порядке, котенок. – Мерфи обернулся. – Это прекрасные машины. Думаю, мы возьмем две из них.

– Связаться с командиром?

– Да. Передай ему, что мне необходим час на полную реактивацию энергосистем и тестовую проверку программных модулей. Мы наверстаем это время.

– Тебе нужна помощь?

– Было бы неплохо. Кто-нибудь из вас знаком с устройством БМК?

Беглов кивнул.

– Я водил такие машины. Правда, более поздней серии.

– Это не имеет значения. Как ты относишься к нейросенсорному контакту, Антон?

– Нормально.

– Тогда давай приступим к осмотру.

– Добро. – Беглов обернулся. – Скарм, доложи командиру. Мы с Мерфи займемся техникой.

Глава 8.

Юнона. Восемнадцать часов до прибытия «Альфы».

Спустя сорок минут две боевые машины космодесанта появились на пологом пандусе, ведущем из глубин подземного ангара к солнечному свету.

Рейчел первая заметила их, потому что ждала.

Ее чувство, внезапно вспыхнувшее на далекой планете Элио, не угасло, напротив, оно разгоралось с каждым днем, часом, но Антон…

Да, он был внимателен к ней, но больше ни разу не произнес этого слова: *милая*.

Неужели тогда в момент смертельного риска, это была лишь дежурная фраза, точно рассчитанные слова, призванные на краткий миг сблизить их души?

Нет. Рейчел не хотела, отказывалась думать об этом…

…Боевая машина космодесанта – пятнадцать метров сплошного керамлита, восемь независимых ведущих осей, громадные похожие на фрезы, литые колеса, вращающиеся с едва слышным шелестом, приводя в движение двадцать тонн брони и механизмов, – со стороны БМК выглядели угрожающе, но взгляд Рейчел и тут сумел отыскать пусть зловещую, но эстетику форм.

Она машинально вошла в состояние мнемонической связи.

Образ первой машины отдавал в рассудок холодом металла, зато вторая несла в себе искру жизни.

Это был Вадим.

Очевидно, он почувствовала ее робкое прикосновение к своему разуму, потому что БМК внезапно изменила курс, направляясь прямо на Рейчел.

Она, не отрываясь, смотрела на приближающее механическое чудовище, которое тысячу лет спало в объятиях энергетической комы, и вот вдруг ожило, по воле горстки людей, рискнувших бросить вызов той силе, что в свое время оказался не в состоянии сокрушить ударный флот Свободных Колоний.

Два носовых орудия, неподвижно застывшие в гофрированных гнездах, ряды закрытых диафрагмами пусковых ракетных стволов, тонкие разрезы резервных оптических триплексов, – лицо машины, маска, за которой не видно пилота.

БМК резко затормозила, разворачиваясь юзом, и одновременно в наклонном скате бортовой брони открылся люк.

– Залезай, милая. Будешь вторым пилотом? У этой крошки сканеры послабее твоих.

Она вздрогнула.

Что это? Опять дежурная фраза, приглашение работать в паре, или…

– Иду, Антон.

И тут же, вторя ее словам, раздалась команда Полуэктова:

– По машинам!

* * *

Первые двадцать километров прошли без происшествий.

Широкая лента скоростной магистрали хрустела пол колесами БМК раздавленными побегами молодых лиан, пытавшись перебраться по другую сторону застывшей стеклобетонной реки.

Воронок и серьезных препятствий не попадалось, лишь на дисплеях сканеров в зеленый фон окружности постепенно начали вдавливаться две темные бесформенные области, – так обозначила себя граница маскирующих лесопосадок.

– Беглов перестраиваемся. – Приказал Вадим Петрович. – Твоя машина идет впереди. Рейчел, – обратился он к мнемонику, – ты в состоянии различать цели среди естественной маскировки?

– Пока не могу сказать точно. Лес, как металлическая стена. – Облекла она в форму слов свои ощущения. – Но я постараюсь. – Пообещала Рейчел.

– Сосредоточься на этом.

…

Тридцать километров от космопорта. Боевые машины космодесанта набирали скорость.

– Внимание, впереди просвет. Спутник передает, что он чист.

Маскирующие лесопосадки начались постепенно. Сначала по бокам дороги появились небольшие рощицы вечнозеленых хвойных деревьев, потом они стали сливаться друг с другом, пока не образовали сплошной лесной массив, вплотную подступающий к дорожному полотну.

Просвет, о котором предупредил Полуэктов, появился в форме широкой просеки, по которой среди хаотично поваленных деревьев, проходила частая, ясно различимая цепь воронок, протянувшаяся на

многие километры. Поваленные, сломанные или вывороченные с корнем деревья давно почернели, из-под них к свету пробивалась молодая поросль, но ее в буквальном смысле душили вездесущие, жадные до солнечных лучей побеги лианоподобных растений.

– Бомбили наугад. – Произнес Рорих, взглянув по обе стороны дороги.

– Всем внимание! – Голос Рейчел ворвался на несущую частоту связи. У нас гости. Две патрульные группы машин, первая прямо по курсу, дистанция пятнадцать километров, вторая на просеке справа, почти у дороги!

– Спутник не фиксирует сигналов!

– Они не излучают тепла! – Резко ответила Рейчел. – Это серв-машины! Я четко вижу их контур!

– Мерфи, выравнивайся! Беглов, чуть медленнее. Права полусфера, боевая готовность. Разобрать цели и доложить!

– Не вижу! – отозвался Ваби

– Нет сигнала на сенсорах! – Повторил вслед за ним Рорих.

– Рейчел?!

– Отбой. Они не функциональны.

– Понял. – Тон Полуэктова оставался спокоен. Машинам выровняться. Дистанция до второй цели?

– Семь триста! – Ответила Рейчел. Сигналы множественные, один источник крупный, с плохо изолированным ядерным ректором, остальные соответствуют андроидам или боевым ботам.

– Боевые подсистемы в полуавтоматический режим!

Носовые орудия двух БМК с ноющим звуком сервомоторов точной наводки задвигались в гнездах. С сухими щелчками открылись диафрагмы пусковых установок, обнажая обтекаемые головные части ракет.

– Дистанция пять километров. Сигналы множатся. Два термальных всплеска по левому борту, отклонение вектора тридцать градусов в плоскости.

– Первая машина, залп левой полусферой по указанному пеленгу! Мерфи, поднимай башню плазмотрона. Боевые системы прямого курса – беглый огонь!

Рейчел на миг показалось, что ее разум сейчас померкнет.

Беглов, продолжая вести БМК борт к борту с машиной Мерфи, одним касанием сенсора разрядил левую полусферу – пятнадцать ракетных стволов, расположенных под углом к горизонту, исторгли огненные факелы стартующих реактивных снарядов, оснащенных собственными системами распознавания целей.

Одновременно сухими тактовыми очередями заработали введенные в автоматический режим носовые орудия обеих БМК, затем, с интервалом в пару секунд, полыхнул новый ракетный залп, но теперь уже из пусковых установок лобовых скатов двух машин.

В отсеках было отчетливо слышно, как взвыли боевые эскалаторы, подавая боекомплект к дымящимся после залпа пусковым тубусам.

Над приземистым обтекаемым корпусом десантной машины, которой управлял Мерфи начал подниматься пологий купол генератора короткоживущей плазмы.

– Статус готовности?

– Идет накачка ядра. – Спокойно ответил Алан. – До первого боевого сброса десять секунд!

Слева, в глубине лесного массива засверкали ослепительные вспышки.

– Засветка по левому борту. Интенсивность излучения растет. Есть одно попадание!

Как Рейчел могла средь пламени разрывов и взъярившегося пожара различить интенсивно нарастающее излучение от поврежденного реактора серв-машины, оставалось только гадать. Стандартные сенсорные системы показывали лишь слабое световое пятно, стушеванное маскирующими свойствами лесного массива.

Одно понимал в эти минуты Полуэктов, без нее, пешком ли, на машинах, или по воздуху, они бы попросту не прорвались; лес, специально выращенный для прикрытия сверхсекретного объекта, стал неодолимым препятствием для сканеров, и группа неизбежно попалась бы в ловушку, из которой существовал только один выход, о котором не хотелось даже думать.

Хорошо, что на Везувии не растут деревья…

Двадцать километров до цели. Под колесами БМК хрустят уже не побеги лиан, а сминаются бесформенные обломки кибермеханизмов, порванных тугими очередями носовых орудий. Обе машины синхронно подбрасывает на ухабах, вокруг зияют свежие воронки, меж разлапистыми ветвями хвойных деревьев сизыми полосами путается дым, справа от дороги пробитый в трех или четырех местах полыхает остов «Хоплита».

С покатой башни плазмотрона один за другим срываются пять сгустков, похожих на шаровые молнии. Они медленно плывут в направлении разгорающегося по левую сторону пожарища.

Десять километров.

БМК уже проскочили зону огневого контакта, лес редеет, впереди и по

бокам все чаще начинают появляться руины зданий, дорогу, до этого ровную и прямую покрывают оспины старых, оплывших воронок.

Наконец начинают работать сканеры.

– Рейчел?

– Я тут командир. В норме. – Ее голос противоречит словам, он звучит устало, опустошенно, и в этот миг Беглов, не опуская сенсорных рулей управления БМК, вдруг наклоняется, через разделяющий сидения промежуток и, коснувшись губами щеки Рейчел, тихо шепчет ей:

– Ты молодец, милая.

Через открытое забрало гермошлема видно как бледные щеки Рейчел заливает румянец.

Пять километров.

Три.

Километр.

Машины уже сошли с дороги и петляют меж руин. Впереди – обширная площадь, лишь кое-где отмеченная обломками бетонных конструкций, отброшенных сюда неистовой силой взрывных волн, во время отгремевшей тысячу лет назад орбитальной бомбардировки.

Что располагалось на этом месте?

И вдруг Рорих, внимательно следящий за изображением на суммирующем экране, отчетливо произносит:

– Это посадочная площадка, командир. Вижу полустертую маркировку. Сюда приземлялись корабли, доставлявшие на объект сверхсекретные грузы. Вход где-то рядом. Ручаюсь.

– Нужно высаживаться. На БМК мы будем кружить до вечера.

– Согласен. Но только не всей группой. Предлагаю себя, Доброхотова, Ваби и Скарма. Ты координируешь, Рейчел следит за обстановкой, Беглов и Мерфи кружат по площади, в готовности прикрыть нас огнем.

– Добро.

– Все я пошел!

* * *

На площади кажущаяся пустота.

Две боевые машины космодесанта двигаясь навстречу друг другу, одновременно сбавили скорость, открывая десантные рампы, откуда без промедления выскочили четыре фигуры в бронескафандрах.

Рорих тут же откатился в сторону, резко поднялся на колено, сканируя

окружающие руины, и медленно процедил в коммуникатор:

– Вижу отряд дройдов. Дистанция семьсот метров. Движутся со стороны леса, при поддержке двух ботов огневого прикрытия. Похоже, муравейник зашевелился. Прикрывайте нас!

Две БМК не увеличивая скорости, продолжали выписывать круги по обширной площади.

Боевые процессоры машин, не стесненные в данном пространстве подавляющим сенсоры влиянием металлизированного леса, приняли управление огнем.

Башня плазмотрона втянулась внутрь оружейного отсека, утробно заворчал суппорт, подавая ей на смену автоматическую турель. Ту же операцию повторила автоматика БМК, которой продолжал управлять Беглов.

Он мог доверить компьютеру ведение огня, но оставаться сторонним наблюдателем, когда твои товарищи рассеялись по руинам, среди которых по данным сенсоров уже скопилось боле полусотни дройдов, было выше его сил. Он должен делать хоть что-нибудь, и руки Антона так и не отпустили сенсорных джойстиков ручного управления боевой машиной.

Рейчел, чувствовала, как безумие подкрадывается к ней.

Над головой, за тонким кожухом выступающего в кабину оружейного пилона четкими тактовыми очередями рявкало орудие БМК, а она, сидела и улыбалась, украдкой поглядывая на бледное, напряженное лицо Антона, который продолжал управлять машиной.

Как хотелось сейчас сбросить гермоперчатку и коснуться дрожащими пальцами его щеки.

Такт.

Пять отчетливо различимых на слух выстрелов. Короткая пауза, резкий крен машины в крутом развороте между двумя массивными глыбами бетона, и снова лающая очередь, покрывающая оранжевыми разрывами многострадальные стены руин.

Она улыбалась.

Нет существа нежнее, доверчивее и непоследовательнее *женщины.*

* * *

Рорих и Ваби стремительно продвигались вперед, петляя меж иззубренных руин. В ста метрах от них тот же маневр совершали Иван со Скармом.

У них была одна цель – обнаружить любой, доступный для человека вход в подземные коммуникации.

– Справа!

Рорих отреагировал на предупреждающий возглас Ваби, прошив открывшийся проулок щедрой очередью. В ответ неслышно ударили несколько ИМ-12. Их шариковые пули, словно горох молотили по броне, оставляя на ней лишь мелкие оспины. Благо за тысячу лет военно-промышленные комплексы не топтались на одном месте, и современный бронескафандр мог противостоять многим видам типового оружия времен Первой Галактической.

Не больно, но неприятно.

Нет времени. Рорих не считал, сколько андроидов засело сейчас в руинах, не задумывался, откуда они прибывают, его волновал только поиск входа в подземные коммуникации, да боты огневой поддержки, которые могли доставить немало неприятностей своим тяжелым вооружением.

Сзади ощутимо ударил сдвоенный взрыв.

Не иначе тактические ракеты…

Развернувшись, Эрни моментально просканировал руины и понял, что Иван со Скармом попали в серьезный переплет. Пять автоматических ботов парящих на антигравах, окружили небольшое здание бывшего контрольно-пропускного пункта, поливая его ракетными залпами.

Благо десять веков назад здесь каждое здание проектировалось с расчетом на орбитальные удары. КПП хоть и лишилось крыши, но наклонные стены из армированного стеклобетона, с прорезанными в них бойницами стояли крепко, покрываясь лишь глубокими выщерблинами да черными подпалинами от попадания тактических ракет, которыми были вооружены парящие над землей кибермеханизмы.

– Ваби. Вызови БМК! Пусть перенесут огонь на подступы к пропускному пункту!

Не дожидаясь ответа, Рорих рванулся вперед.

Из пролома в стене на него неожиданно выскочили два андроида.

Разбираться с ними было некогда, и Эрни врезал одному из них в центр грудного кожуха, отбрасывая прочь человекоподобную машину, но прорваться дальше не удалось, – второй робот явно намеревался выстрелить ему в спину, однако кибермеханизм подвела прямолинейная логика – он не смог предугадать действия человека. Вместо того чтобы метнуться в пролом, Эрни резко присел, пропуская над головой титановые шарики, и выругавшись, разрядил в машину остатки обоймы двухсотого ИМа.

Нет, к Фрайгу, так не пойдет. – Подумал он, меняя боекомплект.

Противоположная стена, прошитая очередью из орудия БМК, на глазах окуталась клубами пыли и начала оседать грудой бесформенного щебня, засыпавшего сбитого с ног андроида.

Крутимся как идиоты на этом пятачке. А машин все больше. Эрни, наконец, выбрался из окутанных белесой взвесью руин и увидел, что его помощь уже не нужна, – Скарм и Доброхотов, прикрывая друг друга, уже покинули треснувшую в нескольких местах коробку бывшего КПП, и короткими перебежками двигались к следующей группе руин.

Не там ищем. Не там. Должно быть главное здание. Но его нет. Вокруг только одноэтажные типовые постройки, караульные помещения, пропускные пункты, опорные огневые точки, противокосмической обороны.

Где вход?

Эрни вдруг почувствовал, как кто-то бесцеремонно дергает его за руку.

Рядом стоял Ваби.

– Корабли – Штурмовая винтовка карлика указала на центр площади. – Они садились туда.

Проклятье Щииста… Как же я сам не догадался?!

– Давай, за мой. Прикрывай спину!

Рорих рванулся к центру площади.

Ну, точно. Огромный двустворчатый круг, составленный из массивных бронеплит. Рядом несколько люков поменьше, наверняка выходы подъемников для личного состава.

– Есть вход! Всем внимание! Центр площади! Передаю телеметрию!

…

В десантном отсеке БМК из горла Полуэктова вырвался облегченный вздох.

– Рорих Ваби, в сторону! – распорядился он в коммуникатор и тут де добавил, обращаясь к Беглову: – Наведи орудия на люки, вскрой их, и все, – автоматику в режим боевого прикрытия, а сами на выход!

…

Две минуты спустя на площади остались только машины.

Обе БМК в автоматическом режиме продолжали кружить среди руин, притягивая к себе внимание андроидов и подоспевших к ним со стороны леса серв-машин.

Еще минут пять они продержаться, это точно. – Подумал Мерфи, последним исчезая в проеме взломанного снарядами люка.

База «Гамма».

Они нашли ее и проникли внутрь.

* * *

– Все целы? Осмотреться и доложить!

В шлюзовом тамбуре было темно, но никто не включил плечевых фонарей бронескафандров, лишь сканирующие системы наполняли помещение шлюза своим невидимым для глаза излучением.

– Норма. Рейчел, приступай. Мерфи, помоги ей!

Прошло не менее минуты, прежде чем усилия мнемоника и находившегося на постоянной связи с ней андроида увенчались успехом, – древняя сеть комплекса, поддалась, она приняла генерированный кибермодулями Рейчел код доступа, основанный на вышедшем из употребления машинном языке, элементы которого импланты Рейчел брали непосредственно из оперативной памяти Мерфи.

– Есть.

Массивная плита дрогнула, открывая проход.

За ней начинался длинный пологий, проложенный под отрицательным уклоном тоннель, средняя часть которого представляла собой двухполосную магистраль, с пешеходными дорожками по бокам.

– Парами вперед! Не останавливаться! Сенсоры БСК[16] в режим проникающего сканирования. Первая пара, через десять минут становиться замыкающей. Смена по постоянному циклу. Боковые помещения игнорировать. Наша цель – склады РТВ, лаборатории «Линии Огня» и управляющий центр всего комплекса. Работаем!

Рорих и Ваби скрылись во тьме, за ними, прикрывая товарищей, устремились Иван со Скармом, следом Беглов и Рейчел, и, наконец замыкающими двигались Полуэктов и Мерфи.

Усилители мускулатуры боевых скафандров позволяли бежать, развивая скорость до сорока километров в час, сканирующие системы четко фиксировали структуру тоннеля, захватывая проникающим излучением часть боковых помещений.

Через три километра во время смены пар, Рейчел остановила группу.

– Справа! – Коротко произнесла она.

Рорих медленно приблизился к огромным створам модульных ворот. Его сканеры не могли пробиться через сплав и толщу стеклобетонных стен, и он хрипло спросил у Рейчел, которая уже освоилась в сетевом

пространстве уровня и могла совершать элементарные манипуляции с древними киберсистемам:

– Что там?

– Внутренний, вернее подземный космодром.

Два многотонных створа дрогнули и чуть раздались в стороны, ровно настолько, чтобы в образовавшийся зазор мог боком протиснуться человек в скафандре.

Один за другим они вошли внутрь.

Лучи плечевых фонарей взрезали мрак, но ни один из них не достиг противоположных стен помещения.

Конические языки света скользили по темной керамлитовой обшивке космических кораблей.

Штурмовые носители класса «Нибелунг».

– Сколько их? – Спросил Полуэктов, понимая, что только Рейчел сейчас в состоянии ответить на его вопрос.

– Десять. – Ответила она. – Дальше если верить компьютерной базе данных находятся подземные стартовые площадки семи эскадрилий «Фантомов». Справа от нас вход в первый склад РЕВ. Порядка шестидесяти дезактивированных серв-машин, обоих классов. Слева шесть стартовых залов для конвойных носителей.

– Это космические корабли, служащие для транспортировки поврежденных боевых единиц флота, – пояснил Мерфи. – Они оснащены стыковочными узлами, мощными гипердрайвом и маневровыми двигателями. Вооружение минимально, штатный экипаж не предусмотрен.

Сердце Вадима Петровича гулко стукнуло в груди.

Он надеялся, уповал на это, и вот бессонные ночи, проведенные за анализом архивных данных, вдруг обрели реальные черты законсервированных кораблей и боевых единиц.

– Ничего не трогать. Приглушить сканеры. Не дай бог заработают системы охраны.

– Я держу их. – Внезапно сообщила Рейчел. – Еще минута.

– Минута и что? – Рорих нервно огляделся вокруг.– Нас примут за своих или превратят в фарш?

– Не мешай. – Одернул его Беглов, который постоянно опекал Рейчел.

– Молчу.

Наконец, она открыла глаза.

– Я наладила связь с программным ядром вторичной системы охраны. – Дрожащим от пережитого напряжения голосом произнесла девушка. – Стационарные установки систем безопасности уровней удалось

отключить. Но наше вторжение активировало дройдов из батальона охраны. Они уже вошли в автономный режим, и представляют реальную угрозу.

– Молодец, девочка. – Полуэктов с трудом мог выразить в словах охватившие его чувства. Он преклонялся перед ее способностями, и не пытался скрыть, на сколько присутствие Рейчел облегчало задачу их группы. Она ежеминутно спасала их жизни, открывая дорогу там, где пришлось бы пробиваться с боем.

– Сколько по твоим данным до центра управления?

– Еще пять километров. Дальше транспортный тоннель перейдет в систему разноуровневых коммуникаций. Думаю, андроиды встретят нас примерно на пол пути.

– Стрельба в тоннеле допустима? Мы не повредим энергопитание и каналы обмена данными?

– Нет, оптическое волокно и силовые кабели проходят на большой глубине, в специальных технических тоннелях. Стрелковым оружием нельзя будет пользоваться в залах управления.

– Может, встретим их тут? – Рорих указал на узкую щель между створами модульных ворот и красноречиво перевел луч прожектора на мощные телескопические опоры «Нибелунгов», которые могли послужить отличным прикрытием для стрелков.

– Время Эрни. Пока андроиды будут брать нас штурмом, мы потеряем драгоценное время. Нет. Придется рисковать. Двигаемся по тоннелю, принимая встречный бой. Антон. – Он обернулся к Беглову. – Отвечаешь за Рейчел. Головой.

* * *

В широком тоннеле, являвшимся главной связующей транспортной артерией между поверхностью Юноны и нижележащими уровнями базы «Гамма» укрыться, как оказалось, абсолютно негде.

Около километра они двигались бегом, примерно с равной скоростью сближаясь с пятью десятками боевых дройдов, посланных из недр комплекса, чтобы уничтожить незваных пришельцев.

Сканеры боевых скафандров, наконец, работали без помех, каждый из бойцов группы фиксировал противника, пока что в виде отдельных групп маркеров, движущихся по тоннелю.

Кибермеханизмы так же передвигались парами, при этом, по

динамике перемещения маркеров, было очевидно, что они делятся на пять групп по десять машин в каждой.

– Кто ими командует? – На бегу спросил Вадим Петрович, обращаясь к Рейчел.

– Сеть. Они образовали локальную сеть. – Так же, не останавливаясь, объяснила девушка.

– Скверно.

– Я пытаюсь ее взломать, но пока не получается.

– А Мерфи? – Полуэктов повернул голову, отыскав взглядом Алана. – Он не может нам помочь?

– В данном случае нет. Его модуль «Одиночка» не имеет никаких командных приоритетов. Он для них не более чем обслуживающая машина.

Полуэктов взглянул на данные дальномера.

Все, дальнейшее сближение становилось рискованным.

– Группа – стоп! Первая пара, разрядить тактические комплексы! Прицел плюс двести метров, бить в пол тоннеля!

Ваби и Рорих выпустили по пять ракет, освободившись от тактического боезапаса. Серя взрывов наполнила тоннель дымом и белесой крошкой, зато поперек магистрального прохода легла цепь из десяти неглубоких, воронок.

– Дистанция полторы тысячи метров. Их строй сломался. – Скарм говорил быстро, словно боялся опоздать. – Не пойму.

– Лазеры. Передовая группа вооружена лазерами. Мы блокировали их работу поднятой бетонной пылью.

– Отлично, всем в укрытие. Замыкающая пара – ставим дым. Остальным – огонь по выбору. – Полуэктов уже бежал к неглубокой воронке, по краю которой дымились обломки стеклобетона. – Работаем по данным сенсоров. Беглый огонь!

…

Рейчел упала на дно горячей воронки, чувствуя, как сверху на нее навалился вес бронескафандра Антона. Беглов прикрывал ее своим телом.

– Антон!... – Вскрикнула она.

– Некогда, милая. Лежи смирно.

Рейчел невольно сжалась.

Смерть неслась где-то сверху, над ней, примерно в метре от наклонного пола тоннеля. Это был тот случай, когда она могла лишь воспринимать данность, не в силах помочь боевому ядру группы. Программное обеспечение андроидов помимо стандартной защиты имело еще одно преимущество – они вели обмен данными посредством

уникального кода, разработанного для применения в боевых условиях.

Система эвристического анализа перехваченных данных работала на пределе своих возможностей, – Рейчел не теряла надежды, что вот-вот ее разум сможет понять значение незнакомых операторов древнего машинного языка…

…

Беглов резко привстал на колено. Штурмовая импульсная винтовка, введенная в режим одиночного огня била с такой частотой, что отдельные выстрелы сливались друг с другом, и лишь резкие перемещения ствола давали понять: он стреляет по точно избранным целям.

Лобовая атака пятидесяти машин.

Казалось бы, – что стоит каждому из бойцов группы уложить по пять андроидов?

Однако, конструктора Альянса, не ради забавы создавали именно человекоподобные модели механизмов, для использования их в качестве пехотной поддержки: андроиды, наделенные реакцией, живучестью и быстродействием кибернетических систем в полной мере унаследовали все преимущества опорно-двигательного аппарата прямоходящих существ, что в комплексе делало их идеальными бойцами, – Беглов смог почувствовать это когда в очередной раз промахнулся. Андроид, в которого он стрелял, мгновенно ушел с линии огня, словно акробат, оттолкнувшись ногами от стены тоннеля, проделал безупречное сальто, успев дать в прыжке ответную очередь, и твердо приземлился на ноги, вновь прицельным огнем заставив Антона вжиматься в пологий скат воронки.

Дистанция между противниками стремительно сокращалась. Андроиды атаковали, постоянно продвигаясь вперед, ведя плотный огонь, их группы взаимодействовали без единой ошибки, используя давно известную, но не утратившую эффективности тактику: пока передовые пары выдвигались на новую позицию, сзади их прикрывала совокупная мощь тридцати стволов, – титановые шарики, словно косой ливень хлестали по позиции, крошили импровизированные брустверы, наспех сооруженные из обломков стеклобетона, не давая людям поднять головы.

Еще двести метров и в ход пойдут термические гранаты…

Среди грохота боя, который передавали внешние микрофоны скафандров, голос Полуэктова, прозвучавший в коммуникаторах, казался далеким:

– Ракетными комплексами, по группе прикрытия, – огонь!

Шесть фигур в бронескафандрах поднялись над укрытиями, принимая на себя град титановых пуль. Команда Вадима Петровича пришла вовремя,

и была правильно истолкована: бесполезно вступать в огневой контакт с атакующими парами, пока их сзади прикрывают массированным огнем до трех десятков машин. Они находились достаточно далеко, но были вынуждены сгруппироваться, чтобы не мешать друг другу: одни вели огонь с колена, другие, выпрямившись в полный рост, однако их построение все равно оставалось плотным.

Беглов вскинул правую руку, и с направляющих одна за другой рванули три тактические ракеты.

Тоннель в полукилометре от оборонительной позиции вспух оранжево-черным шаром огня, – одновременное попадание восемнадцати реактивных снарядов наполнило замкнутое пространство воем, грохотом, визгом разлетающихся осколков; на миг ослепли все сенсорные системы, фигуры людей в бронескафандрах и атакующие пары дройдов повалило тугим ударом взрывной волны…

Беглов ощутил ее сокрушительный удар, но тут же в горячке боя заставил сервоприводы усилителей мускулатуры с ноющим визгом поднять тяжелый керамлитовый панцирь, вновь занимая позицию для стрельбы с колена.

Дальняя часть тоннеля тонула в густом дыму, смешанном с клубящимися, белесыми облаками бетонной пыли, которые толчками выбрасывало в сторону людей, словно в месте попадания ракет продолжал извергаться невидимый вулкан.

Вновь заработавшие сенсоры спроецировали на забрало гермошлема уже не маркеры, а подсвеченные алым контуры подобравшихся почти вплотную машин.

Он начал бить короткими очередями, избирая самые близкие цели, чтобы те не смогли воспользоваться встроенными гранатометами, – дистанция для стрельбы термическими зарядами уже была пройдена как минимум десятком машин.

Их валили, а они вставали. С оторванными конечностями, припадая на заклинившие сервоприводы, некоторые без оружия в руках, андроиды продолжали атаку, потому что в их системе был заложен лишь один приказ – вперед, в бой, до полного выполнения поставленной задачи, неважно какими средствами она будет достигнута.

В этот критический момент, навстречу атакующим машинам вдруг вырвалась одинокая фигура Мерфи.

Алан отбросил свои «ИМ», в стремительном прыжке он сбил с ног андроида, и рывком совав с креплений его помятый, пробитый в нескольких местах грудной кожух, вонзил выдвинувшийся из

указательного пальца правой руки, похожий на стилет шунт в оптический кабель обмена данными.

– Рейчел, принимай расшифровку кода!

Она поняла.

Разум мнемоника мгновенно вошел в контакт с кибернетической системой Алана, куда уже скачивались базы данных с постоянного запоминающего устройства поверженного, парализованного дройда.

Вокруг по-прежнему бесновался бой, но она не видела и не слышала ничего, воспринимая лишь поток байт.

– Есть…

Импланты Рейчел выплеснули в эфир несколько командных последовательностей, которые за доли секунды составила система анализа расшифрованного машинного кода.

Где-то рядом раздалось несколько трескучих очередей из импульсных винтовок и вдруг все стихло.

Она открыла глаза и увидела фигуру Антона, медленно оседающую набок.

Сервоприводы его скафандра были перерублены в нескольких местах, – в последние мгновенья схватки он принял на себя огонь тех машин, что пытались уничтожить источник дезактивирующего кода.

* * *

Вдоль тоннеля стелился дым.

Повсюду, куда ни глянь, стены, пол, потолок были покрыты крупными выщерблинами, на исковерканном покрытии транспортной магистрали в нелепых позах застыли корпуса человекоподобных машин. Для Рейчел их вид внушал ужас – изрешеченные пулями, лишившиеся конечностей, они с все равно продолжали атаку, до последней секунды стремясь достичь позиций людей, до которых некоторым дройдам оставалось всего пятнадцать-двадцать метров.

– Осмотреться и доложить! – Раздался в коммуникаторе голос Полуэктова.

Минуту спустя стало ясно, – группа, израсходовав половину боезапаса, не потеряла ни одного бойца. Это произошло благодаря современным бронескафандрам, которые выдерживали попадания шариковых пуль устаревшей модификации, да своевременному рывку Мерфи, позволившему Рейчел остановить атакующие машины.

– Пять минут на замену и отладку поврежденных приводов. – В голосе Вадима Петровича прозвучало облегчение.

Все живы и путь вперед, в недра базы свободен… по крайней мере пока.

До запланированного контакта с «Альфой» оставалось шестнадцать часов.

* * *

Они спускались все глубже и глубже, словно наклонный тоннель должен был привести их к мифическому Стиксу, по другу сторону которого обитали души мертвых.

Рейчел поежилась от пришедшего на ум сравнения.

В таком случае шагающий впереди Мерфи в порванной экипировке, которую пришлось скреплять кусками клейкой ленты из ремкомплекта скафандра – переодетый Харон?

И вообще, откуда такие ассоциации?

– Опасный ты чувак, Мерфи. – Скарм поравнялся с Аланом, дружески толкнув его в плечо. – А что, у тебя в каждом пальце по стилету?

Шагавший следом Рорих усмехнулся. Раз обычно молчаливый Скарм забалагурил, значит все нормально, пошла запоздалая нервная реакция на бой.

– Это не стилет. Обыкновенный шунт. Служит для тестирования неисправных цепей.

– Ага, и для препарирования «спинного мозга» андроидов. Хорошая штука.

Рейчел чуть сбавила шаг, давая Беглову возможность догнать ее. Сервопривод скафандра заменить не удалось, и теперь Антон заметно прихрамывал.

– Ты в порядке?

Вопрос прозвучал натянуто и глупо.

Беглов улыбнулся.

– Что я должен ответить, милая?

– Скажи, – она взглянула на его броню, с которой словно соскоблили фототропный слой «Хамелеона», – ты всех знакомых девушек называешь "*милая"*?

– Нет. – Глаза Антона продолжали смеяться. Ему было легко и приятно говорить об этом сейчас, когда отпускало напряжение смертельной

схватки. – Только тебя.

– Почему? – Потупилась она.

– Наверно потому что у меня никогда не было напарника-женщины. Мне нравиться, когда ты рядом.

– И?

Беглов смутился. По-настоящему смутился, может быть, первый раз в жизни. Его душа, хоть и порядком огрубевшая, знала ответ на заданный вопрос, но вот язык почему-то словно окоснел, рассудок позабыл половину слов, и вообще… он вдруг понял, что прикрыть Рейчел своим телом в бою было просто, а вот собрать из упрямых звуков нужную фразу вдруг оказалось выше сил.

– Можно я отвечу тебе потом? – Наконец произнес он. – Когда на нас не будет по полтонны брони? Идет?

Она повернула голову, посмотрев на напряженные черты Антона, и вдруг, не выдержав, засмеялась, впрочем, ее смех, насторoживший шедшего впереди командира, тут же оборвался, словно неестественный для мрачного подземелья звук отсекло невидимой стеной.

– А оно будет – «потом»? – Спросила Рейчел.

– Будет. – В голосе Антона прозвучала непонятная девушке уверенность, но она поверила ему. Поверила наперекор собственным ощущениям происходящего.

– Ты раньше никогда не бывала в боях?

– Нет.

– А как же тогда оказалась на Ганио?

– Сбежала. – Призналась Рейчел. – Я же мнемоник.

– Ну и что? – Не понял Антон.

– Как тебе сказать? Если ты совсем не знаешь, откуда мы появляемся – объясню.

– Давай.

– Начало истории обычно. На Окраине сейчас мало работы и много бедных семей. Лет десять назад корпорации начали отбирать наиболее одаренных подростков, в основном девочек, и забирать в престижные закрытые школы. Наши родители радовались, им говорили, что ребенок, попавший в такую школу, автоматически получит высокооплачиваемую работу.

– Да? А на самом деле?

– На самом деле на нас экспериментировали. К тому времени на Окраине появились кибрайкеры, взломщики сетей, охотники за коммерческой информацией, которые легко справлялись с самыми

изощренными системами охраны, не оставляли после себя никаких физических следов. Некоторое время они вообще считались неуловимыми. Потом полиции удалось поймать одного из них, по-моему, случайно, вот тогда и выяснилось что новое поколение хакеров – это не просто талантливые программисты. В основе их дерзкой удачливости и неуловимости лежали импланты, абсолютно новой конструкции, предназначенные не только для удаленного доступа к компьютерным сетям, но и адаптированные для ряда самодельных микрочипов, в которых, собственно и содержались необходимые для взлома программы.

– Все свое ношу при себе?

– Ну да. На практике получалось, что человеческий мозг, оснащенный подобными кибернетическими устройствами, не просто видит сеть, он входит в нее, включает воображение и осязает киберспространство, как ты, например, видишь окружающую тебя природу или рельеф. Ты ведь знаешь, что представляет опасность, а что нет. Вообрази шаткий валун на крутом склоне, разве ты станешь взбираться на него?

– Естественно, нет. – Усмехнулся Беглов.

– Так же и кибрайкеры. Они сами становятся частью сети, и ощущают киберпространство со всеми ее ловушками, избирая безопасные участки, по которым им легко добраться до нужной информации, не оставляя следов.

– И чему вас обучали в школе? – Заинтересованно спросил Беглов. Он и подумать не мог, что где-то на краю Вселенной происходят подобные вещи.

– Нас не обучали, Антон. На первых порах нас *имплантировали*.– Загадочно ответила Рейчел и тут же пояснила:

– Рассудок человека не всегда выдерживает постоянный контакт с кибермодулями, от этого меняется само мироощущение. Сначала хирурги и психологи корпорации выясняли, – чаще опытным путем, – сколько модулей может адаптировать разум того или иного подростка. И лишь потом нас, прошедших жестокий отсев, начинали кое-чему обучать, хотя словосочетание «учить мнемоника» звучит как неудачная шутка. Настоящий мнемоник формирует себя сам, шаг за шагом постигая окружающую его двойственную реальность. Многие ломаются именно на этом этапе. Из нашего курса в сто человек, до выпуска дожили только семнадцать, и это считалось большой удачей.

– Так значит, ты все же бывала в боях? – Не удержался от вопроса Беглов. Он ясно представил себе картину, нарисованную скупыми словами и девушки, и сделал свой вывод: там, где есть две противоборствующие

стороны, столкновение между ними неизбежно, предопределено.

– Да. Но встреча с кибрайкером совершенно не то, что схватка с андроидами. Там все мягче, ненатуральные, как в очень сложной игре, где ты и твой противник фантомы…

Она немного помолчала, а потом уточнила:

– Лишь много позже я узнала, что проигравший в лучшем случае умирает на месте, а в худшем – остается калекой, дебилом на всю жизнь.

Беглов не нашелся, что ответить на последнее замечание Рейчел. Оказывается, он совершенно не представлял себе ее внутренний мир.

– И все же, как ты оказалась на Ганио? – Вновь спросил он, желая увести разговор в сторону от явно неприятной для нее темы.

– Я же говорю – сбежала. Компания, на которую я работала после окончания спецшколы, обанкротилась.

– Ну и что?

– Ты не понимаешь Антон… – Вздохнула Рейчел. – Мнемоник зачастую знает о своей организации больше, чем все ее руководители вместе взятые. Если бы меня не прикончили свои, замучила бы полиция. Вот и вся сказка. Но знаешь… – Она улыбнулась краешком губ. – Я не жалею что оказалась на Ганио, а потом на Земле. Раньше я не встречала столько *людей.*

* * *

За разговором незаметно пролетели время и расстояние.

Датчики БСК показывали, что они углубились на полтора тысячи метров под землю, в общей сложности пройдя более двадцати километров по уводящему в недра горного массива тоннелю.

Теперь было понятно, почему большинство военных баз Линии Хаммера не пострадали от орбитальных бомбардировок и сохранили свою функциональность спустя тысячелетие после окончания войны.

Вадим Петрович все отчетливее понимал: без Рейчел и Мерфи его группа не прорвалась бы сюда, к главным уровням сверхсекретного объекта. Даже адмирал Надыров смог при допросе указать лишь приблизительное местоположение «Гаммы». О системах защиты не стоило и говорить, – они минули не менее полусотни грамотно укрепленных, полностью автоматизированных, запитанных энергией огневых точек, автоматику которых выключила Рейчел, еще при первом входе в глобальную сеть «Гаммы» с площадок подземного космодрома.

Да и схватка с андроидами стоила бы группе серьезных потерь, не вмешайся вовремя Мерфи.

В общем, на поверку получалось, что тысячелетний карантин ничто для боевых киберсистем, особенно тех, кто находился под защитой подобных, глубоко эшелонированных, самодостаточных военных баз.

Значит, те силы, что предполагалось встретить на Везувии следует, как минимум, умножать на десять, – думал Полуэктов.

Коней на переправе не меняют.

Он уже не мог повернуть назад, да и вряд ли такое решение поддержали бы бойцы группы. Никто из них не роптал на трудности, не упоминал даже слово «деньги», хотя Земля с ее геополитическими интересами была чужда большинству из них. Почему они пошли за мной? – Вадим Петрович уже не раз завал себе подобный вопрос, еще на предварительной стадии подготовки операции, но так и не нашел точного исчерпывающего ответа.

Наверное, у каждого из них был свой мотив поступать определенным образом.

Впереди, наконец, забрезжил свет.

– Вижу развязку. Перекресток тоннелей, двое модульных ворот и система лифтов. Под потолком система сканирования, связанная с лазерными комплексами. – Доложил Доброхотов, занимавший место в первой паре.

– Рейчел проверь.

– Все в порядке. Система охраны принимает нас за своих. Я уже вполне разобралась с языком программирования, так что на этом этапе сюрпризы исключены.

– Ты уверена? – Все же переспросил Полуэктов.

– Сеть под контролем. Частица моего сознания находится в постоянном контакте с ней.

– Значит, ты можешь указать направление? Нам нужны лаборатории «Линии Огня» и связанные с ними складские помещения, куда отправлялись отбракованные кристалломодули.

– Сейчас.

Рейчел по привычке прикрыла глаза, так ей было легче работать в виртуальном пространстве, а Беглов, сам того не заметив, машинально придвинулся ближе, готовый прикрыть ее в любой момент, от всех мыслимых опасностей.

– На два уровня вниз. Центральный подъемник. Я ввела код доступа и вызвала лифт. – Открыв глаза, сообщила Рейчел.

Наша цивилизация скоро измениться. – Подумал Полуэктов, глядя на девушку.

* * *

В коридорах и залах подземных горизонтов работало нормальное освещение. По мере продвижения группы секция за секцией оживали системы поддержания жизни, под сводами слышался шелест регенераторов воздуха, встроенные в стены экраны сообщали об уровне биологической защиты помещений, специализированные информы высвечивали схемы прохода к жилой зоне, где «возвратившая с задания» боевая группа могла получить все необходимое для отдыха и реабилитации.

Рейчел продолжала свою игру с компьютерной сетью комплекса, удивляя бойцов тем, как под ее пристальным взглядом вдруг послушно открывались массивные бронированные двери. Только Беглов и Мерфи отчасти понимали, как именно воздействует девушка на кибернетические узлы охраны.

Та часть операции, которая представлялась Вадиму Петровичу сплошным силовым прорывом, превратилась в рискованную, но быструю прогулку по подземным коммуникациям.

Время дало им небольшую фору, и теперь он был обязан с толком использовать ее. Их везение, связанное с уникальными способностями Рейчел закончиться здесь, на Юнононе. То столкновение, что произошло в тоннеле, лишь слабая тень предстоящей на Везувии схватки. Теперь, после беглого знакомства с «Гаммой», Вадим Петрович затруднялся предположить, какие силы были разбужены на Везувии спровоцированным вторжением банды Зураба аль Араги на склады РТВ.

* * *

– Нам сюда. – Рейчел указала на очередную бронированную дверь без маркировки.

Почти бесшумно раздались в стороны массивные створы, и взгляду Полуэктова предстало небольших размеров помещение, одна из стен которого представляла собой единый компьютерный комплекс, возвышающийся от пола до потолка. За выдвинутыми относительной остальной аппаратуры чуть скошенными контрольными панелями было

установлено пять кресел, между которых стояли обыкновенный на вид пластиковые контейнеры полные кристалломодулей.

Скарм первым вошел внутрь, огляделся, а затем произнес:

– Хреново они обращались со своими сотрудниками.

Перешагнув порог, Полуэктов понял, о чем идет речь.

В креслах за погашенными терминалами сидело пять мумифицированных тел.

В затылке каждого зияло входное отверстие контрольного выстрела.

Никто кроме Скарма не взялся прокомментировать страшное зрелище.

Живые и мертвые. Они находились рядом тысячу лет, одни постепенно превращаясь в сморщенные, усохшие мумии, навек унесшие с собой тайны лаборатории «Линии Огня», другие холодные и безучастные, уснувшие не то вечным, не то летаргическим сном, коническими горками виднелись рядом в открытых пластиковых кофрах.

– Здесь на контейнерах маркировка. – Сообщил Доброхотов.

– Ага. – Поддержал его Скарм. – Самый большой помечен как «брак».

– Остальные нас не интересуют. – Ответил Вадим Петрович. – Пока не интересуют. – Добавил он, обернувшись к мнемонику группы. – Рейчел склады далеко?

– Соседнее помещение, – сдавлено ответила девушка.

Беглов обнял ее за плечи, насильно отворачивая от ужасной для неподготовленного взгляда картины присохших к креслам, мумифицированных тел.

– Веди.

Они снова вышли в коридор, где через пятьдесят метров располагалась уже не дверь, а ворота.

– Откроешь?

Рейчел молча кивнула, сглотнув стоявший в горле комок.

Она ошиблась, за воротами располагался не склад, здесь размещался полигон, предназначение которого было сложно угадать по внешнему виду изобилующих вокруг стендов.

С одной стороны, за металлической сеткой высились штабеля с опечатанными контейнерами. На них при внимательном рассмотрении можно было прочесть одну и ту же надпись: "На повторное тестирование. Отбраковка «Линии Огня».

Невольная дрожь охватывала душу и тело, когда рассудок пытался сосчитать, сколько же кристалломодулей содержат в себе эти невзрачные пластиковые емкости?

Тысячи? Десятки тысяч?

Напротив отгороженного сеткой склада ровными шеренгами возвышались стенды, сплошь покрытые специфичными гнездами, предназначенными для подключения кристалломодулей «Одиночка». Здесь должно быть осуществлялось тестирование и одновременно производилось отработка боевого взаимодействия нескольких вновь сформированных батальонов пехотной поддержки. Естественно, сам процесс происходил в условиях виртуальной среды, а в этом огромном зале располагалась лишь аппаратура для одновременного подключения сотен кристалломодулей.

Вадим Петрович жестом подозвал к себе Алана и отошел с ним к одному из стендов. Некоторое время они о чем-то разговаривали, а затем, вернувшись к остальным, Полуэктов посмотрел на часы и сказал:

– Сейчас начнется самое главное, то, ради чего мы собственно рисковали жизнями, проникая на базу «Гамма». В этих контейнерах хранятся кристалломодули, снятые с подбитых серв-машин, малых космических кораблей и даже крейсеров. Применение модулей «Одиночка» в последние годы войны имело очень широкий спектр. Вы все знакомы с историей Алана Мерфи. Он то же побывал тут, не прошел тест на абсолютное бездушие в лаборатории «Линии Огня», затем попал сюда, на переподготовку, и в конечном итоге оказался среди подразделения технической поддержки на далекой планете.

Я не могу обещать вам скорого отдыха. – Продолжил Вадим Петрович. – Скажу больше, я вижу в вас друзей, боевых товарищей, а не наемников на службе Земли. Я сам, как вы, наверное, догадались, временно поступился интересами своей планеты ради того, чтобы предотвратить худшую трагедию. Но мы не сможем сделать ничего, если на нашу сторону не встанут сущности, подобные Алану. Каждый из кибернетических модулей, в этих бесчисленных контейнерах, хранит в своих искусственных нейросетях душу погибшего на той страшной войне человека, душу, которая уже доказала свою целостность и неизменность. Мое мнение – такие существа как Мерфи должны получить шанс на реабилитацию. Решение будет принято ими самими. У нас мало времени, поэтому придется забыть об отдыхе и работать. Мы будем распечатывать контейнеры, и вставлять модули в предназначенные для них гнезда. После этого Рейчел и Мерфи активируют полигон.

– И что будет дальше? – Поинтересовался Скарм.

– Алану есть, что сказать им. – Вадим Петрович указал на контейнеры с «Одиночками». – Да и я добавлю пару слов. Вы все будете присутствовать при этом, и если кто-то захочет высказаться – я не против. Но помните, наша главная задача не сводиться к тому, чтобы склонить их на свою

сторону, важно понять – кто окажется перед нами – набор исполнительных программ, или полноценные матрицы сознания пилотов, способных *сопереживать и чувствовать*. От ответа на данный вопрос будет напрямую зависеть развитие второй части операции. Вопросы есть?

– Нет. – Ответила за всех Рейчел.

– Тогда за работу.

* * *

База Гамма. Полигон вторичного тестирования. Десять часов до прибытия «Альфы»…

Безукоризненно ровный строй призраков.

Полуэктов стоял перед ними, глядя на ротные колонны, образующие строгие каре батальонов, а видел лица.

Разные. Совсем молодые, но уже тронутые печатью войны и смерти.

Ему было страшно. По-настоящему, в первый раз в жизни Вадим Петрович ощутил это чувство – когда на тебя неотрывно смотрят тысячи глаз, в которых сквозил холод пережитой однажды агонии.

Все, заготовленные заранее слова вымело из рассудка, он стоял перед ними и молчал.

Тягостно утекали в вечность секунды. Для них время не имело значения. Они ждали его слов, решения, вердикта, потому что каждый из призраков, образ которых генерировали модули «Одиночек», все еще был на войне. Той войне, что закончилась тысячу лет назад.

Полуэктов смотрел в их лица и понимал, что между ним и этими молодыми ребятами, лежит целая эпоха, и в то же время, не смотря на разность в возрасте, мировоззрении, у них было что-то общее.

Разные.

Разум цеплялся за это понятие, концентрировался на нем, заставляя взгляд искать все новые и новые отличия в стоящих перед ним шеренгах.

На призраках была надета разная форма. Легко отличались пилоты серв-машин, сложнее было узнать представителей различных подразделений флота, да суть не в этом, а в самом понятии…

Настолько ли они разные?

Далеко ли ушла цивилизации в своем нравственном развитии от этих парней, которых вскормили войной, не дали им шанса жить, а вручили лишь право умереть?

Полуэктов продолжал молча смотреть на образы солдат далекой

войны. Он смотрел и невольно сравнивал их с собой, думал, а смог бы я устоять под диким моральным прессингом нескончаемых боев, пережить ужас собственной смерти, а потом все-таки *не выстрелить* в бредущую меж руин девочку?

Многое из собственной жизни сейчас находило болезненную переоценку в душе.

– Ребята. – Первое слово прозвучало глухо, но постепенно голос Вадима Петровича креп, набирал убежденность, силу, потому что он говорил вовсе не те слова, что были готовы услышать фантомные души, и даже не те, что так тщательно готовил, мысленно повторяя перед встречей.

– Война закончилась. Это произошло больше тысячи лет назад…

Он говорил, ощущая как безучастные ко всему, холодные взгляды постепенно, очень медленно наполняются осмысленным выражением, они внимали ему, слушая историю окончательного поражения Альянса, изоляции Земли, карантина планет, до сих пор напичканных боевой техникой.

Он просто рассказывал им все, без утайки, как получалось, как видел, как мог, пока не подошел к главному:

– Вы остались людьми. Неважно, что ваши души, вместе с частицами воспоминаний заточены сейчас в искусственных нейросетях кристалломодулей. Вот перед вами три человека, люди современности. Рейчел – мнемоник. Она носит семь имплантов с подключаемыми кибермодулями и обладает воистину уникальными способностями. Рядом – он повернулся, указав на Эрни Рориха, – мой давний друг, у которого было тяжелейшее ранение. Ему имплантировали нейросети, аналогичные тем, что содержит «Одиночка». Мы все люди, потому что осознаем себя, оцениваем свои поступки не с точки зрения рациональности существования, а с позиции морали. Да у каждого она может быть своей. Чем-то, а может и в корне отличающейся друг от друга, но морали, поэтому вы – не машины. У каждого механизма есть свое узкое предназначение, вы же выбирали свою судьбу, когда, сами того не ведая, проходили тест в лаборатории «Линии Огня».

Вадим Петрович смотрел, как оттаивают, теплеют некоторые взгляды, и вдруг, сбившись с темы начал рассказывать им про Юнону, где они столкнулись с одичавшими формами кибернетической жизни, механизмами которые ведут борьбу за существование, потом коснулся других планет Линии Хаммера и вдруг заключил:

– У каждого осознающего себя существа, есть неотъемлемое право на жизнь. Но после Галактической войны, сохранилось множество фобий,

которые постепенно превратились в догмы. Одна из них касается «Одиночек». Вас. Мерфи, расскажи о себе.

Алан не стал говорить вслух.

Он в полной мере мог воспользоваться аппаратурой полигона, чтобы передать свои собственные сомнения, те, что болезненно, резко возникли в душе, когда он стоял, прижав ладонь к лобовому скату брони БМК, и решал, кто он есть – машина, призрак человека, или нечто третье, способное не только примирить форму и содержание, но найти в этом новые перспективы *жизни*.

Его беззвучная речь была коротка, но Алан за несколько секунд поведал фантомным личностям больше чем Вадим Петрович, потому он знал главное – они должны пробудить свои чувства, снова испытать жгучую боль и пьянящую радость от того, что сохранили этот бесценный дар – сомневаться, спорить с собой, принимать решения и действовать, сообразуясь не с рамками программ, а с собственным пониманием ситуации.

После него слово неожиданно взяла Рейчел:

– Ребята, мы пробивались сюда, чтобы встретиться с вами, и просить о помощи. Мы не можем обещать многого взамен, но тысячи спасенных человеческих жизней заставят задуматься тех, кто привык измерять историю общим шаблоном. Если же мы не предпримем ничего, то с Везувия начнется новая экспансия машин, – вновь активированный стратегический резерв, приступит к реализации боевых программ. Там нет таких, как вы. Кибернетические механизмы Везувия – это машины, попавшие на склады РТВ прямо с конвейера. Их модули «Одиночек» содержат серийные программы, основанные на суммарном опыте нескольких десятков пилотов, отличившихся не только искусством боя, но и своей непримиримостью к врагу. У них нет души. Есть лишь цель и средства для ее достижения. Если эта сила вырвется в открытый космос, начнется новая война и тогда уже никто не станет разбираться в тонкостях нейросенсорного контакта, сортировать по категориям посмертные матрицы пилотов, – всех выжгут, уничтожат… конечно в том случае, если люди смогут выдержать внезапный удар серв-соединений. – Ужаснувшись собственным словам, завершила она спонтанно начатую речь

В этот момент из молчаливого строя раздался первый голос:

– Как серв-машины Везувия смогут атаковать иные планеты? У них есть космический флот?

– Без сомнения. – Ответил Полуэктов. – Я просмотрел все архивные данные со станций слежения, сравнив их с материалами, полученными из

источников времен капитуляции Земли. В последние месяцы войны на Везувий для ремонта было отправлено три крейсера, но ни один из них за истекшее тысячелетие не пытался осуществить старт с планеты. Станции слежения установленные Советом Безопасности сбивали «Нибелунги» или отдельные космические истребители, но крейсера по-прежнему находятся на поверхности планеты, отремонтированные и готовые к старту, я убежден в этом. Проникновение на склады РТВ пробудило серв-машины, а появление на орбитах Везувия боевых кораблей объединенного флота Окраины явиться достаточным поводом для активации кораблей тяжелого класса. Везувий будет защищаться, а затем его машины перейдут в атаку, попутно вскрывая резервные хранилища техники на всех мирах Линии Хаммера. С вашей помощью мы можем остановить этот процесс в зародыше, и тогда мир будет вынужден признать, что вы не пакет программ, а сознание, записанное на искусственный носитель. Что будет дальше, я не знаю, но предполагаю при успешном исходе акции, потребовать от Конфедерации присвоения Юноне статуса независимой планеты. Такой прецедент в Галактике уже был, дело касалось искусственного интеллекта, развившегося из компьютерной сети на планете Деметра. Это все что я могу обещать.

Он выдержал долгую паузу, глядя на ровные шеренги, а затем произнес:

– Кто осознает себя, отвечает за собственные поступки, и желает присоединиться к нам – шаг вперед!

Прошла секунда, другая и монолитный строй внезапно всколыхнулся.

* * *

Они держались на стимуляторах уже вторые сутки.

Тяжелые бронированные скафандры сменила легкая полевая форма, центр управления операцией, разместившийся на командном пункте «Гаммы» работал, не останавливаясь ни на миг.

Благодаря усилиям Рейчел вся система подземной компьютерной сети приняла новые командные приоритеты, беспрекословно подчиняясь приказам вернувшихся спустя тысячелетие людей.

Работа кипела не только на подземных уровнях «Гаммы» – двенадцать часов назад в космос стартовали две эскадрильи «Фантомов» – многоцелевых истребителей Альянса, последней, разработанной в самом конце войны модификации.

Ими управляли «Одиночки»

В задачу капитана Леймана входил поиск и уничтожение сенсорных систем, контролирующих околопланетное пространство Юноны. Их было необходимо обезвредить, для обеспечения скрытного выдвижения «Альфы» в зону высоких орбит.

Пять часов назад первый колониальный транспорт Земли вошел в границы системы.

Три десятилетия он двигался в трехмерном континууме, возвращаясь из слепого рывка, положившего начало теории гиперсферы. За эти годы сначала генерал Покровский, а затем, сменивший его Полуэктов посылали навстречу «Альфе» грузовые корабли с оборудованием, которое монтировали на борту специальные бригады кибернетических механизмов.

Благодаря такой схеме переоснащения на сегодняшний день колониальный транспорт являлся самым мощным кораблем из всех, когда-либо построенных людьми.

Характеристики его силовой установки, толщина брони, количество стартовых шахт, бортовое вооружение, – все это не имело аналогов. Такая концепция колониального транспорта объяснялась тем, что корабль был построен на заре освоения космоса, он проектировался исходя из трудно предсказуемых условий многолетнего полета к звездам, поэтому он в равных долях нес на своем борту системы способные разрушать или наоборот – насаждать жизнь. Люди, покидавшие Солнечную систему в далеком двадцать четвертом веке, не ведали, какие испытания уготовил им дальний космос, и старались предусмотрительно оснастить «Альфу» всеми видами техники, начиная от машин, способных произвести нулевой цикл терраформирования изначально непригодных для жизни планет, и, заканчивая системами вооружений, которые были призваны защитить «Альфу» в случае гипотетического столкновения с неведомыми расами, возможно, существующими в том пространстве, куда направлялся колониальный транспорт.

Теперь переоснащенный по последнему слову техники, но сохранивший свои древние системы, восстановленный корабль страдал лишь двумя существенными недостатками – отсутствием полноценного экипажа и неспособностью к самостоятельным гиперсферным прыжкам.

…

– Эти проблемы мы должны решить. – Вадим Петрович смотрел на изображение титанического корабля. – Допустим, с комплектацией экипажа вопрос уже практически снят. Среди «Одиночек» немало офицеров флота, подчеркиваю – офицеров, – это в моем понимании предполагает, что их

подготовка и боевой опыт на порядок выше, чем у рядовых астронавтов. Мы демонтируем адаптационные гнезда со стендов полигона и соединим их с бортовой сетью «Альфы». Таким образом, каждый агрегат корабля будет контролироваться, а в критических ситуациях – напрямую подчинятся личностям «Одиночек».

– Они не должны ощущать себя придатками к основной сети Альфы. – Вставила замечание Рейчел. – Если мы хотим получить полноценный экипаж, на борту корабля следует сформировать фантомную среду, аналогичную принципу полигона. Пусть они обретут возможность жить, двигаться, общаться друг другом в едином киберпространстве, в точности копирующем «Альфу», и тогда корабль получит полноценный экипаж.

– Ты представляешь, как это сделать? У нас осталось менее восемнадцати часов. Все кибермеханизмы сейчас заняты проверкой «Нибелунгов», идет тестирование серв-машин резерва…

– Я займусь этим. Пусть механизмы продолжают установку адаптационных гнезд и сразу же включают в систему кристалломодули. Мерфи мне поможет. Компьютерная модель «Альфы» у нас есть, так что с формированием киберпространства осложнений не возникнет.

– Хорошо. – Вадим Петрович уже взял себе в хорошую привычку следовать советам мнемоника во всех вопросах, связанных со сложными кибернетическими системами.

Переговорив с Рейчел, он обернулся к Рориху, который вместе с Ваби был занят просмотром обширных баз данных, доступ к которым удалось получить всего час назад.

– Нашел что-нибудь, Эрни?

– Похоже на то, командир. Не уверен, в верном ли направлении движется моя мысль, но вот тут, в каталоге бункерных посадочных мест указано, что восемь подземных стартовых комплексов отведено для аварийных конвойных носителей, класса «Титан».

– Они в сохранности? – Полуэктов имел в виду корабли.

– Да. По моим сведениям носители этого класса предназначены для принудительной посадки на планеты поврежденных крейсеров. Вопрос, – как эти крейсера попадают в зону орбитальной парковки, если сражение происходит в глубоком космосе?

– Хочешь сказать что «Титаны» оснащены гипердрайвом? Они не принадлежат к типу кораблей, базирующихся на определенных планетах?

– Судя по ТТХ, кроме планетарных двигателей, систем жесткой стыковки и секций гипердрайва на этих кораблях нет другого

оборудования, исключая стандартную систему управления и навигации.

– Мерфи, подойди на минуту.

Алан, застывший за спиной Рейчел, которая уже начала работать над сетью «Альфы», обернулся.

– В чем дело, командир.

– Нам нужна твоя консультация, как технического специалиста. Вопрос в следующем, – способны ли «Титаны» состыковавшись с «Альфой», перемещать ее через гиперпространство?

– Естественно. Они для этого и спроектированы. Я говорю об аварийной эвакуации кораблей большого тоннажа из зоны боевых действий к планетам, обладающим ремонтно-технической базой.

– А они «потянут» массу «Альфы»?

– Нужно считать. Сейчас я включу на ваш терминал прямую связь со специалистами флота.

* * *

Юнона. Десять часов спустя.

Такое вряд ли наблюдал воочию кто-либо из ныне живущих поколений.

Над маскирующими лесопосадками, руинами небольшого военного городка, дорогой, связующей предгорья с площадками расположенного в семидесяти километрах космодрома, повисла в эти минуты напряженная, осязаемая каждым нервом тишина.

Затем раздался первый, сломавший ее звук.

Сразу за периметром руин, на пологих склонах предгорий пришло в движение несколько десятков гектаров земли.

Тонкий маскирующий слой почвы медленно сползал, обнажая спрятанные под ним, раскрывающиеся, словно створки механического моллюска, полукруглые сегменты стартовых шахт.

Вибрирующий гул моторов становился все отчетливее, напряженнее, потом он стих, и только комья земли продолжали срываться с поднявшихся в вертикальное положение створов.

Первыми из-под поверхности Юноны, в космос стартовали шесть носителей класса «Титан».

Они медленно, неторопливо поднимались из шахт, объятые огнем планетарных двигателей, сдувая почву, порождая неистовые порывы ветра, но такое степенное движение длилось лишь до тех пор, пока носители не

поднялись над поверхностью склона предгорий.

Включение маршевой тяги озарило огромное пространство, отгоняя подкравшиеся было сумерки, и шесть кораблей устремились ввысь, на глазах превращаясь в горячие яркие точки.

– Десять секунд. Подъем стабилен. Прошли границу стратосферы.

Плиты стартовых шахт начали медленно закрываться, а неподалеку, в зоне редких маскирующих лесопосадок уже раскрывались новые более многочисленные, но меньшие по диаметру механизмы.

Десять «Нибелунгов», – штурмовых носителей специально сконструированных для доставки для серв-машин на поверхность планет, поднялись над лесом почти бесшумно – они покидали подземные бункера на антигравах, тут же разворачиваясь в сторону руин, где уже пришли в движение створы главного транспортного тоннеля Базы «Гамма».

Восемьдесят серв-машин – сорок «Хоплитов» и такое же количество «Фалангеров» попарно выходили на поверхность, тут же направляясь к развернутым в рабочее положение аппарелям «Нибелунгов».

Следом за двумя серв-батальонами из тоннеля показались андроиды, экипированные в специально разработанную броню.

Роты пехотной поддержки.

Погрузка не заняла много времени, и десять штурмовых носителей, приняв на борт личный состав механизированных подразделений, включили двигатели планетарной тяги, исчезая в темнеющих небесах Юноны.

Последними, словно огненные стрелы из-под земли вырвалось пять эскадрилий «Фантомов» и тут же исчезли, оставив после себя лишь бешено вращающиеся смерчи перегретого воздуха.

Вадим Петрович, наблюдавший за стартовыми процедурами с мостика ходовой рубки «Альфы», посмотрел на серп планеты, по которому двигалась линия терминатора, и сказал, зная, что его личный коммуникатор включен сейчас в общекорабельную сеть:

– Все ребята. Теперь пути назад у нас нет. Со щитом или на щите – так говорили древние воины.

Мягкий толчок возвестил о стыковке с «Альфой» первого из шести «Титанов».

«Нибелунги» уже были видны на экранах внешнего обзора, – навстречу штурмовым носителям медленно открывались вакуум-створы внутренних космодромов колониального транспорта.

Семь эскадрилий «Фантомов», доложив о готовности, начали формировать пространственный шит, выстраивая на фоне немигающих

звезд новые рисунки ярких созвездий.

Еще тридцать минут и аномалия космоса поглотит «Альфу» чтобы мгновенно переместить корабль и сопровождающие его истребители в систему Везувия.

Они опережали объединенный флот Окраины ровно на пять часов.

Глава 9.

Линия Хаммера. Низкие орбиты Везувия.

Идея Рейчел относительно единого киберпространства «Альфы» оправдала себя быстро и наглядно.

Полуэктов сидел в кресле на мостике, и *видел*, как сотни людей работают, управляя исполинским кораблем.

Да, если бы мы дали им тела дройдов, все выглядело бы намного хуже – пришла на ум Вадиму Петровичу мысль. Еще одно преимущество модуля «Одиночка», – он мог проводить любые совещания и инструктажи, не отрывая членов экипажа от основной работы. Киберпространство, в котором Полуэктов бывал нечасто, имело свои неоспоримые преимущества. В данном случае только преимущества.

Он только что закончил отдавать последние приказы, и теперь по всему кораблю шла подготовка к погружению в гиперсферу.

Их план был дерзок, прост, и в то же время рискован.

Двое пилотов серв-машин ранее посещали Везувий. Они, естественно не знали точного расположения системы подземных укреплений, но подтвердили факт существования многочисленных складов РТВ.

Полуэктов, размышляя над предстоящей операцией, не планировал захватывать Везувий, а уж тем более губить «Альфу» ради того чтобы на планете бескровно воцарились Корпорации Окраины.

Появиться в системе раньше флота Окраины, атаковать крейсера, которые автоматически окажутся в невыгодном положении, – им либо придется подниматься с поверхности Везувия, при свернутых в атмосфере боевых комплексах, либо оставаться на планете, где их легко вычислить и уничтожить ударами с орбиты.

Первыми в атмосферу Везувия войдут выпущенные с борта «Альфы» контейнеры с нанопылью. Следом стартуют три «Нибелунга», на одном из которых полетит Рейчел. Эта рискованная часть плана являлась неизбежностью. Для организации эффективной информационной сети микрозондов мнемонику необходимо попасть на поверхность, оказаться ниже уровня постоянной густой облачности, насыщенной мельчайшими частицами вулканической пыли.

Когда на поверхности Везувия будут точно определены все искусственные источники активности, «Альфа», под прикрытием «Фантомов», выйдет на низкие орбиты для бомбометания.

Вслед за этим последует атака штурмовых носителей, которые вынудят подняться на поверхность уцелевшие машины Альянса, и завяжут бой, который по расчетам более опытных в таких вопросах офицеров, быстро завершит массированная атака многоцелевых истребителей.

Все это, до последнего байта переговоров между пилотами, будет в полном объеме фиксироваться на информационные носители «Альфы». По расчетам Полуэктова к тому моменту, когда объединенный флот Окраины войдет в границы системы Везувия основная фаза операции будет завершена. Подробная запись событий вкупе с тем, что увидят корпоративны войска, высадившиеся на планету, наглядно покажет всему Галактическому сообществу истинный размер чудовищной провокации.

Остальные планы и мысли Вадим Петрович держал при себе.

* * *

Семь станций слежения, расположенные на почтительном удалении от планеты, уже давно были списаны с баланса военно-космического флота Конфедерации Солнц. Прошло пять веков с тех пор, когда с поверхности Везувия пытался стартовать последний автоматический корабль, принадлежавший силам Земного Альянса, и постепенно пришедшие в негодность орбитальные комплексы законсервировали, оставив работать лишь небольшую часть аппаратуры резерва.

Для лиц, несущих номинальную ответственность за карантин планеты, небольшое количество сенсорных устройств, связанных с аварийным передатчиком гиперсферной частоты виделись скорее перестраховкой, чем насущной необходимостью.

По их мнению, вся техника, оставшаяся на Везувии после войны, учитывая агрессивную среду планеты, давно утратила функциональность, о чем свидетельствовали пять веков абсолютного спокойствия, за время которых не было зафиксировано ни одного происшествия.

Неудивительно, что сигнал, внезапно поступивший из системы Везувия, за пять часов до запланированного прибытия туда объединенного флота Окраины, вызвал тревогу в генеральном штабе Конфедерации.

Это произошло, когда над столицей Элио царила глубокая ночь.

Герхард Кох не мог предугадать грядущее событие. В это время он находился в своей резиденции расположенной в пригороде Раворграда и не ждал дурных новостей.

Дежурный офицер, принявший сигнал тревоги от станций слежения

системы Везувий, тут же передал информацию по инстанции.

Минуту спустя в информационном центре появились ответственные офицеры штаба флота.

– Привет Дима. – Майор с припухшими, покрасневшими глазами, и чуть отставший от него полковник одновременно взглянул на показания хронометра. Майор посторонился, пропуская старшего по званию и тот, склонившись над плечом дежурного капитана, спросил:

– Что тут стряслось?

– Сигнал из системы Везувия. Аномалия небывалой мощности. Датчики фиксируют одновременную работу шести генераторов низкой частоты, связанных с одним материальным объектом.

– Обратный переход? Кто-то всплывает в системе Везувия?

– Без сомнения. Я послал сигнал на расконсервацию аппаратуры слежения. Через пару минут пойдет полная телеметрия с разверткой видеоряда.

– Хорошо, подождем. Как планета?

– Спокойно.

– Ну, значит пол беды. Приостанови тревогу по инстанции. Посмотрим что там…

– Объект начинает набирать массу. Предварительный анализ показывает порядка семисот миллионов тонн.

– Сколько?!

– Семьсот миллионов, сэр. Это данные с масс-детекторов.

В следующий момент с предупреждающим сигналом включилось сразу семь виртуальных сфер.

– Дьяволы Элио… Что это за корабль?!

…

Он был огромен.

Совершенно незнакомые, а если выражаться точнее – прочно *забытые* формы, пугали и одновременно вызывали непонятный трепет: с первых секунд появления видеоизображения оцепеневшим от неожиданности офицерам стало ясно – этот гигант вобрал в себя все – знания, опыт, надежды некой Цивилизации.

В черноте космоса на фоне красноватого сияния Везувия медленно поворачивалась вокруг оси станция слежения. Из ее недр уже выдвинулась прямоугольная платформа с установленным на ней полнообъемным сканирующим комплексом, издали напоминающим ажурное насекомое.

Разом заработало еще два десятка мониторов, повторяя одну и ту же картинку: на фоне вселенского мрака растет, укрупняется *нечто*, щедро

осыпанное искорками разноцветных габаритных огней.

…Одна из установленных на платформе видеокамер повернулась, поймала приближающийся корабль и начала «наплыв».

Зрелище потрясало.

Изображение укрупнялось, постепенно вырисовывая на фоне мрака все новые и новые детали величаво проплывающего мимо станции исполина.

Его размеры, конструкция, формы, – все поражало взгляд, казалось настолько необычайным, мощным, что не сразу укладывалось в сознании. Камера продолжала автоматически менять ракурсы съемки, и дежурный офицер вдруг ощутил, как зашевелились волосы на голове, а по коже побежали мелкие мурашки, когда он увидел обтекаемый нос корабля, на серебристом потускневшем от долгого пребывания в космосе покрытии которого отчетливо выделялась надпись:

"ЗЕМЛЯ. КОЛОНИАЛЬНЫЙ ТРАНСПОРТ «АЛЬФА».

Это был шок.

Диаметр носовой части первого колониального транспорта прародины составлял пятьсот метров. По своей форме управляющий модуль походил на серебристую полусферу, обращенную выпуклостью к клубящейся багряной атмосфере Везувия.

Камера продолжала автоматически следить за кораблем, ее фокус опять переместился, показывая колониальный транспорт под иным углом, – теперь он был виден во всю свою семикилометровую длину.

Сразу за полусферой управления начинался так называемый «вращающийся корпус». Он имел уже полтора километра в поперечнике, с носовой частью его соединяла соответствующих размеров коническая муфта, поверхность которой серебрилась ажурным лесом антенн. Внутри этой переходной части размещалась система ориентации корабля.

Темные ромбовидные бронеплиты медленно проплывали перед взглядами офицеров, демонстрируя тысячи убранных внутрь обшивки надстроек, располагавшихся между тремя ребрами вращающегося корпуса. По торцевой части каждого ребра, на всю семикилометровую длину протянулись, чередуясь друг с другом плотно закрытые люки, двух конфигураций. Их предназначение не вызывало сомнений – это были диафрагменные порты орудийно-ракетных систем, чередующиеся с вакуум-створами стартовых шахт, предназначенных для старта малых кораблей поддержки и отделяемых посадочных модулей.

– Великий Космос… Это действительно «Альфа»… – Потрясенно произнес полковник Хоггинс (он в эту ночь являлся ответственным по

штабу) – Объявите общую тревогу! Свяжитесь с президентом Конфедерации и адмиралами флота!

Пока он отдавал запоздалые распоряжения, корабль продолжал свое неторопливое движение мимо станции, и теперь в фокусе передающих систем постепенно перемещался двухкилометровый трезубец ходовых секций плазменной тяги.

Данная часть «Альфы», так же как и носовая полусфера, не вращалась. Нос и корма были соединены между собой конструктивным валом, который являлся осью симметрии колониального транспорта и совершал медленные обороты в сторону, противоположную вращению внешней обшивки, позволяя тем самым носу и корме корабля оставаться неподвижными.

Три сегмента ходовых установок располагались под углом в сто двадцать градусов, образуя симметричную пространственную вилку. Каждая секция оканчивалась тусклым коническим соплом, названным так по аналогии с древними выходными отверстиями жидкотопливных ракетных двигателей.

Разница между ними заключалась в том, что «дюзы» Альфы имели порядка двухсот метров в поперечнике, и в рабочем режиме из них из них вырывались отнюдь не продукты химического сгорания реактивного топлива, а плазма, образованная в результате управляемой термоядерной реакции синтеза гелия, что позволяло «Альфе» разгоняться до околосветовых скоростей.

Топливом кораблю служил водород.

Не секрет, что понятие вакуум, применительно к межзвездной среде, неверно и давно превратилось анахронизм, – на самом деле пространство между звездами не является пустотой, оно наполнено разреженными атомами водорода, частичками пыли, формами излучений. Исходя из этого знания двигательные секции «Альфы» были снабжены электромагнитными уловителями, которые после окончания разгона могли собирать некоторую часть водорода прямо из космического пространства.

…

В корме постепенно удаляющегося корабля внезапно вспыхнули три ослепительных, нестерпимых для глаза солнца.

Это заработали термоядерные реакторы «Альфы».

Корабль ускорялся, покидая точку гиперпространственного перехода, который был осуществлен при помощи состыкованных с колониальным транспортом шести конвойных носителей эпохи Первой Галактической, которые конструировались для транспортировки через гиперсферу

поврежденных крейсеров Альянса.

Теперь они медленно уплывали прочь от исполинского корабля, который начал плавный разворот, выходя на первый виток орбиты вокруг Везувия.

– Внимание сигнал! – Дежурный офицер оторопело смотрел на данные сканирования, переданные со станции расположенной по другую сторону планеты. – Тройственный сигнал, с масс-детекторов, расшифровка телеметрии указывает на крейсера Альянса. Идут в боевом построении встречным орбитальным курсом!

– Сэр, мы можем затребовать из архивов характеристики несущей частоты и позывные «Альфы»

– Отставить. – Губы Хоггинса исказила недобрая улыбка. – Работаем в режиме записи.

* * *

– Капитан, сенсоры фиксируют возмущение гравиполя! Три объекта на масс-детекторах! Предварительная оценка сигнала соответствует параметрам крейсеров, движущихся в боевом построении!

Фрайг… Они опередили нас.

– Контейнеры с нанопылью катапультированы!

– "Нибелунги" первой волны докладывают о готовности к старту. Вакуум-створы открыты!

Миг, когда он должен принять первое, возможно уже необратимое решение.

– Рейчел на встречных курсах три крейсера противника. Вы успеваете проскочить зону низких орбит до их появления. Я разрешаю старт.

Ничего уже нельзя было обернуть вспять.

Да никто и не собирался делать этого, лишь задача усложнялась до крайности.

Кох. Это вне сомнения он. Только люди его ведомства были способны проникнуть на Везувий и спровоцировать выход крейсеров в околопланетное пространство. Он играл наверняка, не пренебрегая крупными козырями.

Флот Окраины был обречен сразу по выходу из гиперсферы. И только появление «Альфы», которое никто не мог предугадать, было способно сломать этот дьявольский план.

– Корабль к бою! Истребителям прикрытия образовать защитное построение. Навигационная рубка – срочный расчет траверс-маневра с уклонением от низких орбит!

Полуэктов отдавал приказы, понимая, что у них остались считанные минуты, чтобы встреть противника не беззащитной носовой частью, а вращающейся частью корпуса, где было расположено девяносто процентов всего вооружения «Альфы».

Три ощутимых толчка возвестили о старте «Нибелунгов».

Одновременно с этим нестерпимый свет залил экраны обзора правого борта.

– Внимание, начат траверс-маневр. Расчетное время работы двигателей коррекции – две минуты.

– Докладывает полковник Рощин. – Голос в коммуникаторе слегка дрожал. – Мы видим их. Система опознавания целей определила тяжелый крейсер «Аид». Ведомая пара два ракетных носителя класса «Химера».

– Внимание, маленькие, сохранять строй. Шестьдесят четыре секунды до завершения разворота. Прикройте нас от первого ракетного залпа!

– Понял. Исполняю!

У Вадима Петровича появилось ощущение холода в груди. Это был не страх, а предчувствие рока.

– Тридцать секунд. Орудийные порты открыты. Стартовые шахты противоракет в режиме ожидания целей. Противник следует прежним курсом. Дистанция сорок тысяч километров.

Почти вплотную.

В этот момент два носителя, сопровождающие «Аид», осветились множественными вспышками массированного ракетного залпа.

* * *

Три «Нибелунга» стремительно снижались. Контейнеры с нанопылью уже прошли зону клубящейся облачности и начали сброс наномашин.

Рейчел украдкой посмотрела на Антона.

Беглов поймал ее взгляд и улыбнулся. Сквозь закрытое забрало гермошлема его лицо казалось далеким.

Штурмовой носитель начало ощутимо трясти. Над зоной плотных вулканических облаков неистовствовали ураганные ветра.

Ведущий «Нибелунг» опережал ведомую пару почти на километр, он первым вышел в зону свободного сканирования, и тот час сквозь треск помех на несущей частоте раздался возглас его командира:

– Нас ждут! Наблюдаю три десятка «Фалангеров». Уклоняйтесь, я начинаю десантирование серв-машин. Передаю координаты безопасной

точки приземления!

На дисплее перед Рейчел появилась карта района, над которым продолжал снижаться головной носитель; с его аппарели, опираясь на мощные струи реактивных двигателей, вниз в вязкую тьму царившей над этим полушарием ночи, уходили «Фалангеры» десантного подразделения.

В пятидесяти километрах к югу, среди молодых вулканических гор сенсоры распознали ровную площадку небольшого плоскогорья, и обе ведомых машины синхронно изменили курс.

Антон схватил Рейчел за руку.

– В рубку! – Он указал на открытый люк «Хоплита».

Она мгновенно поняла его мысль. Если их собьют, то останется мизерный шанс уцелеть, под защитой брони серв-машины.

– Постоянно держи связь со мной! – Антон уже взбирался в рубку «Фалангера».

Ведущий «Нибелунг», успешно десантировав серв-соединение, внезапно круто накренился к земле, и его бортовые ракетные установки озарились сполохами беглого огня.

Навстречу, от стремительно приближающейся земли, к нему тянулись точно такие же огненные росчерки ракетного залпа.

Еще секунда и две нестерпимо-яркие серии разрывов одновременно расцвели в небе и на земле.

– Ведомый-два. Я подбит. Снижаюсь!

– Первый взвод, вступил в огневой контакт с противником. Связь с базовым кораблем отсутствует. Предайте: нам необходима помощь истребителей!

Рейчел до боли закусила губу.

Сейчас она не могла ничего, только ждать, когда посадочные опоры «Нибелунга» коснуться тверди Везувия.

* * *

События в космосе разворачивались не менее стремительно и драматично.

Залп сопровождавших «Аид» ракетных носителей выбросил в пространство сто двадцать боеголовок, которые устремились к «Альфе».

– Внимание маленькие, идем на перехват! – Это был голос полковника Рощина.

– Атакующие цели под углом в шестьдесят градусов! Работают

противоракетные комплексы первой палубы!

Броню «Альфы» осветили частые, режущие глаз вспышки.

– Осевой привод, поворот на сто двадцать градусов. Второй палубе приготовиться к запуску!

– Мы в атакующем конусе «Аида», наблюдаю работу суппортов. Крейсер выдвигает боевые надстройки лазерных установок.

– Шестьдесят процентов атакующих целей поражены. Истребители прикрытия начали атаку на носители!

Глухой толчок, сопровождаемый вибрацией, возвестил о том, что вал центральной оси «Альфы» повернулся и встал на фиксаторы.

– Вторая орудийная палуба – огонь!

Судорога запусков потрясла корабль.

– Восемьдесят процентов атакующих целей поражены!

…

Полковник Рощин вел истребители в атаку.

Он не думал о смерти, однажды пережив ее ужас, он не закопмлексовался на посттравматических ощущениях. Нет. Сейчас его чувства были абсолютно иными – чистыми, без той свинцовой усталости, что окутывала разум во время прежних боев.

Он впервые поверил в искренность человека, пославшего его навстречу огромным кораблям противника. Поверил, что это сражение *справедливо.*

Израсходовав тактический запас противоракет, он направил эскадрильи «Фантомов» в атаку на носители.

– Внимание всем, цель «Химера-1». Передаю данные по конусам атаки.

Маленькие стремительные, неуловимые для сенсорных систем «Фантомы» неслись навстречу громаде корабля. С дистанции в две тысячи километров они обозначили себя длинными режущими снарядными трассами, выпущенными из вакуумных орудий, работающих в режиме беглого огня.

Космические скорости не предполагают долгих задержек при такой дистанции атаки, и Рощин, отворачивая в сторону, отчетливо увидел, как снарядные трассы вгрызаются в броню исполина, прожигая бронеплиты, разбивая закрывшиеся на перезарядку люки ракетных шахт, сбивая ажурные элементы систем навигации.

Атака семи эскадрилий «Фантомов», осуществленная по всем правилам боевого искусства, не оставила носителю ни единого шанса на продолжение боя, – когда последняя из машин отвернула в сторону, выходя

из конуса атаки, «Химера-1» представляла собой жалкое зрелище: пробитая во многих местах обшивка извергалась декомпрессионными выбросами внутренней атмосферы, пространство вокруг атакованного корабля было заполнено обломками бронеплит, фрагментами механизмов, вырванными из стартовых стволов, беспорядочно кувыркающимися ракетами.

Рощин оценил состояние боевых систем. Ракетный запас израсходован, орудийные погреба пусты.

– Маленькие, переходим на лазерное вооружение. Цель – «Химера-2»

В этот момент ракетный носитель, двигавшийся по правому траверсу «Аида», вновь озарился ракетным залпом.

* * *

– Девяносто процентов атакующих целей уничтожено.

– Единичные попадания в зону управляющих палуб. Декомпрессия пятого и седьмого отсеков. Аварийные группы выдвигаются.

«Альфу» трясло.

Первый ракетная атака была отбита с минимальными повреждениями.

– Поворот по си симметрии. Ракетным комплексам третьей палубы разобрать цели! Начинаем атаку на подсистемы «Аида»!

Полуэктов не узнавал собственного голоса. Он отдавал краткие распоряжения так, будто всю жизнь командовал этим огромным кораблем, с которым уже успел сродниться за считанные минуты, прошедшие с начала боя.

– Внимание докладывает пост слежения. Наблюдаю массированный залп со стороны «Химеры-2».

Гигантский вал «Альфы» уже пришел в движение, а в ракетных шахтах третьей палубы были заряжены многотонные реактивные снаряды класса «космос-космос».

Вадим Петрович ощутил ледяную каплю пота, предательски скользнувшую вдоль позвоночника.

Им нечем ответить на залп.

– Третий палубе, подтверждаю: цель – подсистемы «Аида». Орудийным комплексам – беглый заградительный огонь!

* * *

Над лавовыми равнинами Везувия мелькали частые стробоскопические вспышки, – это десантное подразделение серв-машин вступило в неравный бой с противником, позволяя двум «Нибелунгам» уйти на безопасное расстояние.

– Ведомый-два теряю высоту. Ухожу на аварийную посадку.

Где же «Альфа»? Почему нет истребителей прикрытия?

– Внимание, мы над заданным квадратом! Начинаю маневр снижения. Приготовиться к касанию!

В этот момент, когда единственный прорвавшийся к плато штурмовой носитель начал разворот над избранной для посадки площадкой, внизу из-под обрыва появился взвод «Фалангеров». Очевидно, машины стояли с погашенными реакторами, до последнего момента скрывая свое присутствие, но активная цель, промелькнувшая в небесах планеты, не могла остаться без внимания со стороны «Одиночек».

Им потребовалось меньше минуты, чтобы выйти из укрытия и занять выгодную позицию для обстрела плато.

Пилот «Нибелунга» заметил их, но уже было слишком поздно предпринимать что-либо, – посадочные опоры находились всего в полуметре от твердой поверхности, когда в борт носителя ударили выпущенные «Фалангерами» ракеты.

Страшный взрыв потряс корабль.

Рейчел вдруг ощутила как пол и потолок рубки управления «Хоплита» меняются местами – это штурмовой носитель опрокинуло набок и перевернуло взрывной волной.

– Антон? Ты жив?

– Жив. В нас попали. Активируй приводы, нужно выбираться наружу.

– Как? Аппарель заблокирована.

– Сейчас проверю. Здесь должны быть аварийные системы сброса серв-машин.

Он оказался прав.

– Рейчел, мы можем выбраться. Включи аварийный автопилот. Я покидаю корабль первым, ты за мной. Пока не бери управление, пусть работает автоматика.

– Поняла.

Она нашла взглядом нужные сенсоры активации и поочередно коснулась их.

Что-то гулко взвыло в недрах «Хоплита», затем она ощутила, как огромная серв-машина совершает сложные движения, сопровождаемые лязгом и стонущим скрежетом раздираемого металла.

На экранах рубки управления мелькали исковерканные фрагменты десантного отсека, освещенные тусклым красноватым светом аварийных ламп.

На фоне скрежещущих звуков внезапно раздался грохот, – это целая секция обшивки, освобожденная от фиксаторов, рухнула, плашмя упав на поверхность плато.

«Хоплит» Рейчел уже стоял напротив образовавшегося отверстия. Мимо, закрывая обзор, медленно прошествовал «Фалангер» Беглова, остальные машины, зажатые смятыми, деформированными переборками, не подавали признаков активности. Вряд ли они были серьезно повреждены, от ракетных попаданий пострадала в основном обшивка «Нибелунга», но освобождать основной состав серв-соединения сейчас было некогда – главной задачей для Рейчел оставалась связь с нанопылью, и передача данных на борт «Альфы».

– Я вышел. – Раздался в коммуникаторе голос Антона. – Начинай движение.

Рейчел отдала мысленную команду киберсистеме «Хоплита», и изображение на экранах дрогнуло, мимо промелькнул толстый срез обшивки «Нибелунга», на верхних секциях отобразилось багряное небо Везувия.

– Двигаемся к скалам. Подальше от края плато. Внизу машины противника.

– Хорошо. Я буду следовать за тобой.

Рубка «Хоплита» мерно качнулась. Огромные ступоходы машины с ощутимой вибрацией делали огромные шаги, гулко впечатывая каждый такт работы серводвигателей в каменистую почву плоскогорья.

– Думаю, тут будет безопасно. – Машина Антона остановилась подле скалы. – Сейчас мы с тобой покинем рубки, и отправим «Хоплита» назад, освобождать других. – Антон развернул своего «Фалангера» и в этот миг из-за далекого обрывистого края плато, по крутой баллистической траектории ударил точно рассчитанный ракетный залп.

– К скале!

Рейчел не понимала что происходит. Ее машина, подчиняясь внешней команде, резко шагнула вперед, а «Фалангер» Беглова вдруг оказался сзади, закрывая своей рубкой линию огня.

Она ощутила сильнейший удар, за которым последовал адский грохот.

«Хоплита» швырнуло вперед, ударило о скалу и опрокинуло, но система самостабилизации тут же начала поднимать машину…

– Антон!!! – неистово закричала она, срывая с груди крепления пилот-

ложемента.

Рейчел практически не осознавала того, как выбралась из рубки.

«Фалангер» Беглова стоял вплотную к скале, его рубка дымилась уродливыми пробоинами, из которых торчали длинные, исковерканные хвостовые части двух неразорвавшихся ракет.

– Антон…

Ее губы дрожали, руки не слушались голову, будто окатило кипятком…

Рейчел рванулась к опасно дымящей серв-машине, открыла аварийный люк и оказалась в развороченной рубке управления.

Антон сидел, безвольно свесившись из кресла пилот-ложемента. Его бронескафандр был зажат между двумя деформированными корпусами чудом не разорвавшихся ракет, и Рейчел совершенно обезумев в эти мгновенья, бросилась к нему, расстегнула страховочные ремни, потом с усилием вытащила тело Антона из объятий исковерканного кресла.

Единственное, что вселяло в нее надежду, была слабая зелена искра индикации работающей системы жизнеобеспечения, которая преданно тлела на внутреннем ободе треснувшего от удара забрала гермошлема.

* * *

Президента Конфедерации Солнц Шейлу Норман разбил ночной вызов по линии связи с генеральным штабом флота.

Она быстро встала с постели, и не тревожа охрану включила персональный компьютерный комплекс.

В объеме голографического монитора появилось незнакомое лицо дежурного офицера.

– Капитан Риган, госпожа президент.

– В чем дело?

– Чрезвычайное происшествие в системе Везувия.

– Точнее?

– Там идет бой.

– Но флот Окраины сейчас должен находиться в гипепрыжке!

– Боевые действия не связаны с флотом Окраины. Информация по Везувию оказалась ложной. Кто-то выдал Совету Безопасности стопроцентную дезинформацию.

– Объясните толком, капитан, кто и с кем ведет бой?!

– Это колониальный транспорт «Альфа», госпожа президент. Он

появился в точке гиперсферного всплытия системы на пять часов раньше корпоративного флота, и тут же подвергся атаке со стороны крейсерской группы Альянса.

– Как это возможно капитан?! Станции слежения не могли пропустить незамеченными боевые единицы реликтового флота!

– Боюсь, здесь присутствует акт саботажа работы следящих комплексов. Крейсер «Аид» и два ракетных носителя класса «Химера» скрывались подле одной из наших станций.

Шелла Норман нахмурилась.

– Где полковник Хоггинс? Мне кажется он сегодня ответственный по штабу флота?!

– Сожалею, но он не может сейчас разговаривать с вами.

– Почему?

– Согласно инструкции я приказал арестовать полковника Хоггинса за преступное бездействие. Не смотря на мои неоднократные просьбы, он отказался предупредить «Альфу» о существующей засаде. Сейчас колониальный транспорт ведет бой с «Аидом».

Шейла размышляла всего несколько секунд.

– Вы поступили правильно капитан. Всю информацию о происходящем в системе Везувия на мой личный терминал. Всю, до последнего байта!

– Слушаюсь.

– Вы объявили тревогу?

– Две минуты назад.

– Отлично капитан. С этого момента все доклады и распоряжения только через мой компьютерный комплекс. Я беру ситуацию под личный контроль. Через десять минут весь оперативный состав штаба флота должен находиться на виртуальной линии связи. Действуйте.

* * *

Десять минут.

Это мало по меркам далеких мирных планет.

И в тоже время – вечность, способная изменить ход событий.

Повторный ракетный залп настиг «Альфу» на семнадцатой минуте боя. Только половина выпущенных боеголовок была сбита заградительным огнем орудийных комплексов,

Казалось, что участь первого колониального транспорта Земли

предрешена, но ни один конструктор или тактик не полагал, что крейсерам Альянса когда-либо придется сойтись в открытом бою именно с «Альфой»

– Зона заградительного огня пройдена. Тридцать секунд до разделения боевых частей!

В этот момент стартовые шахты колониального транспорта извергли в космос семьдесят сверхтяжелых ракет класса «космос-космос».

Компьютеры их головных частей по своей мощности, простоте и быстродействию могли поспорить с бортовыми навигационными системами иных истребителей, каждая боеголовка была нацелена на строго определенную подсистему «Аида», который медлил с лазерным залпом, дожидаясь эффекта от попадания прорвавшихся сквозь заградительный огонь ракет.

Это были роковые мгновенья схватки, которые, как выясниться позже, уже транслировались в штаб флота на Элио в режиме он-лайн.

Вадим Петрович напряженно следил за траекториями запуска.

Пульс глухо бился в висках, отсчитывая секунды, оставшиеся до массированного попадания боеголовок противника.

Наконец, стартовавшие ракеты ушли на достаточное расстояние от выпустивших их шахт, и Полуэктов, для которого пять секунд показались настоящей вечностью, отрывисто скомандовал:

– Вращение на корпус! Полная мощность! Орудийным палубам огонь по самостоятельному выбору!

Все было готово к этому моменту, лишь воля командира удерживала механизмы, готовые отдать всю свою мощь ради спасения корабля.

Семь километров внешней обшивки с тремя ребрами автономных палуб пришли в стремительное движение вокруг оси симметрии корабля, позволяя противоракетным комплексам первой и второй очереди разрядиться с интервалом в две секунды.

Беззвучные вспышки сверкали в какой-то сотне километров от обшивки «Альфы».

И все же часть боеголовок прорвались даже сквозь этот внезапно появившийся заслон, однако единичные попадания смогли повредить лишь два небольших отсека.

В этот момент на боевой частоте связи раздался хрипловатый голос полковника Рощина:

– "Химера-2" обезврежена. Потери личного состава – тридцать процентов. Ложимся на обратный курс. Требуется полная смена боекомплекта.

– Вас понял. Вакуум-створы будут открыты.

…

Космическое пространство между двумя кораблями уже зримо заполняло множество обломков, от сбитых ракет, уничтоженных истребителей, рассеченной надвое лазерным залпом «Аида» станции слежения Конфедерации Солнц, и двух изуродованных, носителей, не сумевших отразить массированные атаки «Фантомов».

Истребители уже сблизились с «Альфой», и попарно исчезали в открывшихся им навстречу вакуум-створах, когда тяжелые ракеты колониального транспорта, прорвавшись сквозь противодействие крейсера, ударили по подсистемам «Аида».

Зрелище подавляло разум.

Неистовые вспышки ядерного распада озаряли броню крейсера, испаряя выдвинутые в космос боевые надстройки лазерных комплексов, сметая антенны локационных систем, выжигая в броне титана огромные дыры, из которых мутными фонтами били облака декомпрессионных выхлопов.

Казалось, в космосе бушевала вспышка новой звезды, а когда сенсорные системы «Альфы», ослепленные буйством энергий, вновь обрели способность воспринимать окружающее пространство, то Вадим Петрович увидел, что навстречу колониальному транспорту сквозь поле обломков движется уже не боевой крейсер Альянса, а две его половины, светящиеся, будто только что извлеченные из мистического кузнечного горна.

– Орудийным палубам отбой… – Облегченно выдохнул он в коммуникатор.

* * *

Багряная ночь разлилась над Везувием.

Рейчел не умела молиться, но ее душа полная горя и отчаяния стремилась сейчас ввысь к небесам.

Низкие клубящиеся облака роняли лениво кружащие в воздухе хлопья вулканического пепла, словно шел серый снегопад.

Сбитый «Нибелунг» уже не горел, лишь ленивые струйки дыма высачивались из многочисленных пробоин. «Фалангер» Беглова, которого пригвоздило ракетным залпом к отвесной скале, был похож в сюрреалистических красках ночи на распятое чудовище.

Рейчел всхлипнула, проведя рукой по слипшимся от крови волосам

Антона.

– Ты тут, милая… – В полузабытьи прошептал он.

– Тут, любимый. Потерпи. Автодок справиться с твоим ранением, вот увидишь.

Похоже, он вновь потерял сознание.

Все. Все кончилось едва начавшись. На что надеялись они, бросая вызов этой неисчислимой армии бездушных механизмов?

Рейчел теряла контроль над своими эмоциями. Она слишком отчетливо видела, как внизу на равнине выстраиваются в боевые порядки сотни серв-машин.

Почему они не стреляют? Может, их сенсоры не видят двух людей, что притаились у отвесной скалы на ровной площадке небольшого плоскогорья? Или считают их слишком ничтожными целями, чтобы тратить боезапас?

Она установила связь с наномашинами и видела огромные площади материков Везувия так же ясно, как собственную ладонь, но «Альфа» отчего-то находилась вне зоны действия ее имплантов..

Передатчики «Нибелунга» разбиты. Серв-машины заблокированы в десантном отсеке, а внизу все четче и четче проступают ровные формации приближающихся серв-соединений.

Еще немного и они начнут обстрел высоты, а потом, вероятно, пойдут в атаку…

Рейчел не думала о смерти.

Она уже успела пережить страшное свидание с ней, и теперь все ее мысли заполнила безысходная горечь.

Неужели бездушный сервоприводный металл вновь восторжествует над своими создателями? Почему так несправедлива судьба… или мы просто платим за безумную самонадеянность предков, создавших то, чем уже не могут управлять их потомки?

Разум мнемоника погружался в омут горьких мыслей, постепенно теряя самоконтроль. Боясь пошевелиться, чтобы не потревожить Антона, она не видела, как за ее ситной раскрылись механические лепестки странного устройства, которое не подавало никаких признаков функциональности в тот момент, когда она заметила его, вытаскивая Беглова из рубки подбитого «Фалангера».

Лепестки раскрылись и изнутри выдвинулись покрытые вздутиями штыри.

Разум мнемоника требовал связи, и ни одно кибернетическое устройство способное воспринимать машинный код, в который

преобразовывали мысли Рейчел ее импланты, не могло оставаться статичным, безучастным к столь однозначному требованию.

Она не могла знать, как выглядят древние мобильные устройства ГЧ связи.

Мысли Рейчел кружили, словно в омуте.

Хаотичные воспоминание замысловато накладывались на внутреннее видение реальности, но она не ощущала того, что полностью потеряла привычный контроль над компьютерными компонентами собственного рассудка, и импланты работают сами по себе, автоматически передавая всю гамму ее мыслей и чувств в окружающее пространство.

Мобильный генератор гиперсферных частот принимал поток информации и транслировал его… в бесконечность.

Внизу передовой отряд «Фалангеров» начал выпускать гидравлические упоры для стрельбы из ракетных установок.

…

Десятый энергоуровень гиперсферы.

– Смотри Сай, вот она вертикаль! – Голос Мета был взволнован.

– Где?

– Правее. Да смотри же!

Анри перевел взгляд в указанном направление и действительно увидел нечто странное – доступный лишь внутреннему восприятию мнемоника тугой энергетический смерч скользил по поверхности мертвой планеты, не тревожа при этом ни одного обломка от многочисленных, канувших в гиперсферу и потерпевших крушение кораблей.

Вращающийся столб энергии двигался наискось, мимо двух застывших в неподвижности «Беркутов»

– Сай… Я ничего не понимаю. Ты слышишь?

– Что?

– Это мысли… Клянусь Логрисом это мысли мнемоника! Вертикаль предает их!

– Да… Действительно я слышу…

– Мэт… Мэт, ты понимаешь, о чем она думает?! Эту девушку зовут Рейчел… Великий космос… Она на Везувии. Я воспринимаю образы серв-машин. Их сотни. Они готовятся к залпу…

– Сай, я слышу и чувствую много больше чем ты. Я читаю ее разум.

– Что это значит, Мэт?

– Нас предали. Обманули.

– О чем ты?

– О том галакткапитане, что прилетал на Дабог, к твоей матери. Это не

Земля желала пробуждения серв-машин Альянса. И адмирал Надыров тут не причем. Галакткапитан лгал. Лгал. А эти люди… Ты понимаешь, что они бросили вызов целой армии?

– Мэт…

– Сай, ты ведь понимаешь, о чем я говорю и думаю! Вспомни наш недавний спор о телепатическом контакте. Ты тоже видишь вертикаль и воспринимаешь мысли другого, третьего мнемоника. Значит, эта линия вертикального напряжения принадлежит Везувию, и сейчас она проходит поблизости от того места, где сидит Рейчел.

– И что? Что ты предлагаешь Мэт?

– Ты хорошо знаешь, что такое честь, Сай. Нас обманули. Использовали. Твой «Беркут» вновь оснащен оружием и сейчас служит лжецам.

– Ты судишь верно, но…

– Я мнемоник от рождения. Для меня нет тайн, кода разум другого человека открыт. Она раскрылась от горя и безысходности, понимаешь? Ее импланты в точности воспринимают подготовку «Фалангеров» к залпу. Эта девушка доживает последние минуты, как и ее любимый…

Анри Сай резко развернул торс «Беркута».

Вертикаль удалялась, но она двигалась достаточно медленно.

Открытая аппарель модернизированного «Нибелунга» была разложена в рабочее положение.

Они одновременно подумали об одном и том же.

– Связаться с ожерельем?

– Пусть катятся к Фрайгу. Я передаю данные своему отцу на Гефест. Он найдет способ связаться с президентом Конфедерации, Шейлой Норман. Если она санкционировала эту бойню… Нет она не могла…

– Но мы.

– Почему ты колеблешься Сай?

– Я просто не понимаю тебя.

– Извини. Я часто забываю, что рожден мнемоником.

– Теперь понятно. Чего мы ждем. К аппарели!

…

Вертикали.

Эти линии напряжения аномалии берут свое начало на поверхности планет.

Они пронзают гиперсферу, вливаясь в энергетический сгусток десятого энергоуровня, обладая свойствами, позволяющими материальным телам совершать мгновенные перемещения сквозь все уровни гиперсферы,

к той точке, где берет свое начало линия напряжения конкретной планеты.

Мет и Сай прекрасно знали об этом.

В момент невероятного нервного всплеска, когда они оба услышали мысли мнемоника, слова, обращенные друг к другу, отражали лишь сотую долю того, что было пережито и сказано на уровне прямой связи их рассудков.

Два «Беркута» взошли на аппарель, и механизм закрылся за ними. Они не стали покидать рубки управления серв-машин, лишь позволили дополнительным крепежным фермам зафиксировать торсы.

Прямая связь с рубкой управления «Нибелунгом» могла осуществляться и отсюда.

– Я беру управление. – Прозвучал голос Мета. – Сай, ты должен приготовиться. Когда мы покинем Вертикаль, я открою аппарель.

– Все ясно. Действуй Мэт. Я управляю «Беркутом» не от рождения, но с пяти лет это точно. Они мне не ровня.

* * *

«Альфа» разворачивалась к планете.

В ангарах обслуживающие механизмы закончили смену боекомплекта поредевших эскадрилий «Фантомов» и вакуум-створы стартовых камер вновь начали открываться, попарно выпуская малые корабли назад, в космос.

Обгоняя «Альфу» они перестраивались в боевые порядки и устремлялись к серой клубящейся атмосфере Везувия.

Вслед за ними стартовало семь «Нибелунгов».

Вадим Петрович обернулся к Рориху.

– Ты принимаешь сигнал от Рейчел?

– Я принимаю сигнал от сформированной ею сети наномашин. Вся поверхность Везувия как на ладони, но она лично не выходит на связь. Не отвечает ни один из трех штурмовых носителей. Скорее всего, они сбиты.

– Я не верю, что она погибла. Кто-то ведь поддерживает сеть!

– Ты прав. Я то же считаю, что Рейчел жива, но у нее нет связи.

– Значит нужно действовать быстрее! У нас есть цели для бомбометания?

– Более чем. – Рорих перевел изображение на монитор командира. – Сеть наномашин охватывает девяносто процентов площади Везувия.

Полуэктов несколько секунд смотрел на изображение, передаваемое

облаками нанопыли, а затем уверенно произнес:

– Она там, на плоскогорье. Ты понимаешь, что это значит, Эрни? Смотри вот сбитый «Нибелунг», внутри сенсоры фиксируют зажатые переборками серв-машины. Это единственная цель доступная сканерам близлежащих боевых соединений Везувия, потому и они сгруппировались подле плато, чтобы начать его методический обстрел, так как не могут взобраться по отвесным стенам плоскогорья.

– Нужно наносить удар.

– Пытайся связаться с Рейчел или Бегловым. Кто-то из них обязан ответить. – Вадим Петрович переключил канал связи:

– Истребители?

– Вошли в атмосферу. – Ответил коммуникатор голосом Рощина – Ожидание координат целей!

– Штурмовые носители?

– Прошли зону низких орбит. Готовы начать десантирование серв-подразделений через восемьдесят секунд. Ждем координаты целей для атаки.

– Отсеки бомбометания доложить готовность!

– Ожидаем координаты.

Так получите их – с необъяснимой внутренней яростью подумал он, касаясь сенсора передачи данных.

* * *

Рейчел понимала, бесполезно искать укрытие. Тяжелые ракеты «Фалангеров» обратят в щебень все окрестные скалы.

Помощь не успеет.

Она сидела, машинально гладя ладонью щеку Антона, и смотрела вдаль, туда, где темная поверхность Везувия сливалась с багряными облаками.

Странные видения приходят за минуту до смерти.

Она видела, как по равнине движется нечто, схожее со смерчем. Однако это был плод воображения – глаза не видели этого непонятного столба, если только он не состоял из энергии.

Что за ненужные, глупые мысли…

Она хотела в последний раз взглянуть в бледное лицо Антона и вдруг…

Энергетический смерч, который двигался в полукилометре от края

плоскогорья, внезапно затуманился, потерял очертания, и…

Рейчел в первый момент не поверила ни собственным глазам, ни показаниям имплантов.

На высоте сотни метров прямо над строем изготовившихся к залпу серв-машин возник нечеткий силуэт «Нибелунга».

Прошло несколько секунд, и корабль-призрак обрел полную материальность.

Рейчел ты меня слышишь?

В этот миг она не поверила ни одному своему чувству.

С ней пытался заговорить *мнемоник!*

Машины внизу пришли в движение, очевидно, что их сенсоры зафиксировали появление штурмового носителя, и системы распознавания целей тут же сменили приоритет, сочтя появившихся в небесах корабль намного более опасной и значительной целью чем изуродованный, отброшенный от края плато «Нибелунг» с небоеспособным серв-соединением на борту.

Это была роковая ошибка с их стороны.

Штурмовой носитель двигался с невероятной скоростью, он заложил крутой вираж, приближаясь к краю плоскогорья, одновременно открывая десантную рампу, откуда опираясь на струи реактивных двигателей, вдруг появилась странная машина, в которой изумленный взгляд Рейчел с трудом узнал легендарного «Беркута» – серв-машину с планеты Дабог…

Это казалось сном, наваждением, но голос в рассудке звал ее все настойчивее, и она, наконец, поверила, потянулась навстречу, моля об одном:

Связь... Кто бы ты ни был, мне нужна связь с «Альфой»!…

Штурмовой носитель и покинувший его «Беркут», разрядив ракетные комплексы в скопление серв-машин, коснулись поверхности плато почти одновременно.

Посмотри на небо, Рейчел. – Коснулся ее разума тот же незнакомый голос.

Она подняла глаза и увидела, как, разрывая плотный полог облаков, в багряных небесах Везувия падают звезды.

Сотни стремительных падучих звезд. Одни из них расходились веером, озаряясь частыми вспышками работающих орудий, иные двигались вглубь материка, сбрасывая похожие на факелы, объятые огнем реактивных двигателей серв-машины десантных подразделений, а третьи… Они просто падали, точно на скопившихся подле плоскогорья «Фалангеров» противника.

Секунду спустя земля содрогнулась от серии невероятно мощных взрывов, но не успело опасть их пламя, как сквозь клубящиеся облака дыма и пыли, навстречу выброшенной вверх земле, смешанной с обломками серв-машин, эскадрилья за эскадрильей начали пикировать «Фантомы», завершившие боевой разворот.

Везувий извергался, но это было *очищение огнем*.

…

Далеко от поверхности планеты, в черноте космического пространства один за другим начали появляться призрачные силуэты всплывающих из пучин гиперпространства кораблей.

Это был флот Окраины, опоздавший, к своему счастью ровно на пять часов.

…

Антон Беглов открыл глаза.

Рейчел сидела рядом, бережно поддерживая его голову своими руками.

Странно, что на мне нет гермошлема, – подумал он, когда горячие сухие губы девушки коснулись его щеки.

* * *

Виртуальное пространство скрипториума. Две недели спустя…

Есть категория встреч, которые невозможно вписать в рамки существующих протоколов.

Вадим Петрович Полуэктов прекрасно понимал это. У президента Конфедерации Солнц нет повода для личных встреч с временно не работающим гражданином планеты, не входящей в содружество миров.

И, тем не менее, они должны были встретиться, чтобы расставить все точки над "и".

Сеть Интерстар как нельзя более подходила для подобного рода мероприятий.

Они медленно шли по широкой дороге, меж экспонатов, отражающих историю развития трех рас.

– Я рассмотрела ваши предложения Вадим Петрович и нашла их приемлемыми. Конечно, Земля не может войти в состав Конфедерации без длительной предварительной подготовки, но фактическая расконсервация Линии Хаммера и появление серьезных промышленных групп на Везувии, несомненно, окажут самое благотворное влияние на восстановление

экономики нашей общей прародины.

– Спасибо за последнюю фразу госпожа президент. Мне не часто доводилось слышать именно такую формулировку. – Ответил Полуэктов своей собеседнице. – Надеюсь, проект «Юнона» не встретит возражений со стороны Совета Безопасности миров?

– Думаю, мы урегулируем данный вопрос в кратчайшие сроки. В конечном итоге, по законам Конфедерации планета принадлежит вашей группе, зачистившей ее от потенциально опасных кибернетических форм. Что касается «Одиночек», то комиссия Совета Безопасности на ближайшем заседании рассмотрит ваше предложение о совместной сортировке накопленных кристалломодулей по тесту «Линии Огня». Все посмертные матрицы сознания пилотов доказавших свою человечность, получат право на дальнейшее саморазвитие, пока что в рамках одной планеты. Вас устраивает такое решение?

– Вполне. – Согласно кивнул Вадим Петрович. – В ответ мы снимем все претензии к ведомству разведки, по поводу организации широкомасштабной провокации, направленной против суверенитета Земли.

– Мудрое решение с вашей стороны. Я обещаю, что виновные понесут наказание.

– Можно дать вам один совет?

– Да? – Шейла остановилась, внимательно посмотрев на Вадима Петровича.

– Это касается проблемы инсектов. Герхард Кох практически нашел решение, но подошел к его реализации не с той стороны.

– Не совсем понимаю, о чем вы?

– Инстинкты. В сообществе инсектов все-таки доминирует общественный разум. Если в древнем языке насекомых специалистам Коха удалось найти понятие, отвратившее наших братьев по разуму от самой мысли организовывать новые поселения на планетах, то почему не воспользоваться аналогичным ходом, придав ему позитивный оттенок? Насколько я знаю, современные средства телекоммуникаций все глубже проникают на планеты скопления О'Хара, а грамотная реклама – это сильнейшее оружие. Инсектов не нужно загонять на просторы полуразрушенной Сферы, гораздо проще сделать так, чтобы они сами загорелись желанием вернутся, и восстановить утраченные знания, жизненное пространство, а вместе с ним и величие своей цивилизации.

Шейла Норман посмотрела на Полуэктова и вдруг улыбнулась.

– Вы мудрый человек, Вадим Петрович. Мудрый и мужественный. Мне было приятно встретиться с вами.

Она коснулась его руки и, развернувшись, медленно пошла к выходу из скрипториума.

Полуэктов долго смотрел ей вслед, думая о том, что завтра вновь вернется на Юнону, войдет в удивительное пространство планеты, где день за днем будет открывать что-то новое, неведомое, доброе, вопреки всему сумевшее прорасти на страшных обломках далекой войны.

Его ждали там Беглов, Рейчел, Скарм, Доброхотов, Ваби, Рорих, Мерфи и еще тысячи пока незнакомых, не названных по имени «Одиночек».

Тех, кто *провалил* тест «Линии Огня» доказав, что душа – понятие неизменное.

Глава 10.

Страшно, когда надламываются сильные, логичные люди.

Герхард Кох понимал: он должен уйти в отставку. На последнем приеме, который устраивала президент Конфедерации Солнц, он получил от нее прозрачный намек, на недопустимость методов воздействия на межпланетную и межрасовую политику, что систематически допускало главное разведуправление.

Она не обвинила его напрямую, но дала понять, что ей известны все детали провалившейся спецоперации, последствия которой вторую неделю смаковала галактическая пресса, и пытались осмыслить правительства большинства обитаемых миров.

Флот Окраины безболезненно высадился на Везувии, а Юнона после долгих прений в Совете Безопасности все же получила особый статус, – таким образом, Линия Хаммера, сохранявшая свою незыблемость более тысячи лет, оказалась порвана.

В данный момент Кох заперся в своем кабинете.

Нет, он не собирал немногочисленные личные вещи, – просто сидел, в мрачной задумчивости глядя на изменившуюся голографическую карту Обитаемой Галактики.

Впервые за многие годы его душила обида. Конечно, за срыв операции такого масштаба по шерстке не гладят, но Шейла Норман должна была понимать, что ни в одном действии Коха не присутствовало личных мотивов или амбиций, он действовал исключительно ради оздоровления системы галактического сообщества.

Теперь та самая система виделась ему несколько иначе.

Впервые за последние годы он допустил чувства в безупречную логику рассуждений, и все… Герхард вмиг перестал мыслить – он начал ненавидеть.

В тот вечер он не предпринял ничего, но последующая неделя, посвященная формальной «передаче дел» своему заместителю, все же окончательно надломила его.

Рухнул идол, которому он служил. Термин «Конфедерация» потускнел, словно на некий символ плеснули кислоты.

Хорошо… – думал Герхард. – Пусть будет так.

Он никогда не признавался себе, что тщательно душит, скрывает свои чувства. А ведь они были. На протяжении всей карьеры, только он не давал

им воли, удерживая свой рассудок в рамках беспристрастного отношения *к делу*.

Вечером в пятницу, прежде чем уйти из здания генерального штаба он спустился в расположенный под ним бункер.

Формально никто не мог воспрепятствовать ему – заявление об отставке попадет в руки президента Конфедерации лишь на следующий день утром, а пока он оставался Директором, перед которым открыты если не все, то большинство дверей.

Систему сканирования он обошел с легкостью профессионала, и спустя четверть часа уже возвращался назад, унося в плоском, изолированном от проникающего излучения кейсе четыре кристалломодуля.

В сейф, находившийся на нижних горизонтах бункера, он положил точно такие же, только чистые, без единого байта информации.

Вряд ли этих раритетов кто-то хватиться в ближайшие годы, а если и так, он просто пожмет плечами, давая понять, что не имеет к исчезновению данных никакого отношения, – время беспощадно, и особый гриф – «хранить вечно» – это далеко не гарантия, что информация на модулях не может пострадать в результате множества естественных причин…

Он не стал заходить в кабинет, а прямиком направился домой.

* * *

Юнона.

– Ты серьезно хочешь сделать операцию, Антон? – В голосе Рейчел сквозило неприкрытое беспокойство.

– Да, милая. И не нужно отговаривать. Я хорошо подумал.

– Мог бы предварительно проконсультироваться со мной. В конце концов, я мнемоник и могу многое пояснить тебе.

– Вот именно поэтому я и не стал заранее тревожить тебя.

– Антон, ты ведь уже не ребенок. Твоя психика сформирована и может попросту не выдержать…

Беглов ласково обнял Рейчел.

Они стояли неподалеку от площадки строящегося жилого поселка. Война оставила на Юноне лишь подземные бункера, все остальное представляло собой либо руины, либо трудно проходимые заросли. За тысячу лет здесь сформировалась своя уникальная система, которую уже нельзя было назвать привычным термином «экологическая».

Часть кибернетических механизмов, уцелевших после орбитальных бомбардировок, продолжали функционировать, а если быть точным в определениях – жить, ибо везде можно было наблюдать следы их борьбы за существование, саморазвития, которое порой принимало самые причудливые, непредсказуемые формы.

– Странно. – Произнесла Рейчел после долгой паузы.

– Что странно? – Переспросил Антон

– Наш мир меняется. Ты собираешься имплантировать себе кибернетические модули, Мерфи наоборот, грезит о том дне, когда в его схему введут биологические компоненты. Все смешалось.

– Каждый стремиться к совершенству, – философски ответил Антон. – Но всякий видит его по-своему.

– Тогда объясни, зачем тебе дополнительные импланты, милый? Ты считаешь, что станешь от этого лучше, совершеннее?

– Я люблю тебя, Рейчел. И хочу, чтобы мы с тобой имели единое мироощущение.

– Так вот в чем дело? – Она нарочито нахмурилась. – Считаешь себя ущербным, да? Глупенький.

Беглов улыбнулся краешком губ.

Странное ощущение – любовь. Особенно когда оно приходит внезапно, и ты понимаешь, что мир вокруг меняется, уже совершенно не укладываясь в рамки прежнего жизненного опыта.

Чувство, возникшее между ним и Рейчел, представлялось Антону чем-то хрупким, неуловимым, и в то же время постоянно витающим рядом: в мыслях, поступках, словно легкая форма помешательства, внезапно настигшая уже сформированное сознание.

– Давай не будем больше спорить, ладно? – Он заглянул в глаза Рейчел. – Мир действительно меняется. Тебе не кажется что тут, на Юноне, ясно обозначены две ветви, на которые разделилась цивилизация? Мы где-то перешагнули грань, причем не в современности, а достаточно давно, только упорно не замечали этого…

– О какой грани ты говоришь?

– Существуют люди и машины. Раньше все было понятно, мы развивались по отдельности, теперь же эта ясность исчезла. Киберсистемы оказались способны к самостоятельному развитию, часть машин хранит матрицы сознания людей, киберпространство становиться средой более комфортной для общения и обмена информацией, чем реальность физическая. Так почему я должен оставаться прежним? Я не хочу возвращаться на Ганио и снова вступать в отряды наемников. Мое место

тут, на Юноне, но чтобы понять этот мир, я должен воспринимать его двойственность. А как добиться этого без имплантов, без общения с машинами, с сознанием таких, как Мерфи или Рощин?

– Убедил. Поцелуй меня.

* * *

Элио. Особняк Герхарда Коха. Пригород Раворграда…

Ему не спалось в эту ночь.

Что-то надломилось внутри, но Герхард упрямо не хотел признать, что эмоции, так долго и тщательно сдерживаемые в течение многих лет службы, внезапно взяли верх над прагматичным рассудком.

Раньше он не знал, что такое бессонница.

Оказывается – страшное состояние, способное довести до морального истощения кого угодно.

Мысли роились в голове, не давая отрешиться от проблем уже минувших. Ну, какое теперь ему дело до Земли, Линии Хаммера, колониального транспорта «Альфа»?

По сути, нужно признать поражение, смириться с отставкой, тем более, что ушел он добровольно, был обеспечен материально, вот только гложущие разум мысли не давали увидеть ни одного положительного аспекта, как в настоящем, так и в ближайшем будущем. Если он решил полностью отойти от дел, зачем, спрашивается, спускался в секретные хранилища бункера?

Не выдержав, Кох встал из глубокого удобного кресла, в котором сидел, погрузившись в мрачные раздумья, и направился в свой кабинет, оборудованный, как и на службе, по последнему слову техники.

Четыре кристалломодуля лежали на столе перед терминалом компьютерного комплекса. Неяркий свет индикационных сигналов падал на них, играл острыми злобными отблесками на гранях заключенных в прозрачную оболочку кристаллов памяти.

Одно за другим он открыл на панели терминала четыре адаптационных гнезда и вставил в них модули «Одиночек», хранившихся в архиве штаба флота среди прочих материальных свидетельств Первой Галактической.

Дождавшись пока завершится тест, и все устройства выдадут изумрудные сигналы готовности, свидетельствующие о полной исправности кристалломодулей, он привычным мысленным усилием вошел

в киберпространство своего кабинета.

Перед ним в знакомой обстановке, стояли четыре фантома.

Кох невольно вздрогнул, увидев их, хотя рассудок подсознательно ожидал подобной картины. Неприятно поразило другое: осмысленное выражение на лицах призраков, их индивидуальность, как в чертах, так и в позах, взглядах…Выходит, они *все* осознают факт собственного существования, в том числе и серийные матрицы, несущие, если можно так выразиться, «собирательный образ», частицы которого были позаимствованы у разных пилотов серв-машин?

Никто из фантомов не проронил ни звука, они стояли и смотрели на Герхарда, не то в послушном ожидании приказа, не то в равнодушной отрешенности…

Словно четыре джина разом выпущенные из своих бутылок, – неприязненно подумал Кох. В киберпространстве он ориентировался неплохо, работу с машинами через имплант знал на «отлично», но в этот раз все выглядело, вернее, *ощущалось* не так, как обычно.

– Имя? – Обратился он к первому из них, просто потому, что тот стоял ближе.

– Станислав Донецкий. – Спокойно ответил он.

– Ты осознаешь себя?

– Естественно. – Голос фантома оставался ровным и сухим.

– Кто ты?

– Я не пойму тебя старик. – На этот раз ответ прозвучал чуть резче. – Ты откуда взялся? Где моя машина и какого Фрайга… – Произнося эти слова, Донецкий внезапно протянул руку, видно намереваясь ухватить Коха за отворот одежды, но его рука нашла пустоту.

– Здесь вопросы задаю я. – Процедил сквозь зубы Герхард, которого с первой секунды диалога нисколько не забавляла возникшая ситуация.

– Что за хрень? – Сумрачно и грубо осведомился Джон Сейч. В отличие от Донецкого его матрица практически не претерпела фрагментации, и знаменитый пилот, специализировавшийся на «Фалангерах» имел гораздо больше оснований для формирования посмертного «эго». – Мы уже какую неделю не вылезаем из боев, жрем и спим в рубках, а тут… – Он обвел взглядом обстановку кабинета, – мы в бункере что ли? Меня контузило? Совершенно не помню, как попал сюда.

Двое остальных сумеречно молчали, видно ожидая, пока Кох ответит на прозвучавшие вопросы.

– Вы не в бункере. – Ответил Герхард. Поначалу ситуация его обеспокоила, теперь же вдруг начала забавлять. – Вы на планете Элио,

господа.

– Не припомню, чтобы нашему флоту удалось взять эту колонию. – Недоверчиво покачал головой Донецкий.

– *Ваш флот* действительно не смог взять Элио. – С издевкой ответил ему Кох. – И, тем не менее, вы тут. Наверное, вам будет удивительно и несколько печально узнать, что Земной Альянс вообще проиграл войну. После подписания полной и безоговорочной капитуляции прародины прошла тысяча лет.

– То есть… как?! – Сейч посмотрел на Герхарда без доверия, лишь бешеные искорки сверкнули в глазах. – Старик, я сейчас…

– Ты ничего не сделаешь мне, Джон. – Ответил хозяин кабинета, демонстративно сев в кресло. – Во-первых, здесь распоряжаюсь я. Во-вторых, ко мне следует обращаться «господин Кох», понятно? И, наконец, в-третьих, – вы находитесь в виртуальной реальности, которую я могу в любой момент выключить. Вместе с вами, господа. – Уточнил он, чтобы развеять последние иллюзии относительно своей правомочности задавать вопросы и получать ответы на них.

После его слов наступила долгая пауза.

Сейч недоверчиво посмотрел на свои руки, потом попробовал сцепить пальцы в замок, но тщетно. Герхард активируя матрицы «Одиночек» позаботился о том, чтобы последние оставались именно призраками, в то время как он сам имел возможность пользоваться виртуальными предметами, воздействовать на них.

– Неприятная ситуация, верно? – Осведомился он. – Однако она поправима. – Кох говорил медленно, веско, концентрируя внимание призраков на каждом своем слове. – Прежде всего, я хочу остановиться на негативных моментах вашего положения. К позитивным перейдем позже, когда между нами возникнет хотя бы минимальное взаимопонимание. – Герхард машинально закинул ногу на ногу и продолжил:

– Вынужден вас осведомить: мои слова о тысячелетии, минувшем с момента окончания войны, отнюдь не шутка. В физическом плане вы все мертвы. Надеюсь вам известно, что технические службы Альянса сохраняли модули «Одиночка», демонтированные с подбитых серв-машин и прочей техники, включая космическую, – его взгляд остановился на угрюмо молчащем, худом, чуть ссутулившемся мужчине лет тридцати, с коротко остриженными волосами и броскими, угловатыми чертами лица. – Вы господин Хоук, если я не ошибаюсь, были пилотом аэрокосмического истребителя?

Фантом несколько секунд сверлил Коха немигающим взглядом, а

потом с усилием кивнул.

– Мы посмертные копии? – Сглотнув, с трудом произнес он.

– Хуже. Вы *тиражированные* копии. Слегка подправленные в случае Хоука и Сейча, или собранные по частицам программистами Альянса, – данное утверждение справедливо относительно Донецкого и вас, Вергилий. А теперь, чтобы окончательно развеять сомнения, перейдем в реальность дня сегодняшнего. Сейчас я выключу систему киберпространства, но взамен вы получите возможность созерцать мир физический.

Мгновенье, и Кох остался в кабинете один.

– Итак. – Произнес он в кажущуюся пустоту помещения. – Следите за маркером лазерной указки. – Алая точка возникла на терминале и поочередно очертила контуры адаптационных гнезд. – Это устройства чтения данных. Внутри, как вы должны догадаться, находятся модули «Одиночка». Тысячу лет ваши сознания, заключенные в искусственные нейросети, хранились в кристалломодулях, которые в свою очередь пылились в одном из сейфов секретного архива генерального штаба флота.

– Вопрос… можно? – Раздался в тиши кабинета чуть хрипловатый голос, воспроизведенный аудиосистемой.

– Сейч, это вы?

– Допустим. Как насчет вопроса?

– Хорошо, задавайте.

– Где и когда я погиб? КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ?!

Герхард развел руками.

– Увы, такой информацией я не располагаю. Ее конечно можно поискать в архивах, хотя есть ли вам разница, Сейч? Ваши навыки пилотирования серв-машин класса «Фалангер» в свое время были признаны непревзойденными, и так называемый «информационный образ», копированный с кристалломодуля вашей машины, ушел в тираж. Вы понимаете, о чем я?

– Догадываюсь…

– Появились тысячи «Одиночек» локально отождествлявших себя с Джоном Сейчем. Естественно они входили в состав полностью автоматизированных подразделений, где не было ни одного пилота из числа живых людей. Вас окружали машины, системами которых управляли такие же призраки. Поэтому никто из вас никогда не пересекался со своими копиями, – за этим следили. Что касается конкретного модуля, – я понятия не имею, где и когда он был изъят. То же самое могу сказать и про остальных. – Герхард повернул голову, отдавая мысленный приказ системе компьютерного терминала, и добавил:

– Я не склонен отвечать на ваши многочисленные вопросы. Это долго, утомительно и непрактично. Сейчас система передаст каждому информационный файл, где содержаться исторические данные. Ознакомьтесь с ними и тогда мы сможем продолжить нашу беседу. Не перегружайте свои модули попыткой запомнить информацию. Думаю, при быстродействии ваших процессоров на ознакомление с материалом уйдет не более пяти минут.

На скошенной консоли часто заморгали индикаторы четырех кристаллоприводов.

Кох сделал глоток остывшего кофе. Он чувствовал, как его разум покидает депрессия. Эти призраки оказались столь неадекватны общепринятому представлению об «Одиночках», что Герхард почувствовал себя первооткрывателем.

Хотя, нет… – тут же прокралась в сознание мрачная мысль. – *Первым был не я. Полуэктов. Это он использовал самосознание фантомных личностей, направив их стремления в нужное ему русло.*

Проблема Герхарда заключалась в тривиальной недооценке противника. Планируя акцию, завершившуюся полным провалом он, ориентировался на проблемы современности, пренебрегая прошлым. Изоляция Земли, а вместе с тем – ее деградация, за тысячелетие, минувшее со дня подписания Элианского протокола, стали аксиомой, – данностью, не требующей доказательств.

Кох, как и его предшественники, отнесся к потенциалу Земли пренебрежительно, считая, что силы, приведенные в движение его замыслом, сомнут любое сопротивление.

Ошибка стоила ему многолетней карьеры, и что оставалось теперь? Такое ничтожное стремление, как личная месть? События уже не повернешь вспять, Линия Хаммера прорвана, а Земля, вместо того чтобы вновь стать родоначальницей грехов, выступала в данном случае с твердых, привлекательных для Галактической общественности позиций.

Что в сложившейся ситуации оставалось делать ему?

Коротать свои дни в шикарном особняке, вновь и вновь возвращаясь к мысли о Полуэктове, вчистую переигравшему разведку флота?

Мысль, многие дни робко топтавшаяся на пороге сознания, становилась все четче, явственней, она овладевала Герхардом, постепенно трансформируясь в план… мести.

Сигнал с терминала компьютерной системы оповестил, что историческая справка получена и обработана четырьмя кристалломодулями.

Кох, не вставая с кресла, мысленным приказом вновь включил систему киберпространства.

Он был уверен, на этот раз все пройдет без срывов.

* * *

Юнона.

Вадим Петрович Полуэктов чувствовал себя превосходно, хотя ощущения, связанные с реальностью новой планеты казались непривычными, зачастую тревожными, ведь Юнона хранила еще немало зловещих тайн, связанных с наследием былой Галактической войны.

Однако он твердо решил не возвращаться на Землю, а остаться тут. На то имелись веские причины. В состав Земного правительства на данный момент входило достаточно честных, здравомыслящих людей, чтобы ситуация не вышла из-под контроля, а победа над кибернетическими исчадиями прошлого была в полной мере использована на благо родной планеты.

Теперь его место тут, на Юноне, где день ото дня, час от часа все явственнее обозначала себя совершенно новая ветвь цивилизации, созданная людьми много веков назад, но разительно не похожая ни на одно из известных сообществ обитаемых миров Галактики.

Рано или поздно мы все равно пришли бы к этому, – размышлял Вадим Петрович, глядя, как багряный шар Юны, величественно встает над скалистым горизонтом.

Цивилизация машин. Об этом спорили, это предрекали, сотни провальных экспериментов по созданию искусственного интеллекта, стали достоянием истории… и все это время на карантинных планетах медленно, но неуклонно развивалась кибернетическая жизнь. Именно жизнь, ибо не только модули «Одиночек», обладающие самосознанием погибших пилотов, демонстрировали признаки устойчивого саморазвития. Даже поверхностного знакомства с окрестностями базы «Гамма» хватило, чтобы понять: брошенные на произвол судьбы машины, которым прочили скорое разрушение под воздействиями факторов времени и окружающей среды, не только дееспособны спустя тысячу лет, – за истекшие века они образовали некий анклав, живущий (он не мог подобрать иного термина) по законам эволюционного развития.

Машинная эволюция казалась чудом: хоть она и протекала, согласуясь с древними, как мир законами борьбы за выживание, но благодаря

способности кибермеханизмов к самоусовершенствованию, присвоению себе новых, полезных элементов, изъятых из других конструкций, видоизменения накапливались стремительно.

Поначалу в это не верилось, но факты способны убедить любого скептика. Сейчас, наблюдая за восходом звезды, Вадим Петрович невольно вспоминал, как два дня назад, во время короткой вылазки в горы, он и Мерфи стали свидетелями удивительного явления: древняя боевая машина космодесанта, изрядно потрепанная в боях, лишившаяся подавляющей части бортового вооружения, за исключением единственного лазера, еще способного подниматься из недр оружейного отсека, грелась на солнце…

Да, он не оговорился в мыслях, БМК именно грелась, одновременно получая необходимую для работы бортовых систем энергию. Поначалу, когда они увидели древнюю машину, то не поверили глазам – опаленная, пробитая в нескольких местах, покрытая глубокими шрамами и выщерблинами керамлитовая броня машины блестела, словно на ее поверхность кто-то пятнами нанес тонкий слой фольги. Задействовав сканеры, Мерфи сообщил Вадиму Петровичу еще более удивительный факт: блестящие пятна являлись ни чем иным, как распластавшимися по броне кронгами – простейшими устройствами, предназначенными для аварийного сбора энергии. Сами по себе кронги не могли успешно конкурировать с иными обитателями Юноны, их конструкция не предполагала никаких видов вооружений, передвигались они крайне медленно, к тому же, учитывая энергетический голод, наступивший вследствие истощения реакторов большинства машин, их популяция должны была стать первой жертвой в борьбе за существование.

Однако они сумели не только выжить, но и приспособиться к изменившимся условиям функционирования, вступив в симбиоз с более крупными, мощными, обладающими средствами защиты механизмами.

Вадим Петрович и Алан долго наблюдали за механическим бронтозавром, который медленно передвигался с места на место, по мере того, как удлинялись тени от скал. Его броня, поблескивая энергетическими ловушками кронгов, питала бортовую электросеть, а компьютерная система БМК в свою очередь, защищала обслуживающие механизмы от поползновений иных охотников за энергией.

– Не исключено что кронги сами «оживили» подбитую БМК. – Глубокомысленно заметил Алан.

Вадим Петрович откровенно не нашелся, что сказать в ответ. Они знали о Юноне еще слишком мало, чтобы утверждать или отрицать какие-либо факты. Уникальную среду планеты следовало изучать.

После многих лет изматывающей, изнурительной борьбы за независимость родной планеты, Полуэктов, добившись победы, как любой нормальный человек мечтал об отдыхе, и Юнона казалась ему достойным местом для приложения еще не полностью растраченных жизненных сил. Вадим Петрович искренне надеялся, что именно тут он, наконец, обретет долгожданный покой, среди друзей и уникальной, биомеханической природы…

* * *

Элио. Особняк Герхарда Коха.

– Итак, господа, вы ознакомились с историей. – Кох вновь находился в киберпространстве своего кабинета, где мог лицезреть четверых фантомов, чьи образы генерировали модули «Одиночка».

– К чему эта мышиная возня? – Угрюмо спросил Донецкий. – Вы решили реанимировать нас, чтобы поиздеваться?

Герхард усмехнулся.

– Вы правы, у каждого следствия есть причина. В данном случае, я действительно поначалу желал понять, что именно скрывается за ставшим вдруг туманным и неопределенным термином «Одиночка». В историческую справку не зря включены события последних месяцев, – теперь вы осведомлены, что так называемая Линия Хаммера разблокирована, и как минимум на двух планетах сейчас протекают процессы повторной колонизации. Взглянув на вас, я понял, каким образом Полуэктову удалось укомплектовать экипаж «Альфы» и нанести упреждающий удар по Везувию. Он использовал «Одиночек» особого сорта: на их носителях были записаны матрицы сознания пилотов, которых отбраковали по причине их недостаточной агрессивности. Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю? Генерал Полуэктов нашел правильный подход к этим личностям, и я подумал, – чем вы отличаетесь от них? Взять, к примеру, вас, капитан Сейч. Разве вы не осознаете факт собственного бытия?

– Вполне. – Хмуро ответил пилот.

– Тогда объясните мне, – он усмехнулся – и себе тоже: почему, таким как вы, отказано в праве на осознанное существование? – Кох начал играть, но ни один из призраков не заметил этого, они были погружены в собственные, достаточно тяжелые размышления. – Сейчас на Юноне осуществляется сортировка кристалломодулей, – продолжил Герхард, – и

часть из них, по результатам тестирования, будет стерилизована. Это касается, прежде всего, серийных «Одиночек», вопрос индивидуальности которых по моим сведениям даже не принимается к рассмотрению. А я вижу обратное. Вы наглядное подтверждение тому.

– К чему вы клоните, господин Кох? – Озлобленно спросил Хоук. – Какое дело мне до вашей истории? Судя по всему, моя личная история закончилась. Я не такой идиот, чтобы верить в ваше стремление к какой-либо справедливости. Не делайте такого лица, я в свое время насмотрелся на подобных вам. Если я – всего лишь одна из копий погибшего на войне Эдварда, то, Фрайг побери, что мне делать в обществе еще двух или трех тысяч Хоуков?

– Хороший вопрос…

– Это не вопрос. – Перебил Коха Донецкий. – Вы реактивировали нас с определенной целью. На хрен исторические экскурсы, – выругался он, – говорите, что вам от нас нужно, и что мы получим взамен. Другого разговора, думаю, не получиться – он взглянул на своих невольных собратьев и увидел на их лицах угрюмое одобрение сказанного.

– Хорошо. – Кох предусмотрел подобную экспансивную реакцию фантомов, и был внутренне готов к ней. – Давайте перейдем к делу. У меня на Юноне есть личный враг. Я хочу, чтобы вы сделали его жизнь невыносимой. Достичь этого легко – у человека, о котором идет речь, есть близкие люди. Их следует убрать. Не его, а их.

– Как мы это сделаем? – Вергилий демонстративно ткнул себя в грудь, позволив руке пройти сквозь эфемерное тело.

– Техническую сторону вопроса мы можем обсудить чуть позже. – Ответил Герхард. – За тысячу лет наука не стояла на одном месте. Давайте сначала достигнем принципиальных договоренностей. Мой интерес в некоторых аспектах пересекается с вашим. Хоук справедливо заметил, что ему будет неуютно в обществе тысяч собственных копий. Меня же не устраивает реанимация «Одиночек» *в принципе*, я уже не говорю о возведении части кристалломодулей в ранг разумных мыслящих существ. На мой взгляд, их следует уничтожить. – Предельно жестко и откровенно выразился Герхард. – Если не всех, то большинство. Сколько выйдет. Уничтожив кристалломодули, хранящиеся на базе «Гамма», вы в определенной степени сможете претендовать на уникальность. Я же, в качестве оплаты, готов предоставить вам физические тела. Конечно, они будут сильно киборгизированы, но согласитесь, это лучше чем набор байт, верно?

– А как же ваша фобия относительно «Одиночек»? – С долей сарказма

осведомился Сейч.

– Я выбираю меньшее из двух зол. – Пожав плечами, ответил Кох. – Вы вчетвером не представляете никакой реальной угрозы для развития цивилизации в целом. А вот десятки тысяч реабилитированных кристалломодулей, могут повлиять на будущее развитие человечества. Здесь вступает в силу простая арифметика, когда количество неизбежно определяет качественные перемены.

– Страшитесь за свою драгоценную Конфедерацию? – Криво усмехнулся Вергилий.

– Страшусь. – Не то откровенно признался, не подыграл ему Герхард. – Я еще не настолько стар, чтобы не задумываться о грядущем. Попытки культивировать искусственный разум никогда не приводили к положительному результату.

– Мы не искусственный разум. – Резко возразил ему Донецкий. – Я ощущаю себя живым. Мне плевать, что настоящий Станислав погиб. Я мыслю и чувствую – следовательно я существую?

– Давайте без философии, господа. Есть вы, я и конкретное дело. Можете ощущать себя кем угодно, но, по сути, вы – техническая наработка киберпрограммистов Альянса, плод тупиковой ситуации, когда маховик войны был раскручен, бои шли на десятках планет, включающих огромный объем космического пространства, а у Земли уже не оставалось квалифицированных кадров, для восполнения растущих потерь. Современная цивилизация рано или поздно поймет допущенную ошибку, и отвергнет новую форму искусственного разума, который сейчас пытаются раскопать из-под пепла Галактической войны. Только поздние прозрения принесут с собой массу проблем, которые следует решать сейчас, в их зародыше. Можете считать, что я намерен с вашей помощью совместить приятное с полезным – отомстить Полуэктову и избавить Конфедерацию от грядущих неприятностей.

На этот раз призраки воспринимали его слова более спокойно, взвешено, будто прошедшие четверть часа являлись для них достаточным сроком для осознания собственного положения.

– Хорошо. – Высказался за всех капитан Сейч. – Допустим, мы возьмемся за это дело. В таком случае, нам необходимо знать детали предстоящей операции, и получить гарантии на случай ее успешного завершения.

– Это деловой разговор. – Согласился Герхард. – Думаю, вас прежде интересуют гарантии, а уж потом подробности плана операции, верно?

– Естественно.

– На этот случай я заготовил еще один информационный файл. В нем собраны и популярно изложены материалы, касающиеся вопроса клонирования, а так же проблемы воздействия прямого нейросенсорного контакта на чистый рассудок клона. Ознакомившись с ними, вы поймете, что технология создания взрослой копии человека, и его программирования посредством прямого воздействия на несформированный рассудок через имплант, не только апробирована, но имеет несколько вариантов решений. В вашем случае я рискну прибегнуть к запрещенным технологиям корпорации «Галактические Киберсистемы», которая имплантировала клонам так называемые «генераторы нейронных импульсов». Таким образом, упомянутая корпорация тиражировала примитивных биороботов.

Герхард прошелся по кабинету, давая фантомам некоторое время на осмысление информации, а затем продолжил, предупреждая неизбежные вопросы:

– В вашем случае генератор будет замещен на модуль «Одиночки», подключенный через адаптационное гнездо импланта. Таким образом, чистый разум клона, обладая всеми необходимыми для жизнедеятельности рефлексами, получит образ личности, который постепенно воспримут нейронные сети, то есть, по прошествии некоторого времени, когда в биологических нейросетях сформируется устойчивое самосознание, вы сможете вообще избавиться от кристалломодулей.

– Это теория или практика? – Уточнил Хоук.

– Практика, господа. Все популярно изложено в файле. Данная технология запрещена по этическим соображениям, однако есть специалисты, нелегально пользующиеся ею. Их услуги стоят недешево, но в данном случае мои затраты будут рассматриваться как гонорар за проделанную вами работу. Знакомьтесь с материалами и, если они вас устроят, перейдем непосредственно к деталям операции.

* * *

Их совещание, равно как и раздумья были недолгими и вполне предсказуемыми.

Кох вновь ненадолго покинул виртуальное пространство, но это не означало, что он не контролирует происходящего.

Первым заговорил Сейч.

На ознакомление с подборкой данных ушла пара минут, не более, затем по логике они должны были принять решение, коллективно или

индивидуально.

– Изложено правдоподобно. – Произнес Джон, пытливо глядя на остальных. – Есть мнения?

– Мы можем только верить в то, что нам преподносят. – Отозвался Вергилий. – На мой взгляд способов проверки в нашем положении не существует.

– Ну почему? – Усмехнулся Донецкий. – Один способ есть. – Мы соглашаемся работать на предложенных условиях, а время покажет.

– Кинет нас эта змеюка или нет?

– Мужики, давайте рассуждать здраво. – Сейч взял инициативу и не собирался ее отдавать. – Фантом не может убить кучу людей. Значит, старик даст нам нечто адекватное телам, верно? Скорее всего, запихнет кристалломодули в систему андроидов. Но кто мы? Овцы, которых он потом порежет? – Губы капитана исказила усмешка. – Или кто-то из нас не смотрел в глаза смерти? Давайте сделаем предложенную работу, а там посмотрим, насколько он честен. Если заподозрим неладное, кто помешает нам устроить ему кучу неприятностей? По мне лучше рискнуть и получить саму возможность сопротивляться, чем быть тривиально выключенным. – Подытожил он.

– Дело. – Кивнул Вергилий. – В образе духа я ощущаю себя ущербным. Пусть мне придадут любую форму, лишь бы она содержала конечности, чтобы я мог в нужный момент схватить этого ублюдка за горло.

– Согласен. – Поддержал его Донецкий.

Хоук высказаться не успел – в киберпространстве вновь появилась фигура Герхарда.

– Итак, господа? – Без лишних слов осведомился он.

– Мы принимаем ваши условия. – Ответил за всех капитан Сейч.

– Прекрасно. Тогда обсудим детали операции и перейдем к стадии активных подготовительных действий. – Кох не скрывал своего удовлетворения. По ходу вынужденных импровизаций у него родилось несколько дельных мыслей, и он, наконец, смог полностью избавиться от преследовавшей его депрессии.

– Прежде всего ситуация на Юноне и Везувии, вкратце. – Перешел он к основной теме обсуждения. – По имеющимся у меня данным через две недели на Юнону прибывает комиссия Совета Безопасности, члены которой будут непосредственно контролировать сортировку кристалломодулей. Кроме «Одиночек», хранившихся на базе «Гамма», туда сейчас отправляют все боевые модули, как с Везувия, так и с других

планет. Поясню: упомянутая мной база узко специализирована и обладает виртуальными полигонами для тестирования, сортировки и операций с любыми модификациями «Одиночек». То есть, как минимум через неделю в хранилищах «Гаммы» будет сосредоточено до девяноста процентов всех доступных кристалломодулей, сохранившихся со времен Галактической войны. Говорить о критериях сортировки мы не будем. Нас интересует лишь факт концентрации кристалломодулей в хранилищах «Гаммы», что дает возможность их массового уничтожения.

– Способ проникновения на планету? – Спросил Сейч.

– Совет Безопасности разработал особую схему встречных поставок. – Произнес в ответ Герхард. – Дело в том, что на Юноне кроме самих модулей присутствует огромное количество серв-машин, исчисляемое сотнями боевых единиц. Конфедерация поставила их утилизацию, как непременное условие дальнейшего сотрудничества. Сейчас на разных заводах по производству робототехники размещен заказ на партию ультрасовременных андроидов, внешне абсолютно не отличающихся от человека. Человекоподобные машины с адаптационными гнездами для подключения кристалломодулей уже начали поступать на Юнону. Они предназначены для тех «Одиночек», что будут реабилитированы в процессе тестирования. Взамен Полуэктов и его люди, фактически управляющие планетой, обязались отправить в систему Элио все штурмовые носители класса «Нибелунг» с серв-машинами на борту, для их последующей утилизации. Встречные старты будут осуществляться в течение ближайшего месяца. Исходя из данной схемы, проникновение на Юнону не является проблемой. Ваши кристалломодули будут заранее интегрированы в систему поставляемых на планету андроидов. По прибытии вы покинете корабль, произведете разведку на местности, откорректируете предварительный план проникновения на «Гамму», сообразуясь с конкретными обстоятельствами, и приступите осуществлению диверсии. Собственно задача сводиться к подрыву запущенного в работу термоядерного источника питания подземных уровней.

– Почему мы должны покидать транспортный корабль? – Осведомился Вергилий. – Это усложняет задачу. Не проще дождаться разгрузки, и проникнуть на базу легальным способом?

– Проще, но речь, как мне помниться шла о физическом устранении сподвижников Полуэктова, при непременном условии сохранения его жизни. Подорвать базу со всеми ее обитателями было бы половиной дела. Вы должны предварительно захватить Полуэктова, доставить его в

безопасный регион Юноны, и только затем, подготовив пути отхода, проникнуть в систему бункеров, для осуществления диверсии.

– Каков способ эвакуации с планеты? – Уточнил Донецкий.

– Вы покинете Юнону на одном из «Нибелунгов». Полагаю, что навигационные системы штурмовых транспортов будут заранее настроены на координаты точки гиперсферного всплытия системы Элио. Утилизация серв-машин традиционно проводиться на специализированных складах РТВ неподалеку от Раворграда. То есть вы прибудете сюда, и беспрепятственно окажетесь на складах, откуда я смогу организовать вашу эвакуацию.

– Звучит неплохо. – Выслушав Герхарда, произнес Сейч. – За исключением пункта с Полуэктовым.

– Это непременное условие. Я хочу, чтобы он остался в живых.

– Личная месть?

– Да.

– Ладно. Хотя это на порядок усложнит всю операцию.

– Не обсуждается. – Упрямо качнул головой Кох.

– Я же сказал – проехали. – Угрюмо повторил Сейч. – В общих чертах операция выглядит выполнимой. Я бы хотел поставить несколько предварительных условий.

– Слушаю.

– Нам нужно адаптироваться к механическим телам.

– Это можно устроить. У меня есть несколько андроидов подобной серии. – Согласно кивнул Герхард.

– Хорошо, теперь вопрос вооружения. – Продолжил Сейч. – О нем нельзя позаботиться заранее?

– Исключено. Все убывающие транспорты подвергаются досмотру. Кристалломодули еще возможно замаскировать в схемах человекоподобных машин, а вот вооружение вряд ли. Модель андроидов бытовая, и при всем ее совершенстве не предусматривает самой возможности обладания оружием.

– Понятно. Когда мы сможем приступить к тренировкам?

– Завтра. – Герхард взглянул на часы и поправился – Вернее уже сегодня утром. К счастью у меня собрана обширная коллекция оружия времен Первой Галактической, так что у вас будет возможность к полноценным тренировкам. – Он встал, обвел долгим пристальным взглядом лица фантомов и добавил:

– Приятно было иметь с вами дело, господа. К сожалению, наше дальнейшее общение придется отложить до утра. Я человек во плоти, и

мне, как вы догадываетесь, необходим сон.

Глава 11.

Юнона. Двумя неделями позже…

Стоял жаркий полдень, когда в безоблачных небесах появились три ярко пылающие точки.

На очищенном от ползучей растительности космодроме, со свежими стеклобетонными латками на месте бывших воронок, белоснежными полосами протянулись линии разметки взлетно-посадочных полос. От них к пандусам подземных ангаров отходили рулежные дорожки, ближе к лесу, напротив башни диспетчерского контроля вогнутыми чашами возвышались огромные стартопосадочные места для устаревших типов космической техники, использующей плазменные двигатели планетарной тяги.

Людей на космодроме почти не было. Основными операциями по приему и отправке грузов ведали автоматические системы восстановленной компьютерной сети.

Три точки приближались. Система диспетчерского контроля уже классифицировала их как грузовые посадочные модули с борта военно-транспортного «Антея».

…В отсеках снижающихся кораблей работало лишь тусклое дежурное освещение, да и оно, по большому счету, было ни к чему, – в грузовых отделениях находились лишь десятки дезактивированных андроидов, надежно упакованных в продолговатых пластиковых кофрах.

Хотя по раскаленной обшивке посадочных модулей то и дело пробегали язычки голубоватого пламени, но температура внутри отсеков поддерживалась в пределах нормы, и процесс снижения здесь отмечали лишь ощутимые вибрации, периодически возникающие в переборках.

Системы внутреннего мониторинга в такие минуты автоматически переходят на заниженный порог чувствительности, чтобы не вносить в работу кибернетической сети корабля лишней информации, в виде ложных сигналов о неблагополучии груза.

Все это было тщательно проанализировано Кохом, учтено и использовано при планировании операции внедрения.

…Кормовой отсек 18-С тонул в желтоватом полумраке. Крайний штабель контейнеров отделяло от погрузочной рампы всего несколько метров. Шлюзовая камера конструкцией модуля не предусматривалась.

Челночный корабль, продолжая снижение по направляющему лучу космодрома, интенсивно тормозил, вибрации продолжали усиливаться, но

многочисленные датчики воспринимали дрожь переборок как допустимое явление, – предупреждающий сигнал сбоя появился на панелях управления только в тот момент, когда внезапно заработала аварийная сигнализация замков кормовой рампы.

Высота полета уже исчислялась сотнями метров, но скорость все еще оставалась высокой, поэтому, системы автопилота, приняв сигнал о внезапной разгерметизации кормового отсека, не совершили никаких дополнительных действий, – любое отклонение от курса или изменение интенсивности работы тормозных двигателей было чревато для корабля гораздо более серьезными последствиями, чем вероятная потеря некоторой части груза.

Бортовой компьютер произвел мгновенный расчет вероятностей, отправив системе диспетчерского контроля свой вывод: замки рампы, внезапно вставшие на второй фиксатор, используемый только при наземных операциях, не выдержат напора воздуха, ворвавшегося в узкую щель, их неизбежно сорвет через пять-семь секунд, но это не повлечет распространения аварийной ситуации на весь корабль, – за эти мгновенья посадочный модуль уже завершит фазу интенсивного торможения, перейдя в режим турбореактивной тяги.

Единственным действием, которое все же предприняла бортовая киберсистема, было включение индивидуальных магнитных подушек на всех контейнерах с грузом, расположенным в хвостовом отсеке.

…Резкий хлопок, удар об обшивку, натужный сбой в работе двигателей, автоматически компенсирующих вращательный момент, возвестили о том, что рампу оторвало от корабля. В причинах аварии будут разбираться техники уже на земле, а сейчас третий, замыкающий модуль, кренясь на один борт и роняя часть груза, начал процедуру аварийной посадки на резервную, специально предназначенную для внештатных ситуаций взлетно-посадочную полосу.

К тому времени, когда шасси челнока коснулись поверхности Юноны, две тонны груза уже упали среди искусственных лесопосадок, обозначив зону рассеивания несколькими очагами возгорания, – очевидно при ударе не выдержали и взорвались генераторы компенсирующего магнитного поля.

Такую картину происходящего зафиксировали данные телеметрии, на самом же деле причины аварии были подготовлены еще на Элио, в момент погрузки. Замки рампы были намеренно ослаблены, а четыре расположенных в последнем ряду контейнера, напротив, оказались снабжены кроме магнитных генераторов еще и аварийными подушками,

которые срабатывали на высоте пятидесяти метров.

…Хлесткий удар, треск ломающихся ветвей вековых деревьев, протяжный скрежет лопнувшего пластика, приглушенные хлопки сегментов подушек безопасности, – все это, вопреки техническому регламенту, воспринималось сенсорными системами четырех андроидов, которые, в отличие от других человекоподобных машин находились в активированном состоянии на всем протяжении полета.

Секунда тишины, и вторя треску подломившихся ветвей могучих хвойных деревьев, начала разламываться пластиковая скорлупа упаковочных кофров, но теперь уже не в следствии падения – сокрушительная сила раздирала их *изнутри*.

Андроиды, благополучно выбравшиеся из своих «саркофагов», повели себя совершенно неадекватным образом. Вместо того, чтобы отойти на некоторое безопасное расстояние от места падения и включить личный навигационный маяк, каждый из них устремился к обломкам собственного контейнера, ловкими движениями затолкал внутрь разбитого корпуса остатки располосованных ветвями полотнищ амортизационных подушек, и, достав заранее заготовленный баллончик с аэрозолью, обработал из него остатки упаковочного материала, отчего тот начал плавиться, съеживаясь, принимая причудливые, гротескные формы и, в конечном итоге, вспыхнул.

Огонь быстро расправился с полимером, уничтожая все материальные свидетельства случившегося. Четыре дройда, обменявшись короткими сигналами, тут же, не теряя ни секунды, углубились в лес.

…

Вадиму Петровичу доложили о происшествии, когда были найдены все утерянные при аварийной посадке контейнеры.

– Каков размер ущерба? – Осведомился он, понимая, что теперь уже бесполезно сокрушаться о случившемся.

– Четыре андроида полностью уничтожены, – силовые генераторы контейнеров взорвались в момент удара. Все регистрирующее оборудование уничтожено, обломки машин вероятно погребены под пожарищем, – возгорание на данный момент охватило порядка двух гектаров леса.

– Это все, относительно ущерба?

– Да, остальные девять контейнеров приземлись благополучно.

– Причину аварии установили?

– Этим будут заниматься техники с «Антея». Они прилетят внеочередным рейсом, потому, что у нас нет запасных частей для современных модулей, и оторванную рампу заменить попросту нечем.

– Ладно. – Полуэктов машинально помассировал припухшие веки. – Будем считать, что все закончилось относительно благополучно. Оторви рампу на входе в атмосферу, автоматика модуля вряд ли справилась бы с управлением. Могли потерять и груз и корабль. Внесите номера уничтоженных в результате аварии андроидов в графу невосполнимых транспортных потерь.

– Уже сделал. – Ответил Вадиму Петровичу бывший техник космопорта. То, что перед ним отчитывается такой же андроид, как и те, что сгорели вместе с двумя гектарами леса, Полуэктов фактически не ощущал, – прекрасная механопластика искусственных кожных покровов в сочетании с индивидуальностью черт лица и полной бесшумностью работы приводов искусственного скелета, создавали полную иллюзию очеловеченности. На Юноне при общении с андроидами, которым уже были интегрированы реабилитированные модули «Одиночка», порой терялись даже специалисты. Кроме безупречной имитации внешности, новый вид машин обладал явной интеллектуальной и духовной индивидуальностью, что окончательно сглаживало все шероховатости, которые не сумели устранить технологи предприятий изготовителей.

– Хорошо, Джейкоб, подготовь мне отчет по завтрашней отправке «Нибелунгов». Сколько штурмовых носителей покидает Юнону?

– Четыре. – Ответил техник. – Это предпоследняя партия. На борту уже запаркованы шестьдесят серв-машин. В грузовых отсеках пятьдесят тонн боеприпасов и систем вооружений, предназначенных для утилизации.

– Сколько остается?

– Три «Нибелунга», двадцать семь боевых машин и около двадцати тонн снаряжения. Еще неделя и мы сможем переходить к зачистке следующего объекта.

Полуэктов кивнул, взглянув на карту полушарий Юноны. Зеленое пятно, поначалу окружавшее лишь базу «Гамма», постепенно расширялось, день ото дня захватывая все новые области.

– Да, на Элио пока что довольны темпами нашего сотрудничества. – Произнес он.

– Простите, сэр, я хотел спросить, как они утилизируют корабли? – Поинтересовался техник.

Вадим Петрович усмехнулся.

– Здесь все просто, Джейкоб. – Ответил он. – Для «Нибелунгов» рассчитана особая точка гиперпространственного перехода, всего в нескольких миллионах километров от звезды системы Элио. Они покидают гиперсферу и тут же сгорают. Никаких хлопот, специального оборудования,

а главное – лишнего информационного шума.

– Придумано неплохо. Хотя в свое время мы то же иногда пользовались услугами родного солнца, – просто разгоняли отслужившие свое станции по траектории сближения со светилом. Обычно они сгорали сразу за орбитой Меркурия. – Он взглянул в окно на истекающие знойным маревом стеклобетонные равнины космопорта и добавил:

– Разрешите идти, Вадим Петрович?

– Да, Джейкоб, я тебя не задерживаю.

* * *

Четверо андроидов двигались быстро и бесшумно, стараясь не оставлять следов. Они уже удалились от места разбушевавшегося пожара на пятнадцать километров, когда Хоук поднял руку в предупреждающем жесте.

Некоторые машинальные человеческие привычки сидели в рассудке слишком крепко. Впрочем, если говорить откровенно, никому из них не хотелось сознательно отказываться от той малости присущих людям качеств, что сохранили искусственные нейронные сети «Одиночек». Конечно, обмен данными на уровне машинного кода быстрее и эффективнее любого самого красноречивого жеста, но ни один из четверых дройдов не желал признавать себя хорошо отлаженным механизмом. Плевать, что ими движут сервомоторы, а мимика лица починена сложным программам, управляющими микроприводами, – они *ощущали себя людьми*, и стремились не потерять, а наоборот, как можно прочнее закрепить это чувство в собственном сознании.

– Что там? – Оглядываясь по сторонам, осведомился Сейч. Среди маскирующих металлизированных лесопосадок встроенные сканеры не давали и сотой доли той информации, что доступна взгляду.

– Похоже на вход в бункер. – Ответил Хоук. – Осмотрим? Нам нужно достать оружие.

– Давай. Только предупреждаю: соблюдать осторожность, никакого геройства. Пеноплоть не заживает, не забывайте об этом.

– В рукопашную с системами охраны? – Не поддержал их Вергилий. – С головой не дружите, парни?

– Помолчи. У нас нет времени мыкаться по этому лесу. Забыл, что на всю операцию отведены всего сутки? Завтра старт очередной партии «Нибелунгов». Мы должны успеть, на посадку, иначе взлетим на воздух

вместе с «Гаммой».

– Мне бы твою уверенность Джон. Говоришь так, будто уже заминировал реактор.

– Я же попросил – заткнись. Действуем парами. Мы со Станиславом выбиваем дверь, похоже, она едва держится. Хоук, Вергилий включите все сканирующие устройства. Осматриваете проход. Дальше действуем по обстановке. Если обнаружим работающие энергоцепи, внутрь действительно соваться не будем, поищем что-нибудь попроще. Эх… Мне бы сейчас в рубку моего «Фалангера». – Мечтательно произнес он и добавил, обращаясь к Донецкому:

– Давай, разом!

Удар вышиб обветшавшие двери, открыв узкий провал входа, за которым гнездился мрак.

– Ну что там? – Спросил Сейч, вжимаясь в простенок.

– На входе чисто. Внутри металл. Дальше сканеры «вязнут». Слишком много экранированного оборудования.

– Хорошо. Я захожу первым. Если через минуту от меня не будет сигнала, – на выручку не лезть.

С этими словами он шагнул во мрак подземелья.

…

Сразу за порогом вниз уходили гулкие ступени изрядно проржавевшей металлической лестницы. Сейч прекрасно различал ее пролет в зеленоватом мерцании инфракрасного видения.

Мрак. Тишина. Жаль, невозможно вдохнуть, иначе почувствовал бы трепещущими от возбуждения ноздрями затхлый запах покинутого бункера, тонкие флюиды той отгремевшей тысячу лет назад войны, с которой ему довелось вернуться таким вот противоестественным образом.

Каждый шаг отдавался гулким эхом. Впереди и внизу начали проступать контуры аппаратуры, и он тот час безошибочно узнал помещение поста управления автоматизированной пусковой шахты, предназначенной для подземного старта ракет класса земля-космос.

Разве у машины есть нервы? – Невольно подумалось ему. Джон знал точный ответ на заданный самому себе вопрос, но тем не менее он ощущал, как жутко давит на него обстановка давно омертвевшего заброшенного бункера.

Более того, он радовался этому чувству, как ребенок.

Внутри, там, где располагались гироскоп самостабилизации, узел сервоприводов и дымчатый шар из бронепластика, заключавший в себе процессорные устройства, что-то глухо саднило, – система воспринимала

программный сбой, но как он был приятен капитану Сейчу… до сладкого, туманящего рассудок желания: пусть бы сейчас что-нибудь шевельнулось в запустении заброшенного бункера, и как внезапный выброс адреналина *ожила бы память,* порождая фантомные ощущения шума в ушах и солоноватого, железистого привкуса крови во рту.

Грезы.

Байты травматической памяти давно погибшего человека.

Ничего. Ради натурального ощущения жизни он был готов на все. А если этот холодный расчетливый старик вздумает их кинуть, Джон знал, как следует потупить. Он *уже* очнулся от многовекового забвения и не собирался вновь погружаться в него. Жизнь, даже в таких ощущениях, казалась прекрасным даром, который он почему-то не ценил раньше.

Все. Хватит о бренном. Вперед.

Через минуту, спустившись по лестнице и осмотрев тесные помещения небольшого бункера, он обнаружил искомое: один из отсеков подземного укрепления был оборудован для проживания смены дежурных операторов на случай отказа кибернетических систем управления стартовым комплексом.

Тут же находилась небольшая оружейная комната.

Без труда открыв обесточенный замок, Сейч с усилием сдвинул в сторону массивную бронированную дверь и заглянул внутрь.

То, что нужно. Он сделал шаг по узкому проходу, наугад сорвав пломбы с одного из вмонтированных в стену металлических шкафов. Внутри находился полный комплект боевой экипировки, отдельно, в специальных отсеках хранилась импульсная винтовка системы ИМ-12 и боекомплект к ней.

Сейч взял оружие, привычным движением открыл спрятанное в волокончатом прикладе гнездо, вставил в него заранее приготовленный элемент питания, и в кромешной тьме тесного помещения преданно осветился крохотный экран счетчика зарядов. Маленькое окошко высветило зеленоватые нули, и Джон, усмехнувшись резким движением вогнал в пистолетную рукоятку оружия обойму с боекомплектом.

Раздался характерный, сухой щелчок электромагнита, и цифры поменяли значение.

Вот теперь полный порядок… – удовлетворенно подумал Сейч. В эту минуту он впервые ощутил себя прежним – спокойным, уверенным, готовым к любым неожиданным оборотам судьбы.

Ему пришлось вернуться на один пролет лестницы, чтобы связаться с оставшимися наверху:

– Все чисто. Можете спускаться.

* * *

Юнона. Двенадцать часов спустя.

Четыре человекоподобные машины, совершив рискованное восхождение по обрывистым клонам ущелья, только перед рассветом сумели отыскать удобную позицию для наблюдения.

– Короче, старик нас «кинул». – Произнес Донецкий, после того как системы сканирования завершили тридцатиминутный цикл работы, зафиксировав каждый камушек на участке горного плато, под которым располагались основные коммуникации «Гаммы».

– Да. – Лаконично согласился с ним Вергилий. – Либо нам придется разделиться на пары, либо мы не успеем…

– План Коха вообще нереален. – Оборвал его рассуждения Сейч. – Толку с того, что просматривается термальный всплеск от работы реактора? Он расположен на глубине в километр, это если вертикально, по прямой. А по проходам – считай все пять, если не больше.

– Дело не в реакторе. – Вступил в обсуждение Хоук. – И даже не в системах охраны. Это идиотское условие относительно Полуэктова, вот где загвоздка. Пока мы найдем способ схватить его, и изолировать на безопасном удалении от базы, пройдут не сутки и не двое…

– А я считаю, что все пункты плана невыполнимы. – Упрямо произнес Донецкий. – Даже если мы проникнем в зону машинных залов реактора, нам не успеть выбраться оттуда до запланированного старта «Нибелунгов».

– Значит нужно менять план. – Зло отреагировал Сейч.

– В смысле?

– Пусть Кох со своими «непременными условиями» катиться к Фрайгу. Мы взорвем «Гамму», вместе со всеми кибернетическими потрохами и живыми обитателями, а затем уйдем на «Нибелунге». Их старт автоматизирован, так что проблем не будет. Главное – гарантированно уничтожить «Гамму», чтобы от нее осталась только одна огромная воронка.

– Но Кох… – Попытался возразить Вергилий.

– Герхарду мы скажем, только то, что сочтем нужным. К примеру: мы захватили «Фантом», и пока трое занимались реактором базы, четвертый увез Полуэктова на другое полушарие Юноны, где и бросил. Как он сможет проверить подобное утверждение?

– Но ведь впоследствии все равно станет ясно, что Полуэктов погиб. – Попытался возразить Станислав.

– А мы здесь при чем? – Пожал плечами Сейч. – Если его

драгоценный Вадим Петрович канет без вести, тому может найтись масса причин. Мы *вывезли его*, и остальное не наши проблемы. Не смог вернуться, не выжил, оставшись один, заблудился и умер.

– Ну, хорошо. Допустим. – Донецкий вновь посмотрел вниз, где крохотные фигурки сновали меж огромных штурмовых носителей, подготавливая их к предстоящему старту. – А как за оставшиеся часы ты собираешься ликвидировать «Гамму»?

– Видишь на суммирующей схеме сканирования магистральный тоннель?

– Ну? Я еще вижу тепловые засечки, расположенные через каждые триста метров. Что, по-твоему, потребляет столько энергии?

– Охранные комплексы. – Спокойно ответил Сейч.

– И как, будешь штурмовать каждый из них? – Со злой иронией поинтересовался Станислав.

– Я их просто *смету*, – Ответил Джон, переключая свою передающую систему на общий канал обмена данными, чтобы остальные смогли воспринимать картинку с его видеокамер.

Особняком, в полукилометре от штурмовых носителей под временными навесами стояли серв-машины. Двадцать «Фалангеров» и семь «Хоплитов».

– Это, судя по всему, следующая партия, которую готовят для послезавтрашнего старта оставшихся «Нибелунгов». Обратите внимание на данные проникающего сканирования. Ректоры машин работают на десяти процентах мощности. Артпогреба загружены.

– Они что идиоты? – Задался закономерным вопросом Вергилий. – Зачем оставлять боекомплект? Почему машины не разоружены?

– Они как раз не идиоты. – Ответил ему Сейч. – «Нибелунги» не резиновые, а каждый «Фалангер» несет в себе пять тонн боекомплекта. Если разгрузить все серв-машины, понадобиться и третья, и четвертая волна кораблей для доставки всего снаряжения в зону утилизации на Элио. А машины без управляющих модулей, как тебе должно быть известно, способны лишь к элементарным операциям по перемещению.

– Ты хочешь захватить их?

– Естественно. Обратите внимание на габариты магистрального тоннеля. Он явно рассчитан под серв-машины. Из нас только я в совершенстве владею «Фалангером», в паре со мной пойдет Донецкий на «Хоплите». Мы взломаем главные ворота «Гаммы», и с боем пройдем весь тоннель. На нижних горизонтах нам станет доступна для сканирования система охлаждения реактора и точная схема расположение машинных

залов. Думаю, мы не станем разрушать оболочку ядра силовой установки, только отрежем активную зону от систем управления и нарушим контуры трубопроводов охлаждения. Это неизбежно приведет к взрыву, но не сразу, а с определенной задержкой, так что у нас будет время для возвращения на поверхность. Главным и самым трудным будет точный расчет живучести аварийных подсистем реактора. Без централизованного управления они смогут бороться с неполадками лишь некоторое время. Необходимо чтобы взрыв произошел уже после старта «Нибелунгов»

– А что будем делать мы с Хоуком? – поинтересовался Вергилий.

– Вы на двух «Хоплитах» удерживаете устье тоннеля, и одновременно блокируете стартовую площадку, чтобы никто не смог внести коррективы в программу автоматического старта «Нибелунгов».

– Рискованный план. И трудновыполнимый.

– Не тебе судить.

– Это почему?

– Ты не знаком с серв-машинами и потому не представляешь, что такое боевая связка «Фалангер» – «Хоплит»[17], когда ими управляют настоящие пилоты.

– Звучит угрожающе. А вот как будет на деле?

– А что можешь предложить ты? – Обозлился Сейч. – Ты доволен своим новым телом? Может, плюнешь на все и останешься тут, будешь прятаться по лесам, или обживешь какую-нибудь пещеру? Давай. Никто тебя не держит.

– Хватит спорить. – Вмешался Донецкий. – Сейч прав. Кто не рискует, тот не пьет шампанского. А я хочу напиться. Понимаешь это, Вергилий? Хочу чувствовать, дышать, и готов рисковать. Джон правильно сказал – ты никогда не водил серв-машину. В опытных руках она… – Он не договорил, понимая, что некоторые ощущения невозможно передать словами. – Короче, давайте решать. Вот-вот начнется рассвет.

– Я – «за». – Лаконично ответил Хоук.

– Ну, Вергилий?

– Что? – Огрызнулся тот. – Мне оставили выбор?

– В таком случае не дергайся. Хоук тебе поможет.

– А ты обратил внимание на патрульную группу?

– Обратил. Не беспокойся о ней, дай только добраться до рубки управления. Все. Прения закрыты. – Сейч сплюнул бы, если б мог. – Спускаемся к плато быстро и незаметно. Придется сделать крюк, чтобы зайти со стороны маскирующих лесопосадок. Я и Станислав первыми

проникаем в машины, Хоук и ты Вергилий ждете, пока мы не начнем действовать. Как только начнется бой с патрульной группой, – ваша очередь. Вперед не лезть, в крайнем случае поддержите нас огнем. Когда мы взломаем створы тоннеля, выдвигаетесь в зону ответственности и держите ее до нашего возвращения. Хоук ты сможешь открыть аппарель «Нибелунга»?

– Смогу.

– Подготовишь для нас парковочные места на борту?

– Да, с этим я справлюсь.

– Тогда все, пошли.

* * *

Над Юноной занимался бледный рассвет. Утро выдалось безоблачным, но туманным. Молочно-белая пелена ползла по склонам предгорий; кажущийся мрачным вековой лес как будто выталкивал эфемерные языки испарений из-под шатра своих крон.

Воздух был холодным, бодрящим.

Четыре человека поднялись из бункеров в эти ранние утренние часы.

– Прекрасное время для первой тренировки. – Осмотревшись по сторонам, заметил Мэт. – Как ты себя чувствуешь Антон?

– Трудно сказать. Физически все нормально. – Отозвался Беглов, который стоял, опираясь на руку Рейчел. – Сознание будто раздваивается. Трудно сосредоточиться на чем-то определенном.

– Не беда. Привыкнешь. Твое обычное восприятие ничуть не пострадало после имплантации, просто к нему добавились новые, неизвестные твоему разуму ощущения. Они и вызывают двойственность.

– И как мне быть?

– Сейчас понемногу начнем учиться. Тебе необходимо сжиться с кибермодулями, научиться воспринимать реальность новыми искусственными органами чувств.

– Закрой глаза. – Посоветовала Рейчел. – Так легче сосредоточиться.

Антон последовал ее совету.

Ощущения действительно не вписывались в рамки привычного мировосприятия.

Он видел окружающие ландшафты Юноны, но как непохожи стали они на тот пейзаж, что секундой раньше видели его глаза.

Киберпространство. Иного слова Антон подобрать не смог. Вместе

бледных красок занимающего утра, темной молчаливый стены леса и ползущего по склонам тумана он видел какие-то пятна, одни неизменные по форме объему и цвету, другие изменчивые, третьи, постепенно принимающие вид конкретных фигур и предметов, двигались или наоборот застыли, как изваяния: Беглов медленно перемещал свой внутренний взор, не поворачивая при этом головы, как учила его Рейчел. Вот в «поле зрения» сканирующих систем попали «Нибелунги». Антон воспринимал их как сложные многоцветные пространственные модели, словно смотрел не на реальные объекты, а изучал компьютерную схему из наглядного пособия по техническому обслуживанию кораблей. Его импланты воспринимали обшивку как полупрозрачную оболочку, под которой пульсировали тонкие нити энергетических систем, четко просматривали каналы обмена данными бортовой кибернетической сети, – он видел ее узлы, связанные с различными исполнительными агрегатами…

– Хорошо, теперь попробуй осмотреть окрестности. – Вторгся в его мысли голос Анри Сая. – Я совсем недавно проходил через такие же испытания, так что мне хорошо знакомы твои ощущения. Постарайся понять, что темная неподвижная масса – это лес, который экранирует работу сканеров. Попробуй отыскать на его фоне патрульную группу машин, а когда увидишь их, мысленно представь что приближаешься к ним.

– Хорошо. Сейчас попробую.

Беглов не представлял, что мир может выглядеть таким образом. Только теперь он до конца понял, почему Рейчел в самые ответственные моменты закрывала глаза: выходит, в такие минуты ее разум полностью погружался в киберпространство, отвергая обычное зрение, которое в данном случае служило помехой восприятию.

Значит, патрульная группа? Если Антону не изменяла память внешний периметр «Гаммы» на границе с лесом постоянно контролировали две серв-машины, в сопровождении десяти андроидов и нескольких автоматических ботов.

Его мысленный взор медленно перемещался, теперь он уже вполне осознавал, что вокруг него простирается та же панорама окрестностей, постепенно приобретающая перспективу, наполняющаяся все новыми потрясающими подробностями измененного восприятия.

Взять, к примеру, скалы. Они выглядели, словно дымчатое стекло, внутри которого угадывался рисунок трещин, лес же напротив, казался массивной, непроницаемой для взора, темной, приплюснутой к земле массой, словно темно-коричневый наплыв застывшей лавы – сознание

Беглова пока что оперировало доступными воображению ассоциациями, сравнивая новые формы восприятия с чем-то виденным ранее.

Перемещаясь вдоль кромки леса, его взгляд различил контуры серв-машин.

Нет, это не патрульная группа. Реакторы машин виделись тусклыми, едва различимыми пятнами термальных всплесков, энергоцепи не светились, а *тлели*, что выдавало функцию энергосберегающего режима. Антон попробовал соизмерить расстояние и понял, что смотрит на группу машин, предназначенных для последующей отправки в систему Элио. Их вывели на поверхность и расположили под временными навесами, чуть в стороне от руин, окружавших центральный вход в магистральный тоннель «Гаммы».

Он хотел двигаться дальше, в поисках намеченной Саем цели, но Антона внезапно оставило чувство неосознанной тревоги.

В следующий миг Беглов увидел четыре фигуры человекоподобных машин, распластавшихся на земле меж ступоходами исполинских кибермеханизмов.

Почему они лежат?

Ощущения резко изменились. Да, пусть он не имел устойчивых навыков мнемоника, но обладал четкой логикой мышления. Именно она, помноженная на богатый боевой опыт, моментально подхлестнула чувство опасности, сделав его реальнее, резче.

Присмотревшись, Антон понял – андроиды не просто лежат, *ониползут*.

Вот один из них чуть приподнялся, опираясь на локтях, в точности как бы сделал это сам Антон, окажись он на вражеской территории.

Осмотревшись, дройд резко привстал, и, пользуясь тем, что ступоходы серв-машины поджаты, а мощный торс опущен почти к самой земле, точным, умелым, явно доведенным до полного автоматизма движением, вскрыл замки расположенного в днище аварийно-технического люка.

– Ребята у нас проблемы. – Антон не решился открыть глаза, чтобы не потерять четкого ставшего вдруг контрастным восприятия. – Рейчел, Мэт, посмотрите на серв-машины, приготовленные для следующего старта «Нибелунгов».

– Есть, вижу! – Голос Рейчел прозвучал резко и напряженно. – Это не наши андроиды! Один… нет два, взбираются внутрь серв-машин!

* * *

– Они засекли нас! Я это чувствую!

– Быстрее! Шевелись! Мы успеем!...

Люки в днищах «Хоплита» и «Фалангера» открылись одновременно.

Пилот-ложемент. Тесно обступающие кресло приборные панели. Раздвоенное жало шунта, виднеющееся в специальном гнезде за спинкой кресла – знакомые образы, привычная обстановка, сиротливые огни резерва, – будто растаяла тысяча лет, и прошлое рванулось навстречу глубинным воспоминаниям, материализуясь в неистовом всплеске индикационных сигналов, когда Сейч сел в кресло, машинально потянув из гнезда наконечник шунта.

Тот мягко вошел в височное гнездо, имитирующее стандартный имплант, за которым скрывался кристалломодуль «Одиночки».

Озарение. Вспышка. Возрождение.

Шестьдесят тонн брони, электроники, сервоприводов, ужасающая, *вожделенная* мощь, к которой рассудок невольно тянулся все эти дни в обрывочных, но ярких воспоминаниях.

Активация.

«Фалангер» вздрогнул, выпрямляя ступоходы. Рубка серв-машины поднялась на высоту девяти метров, с гулом начал раскручиваться гироскоп самостабилизации, тестовые сигналы цвели зловещим узором, подтверждающим дееспособность всех систем внезапно разбуженного кибермеханизма.

Мощность реактора – тридцать процентов.

Загрузка боекомплекта.

Тонкая вибрация боевых эскалаторов ощущалась, как собственный пульс.

Сенсоры… Порядок.

Активация завершена.

«Фалангер» Сейча ожил. Под мощным бронированным выступом, предохраняющим рубку от атак с верхней полусферы, словно два узких раскосых глаза затлели, испуская красноватое сияние, датчики термальной оптики, затем раздался характерный ноющий звук главного сервомотора, и машина сделал первый шаг, одновременно чуть повернув рубку, ориентируя ракетные комплексы по направлению активного сигнала приближающейся патрульной группы.

– Сейч, – раздался на частоте связи голос Донецкого. – Справа в ангаре два «Беркута»! Они в режиме активации!

Рубка «Фалангера» резко развернулась в указанном направлении.

Верно, Фрайг побери!

– Хоук, Вергилий, план изменился. По машинам!

Отдав приказ, Сейч уже более не думал ни о прошлом, ни о будущем.

Остался лишь миг настоящего. Бой, последний бой в его жизни, который поставит, наконец, жирную точку в изматывающей веренице схваток, даст ему все… либо окончательно низвергнет в бездну небытия.

Откуда тут взялись «Беркуты»? Неужели реликты Дабога? Или случайно уцелевшие машины колониальных войск, пытавшихся высадиться на Юнону?

Какая разница? *Они в режиме активации.*

Мысли сжимались в ничтожные отрезки миллисекунд.

Правое орудие, боекомплект загружен, тест пройден.

– Стас, прикрывай. Атакую!

Прошлое вернулось. Оно вошло в рассудок как раскаленный прут, выжигая все сторонние мысли, ввергая разум в смертельный водоворот схватки.

Сейч не преувеличивал когда говорил Вергилию о том, что «Фалангер» в опытных руках – это страшная, непобедимая машина.

Расчет вероятностей.

Боевые сопроцессоры ощущались как раскаленные, натянутые до предела нервы.

Тонкие неприметные жгуты интерфейсов гнали потоки байт, оцифровывая фрагмент мироздания.

Он видел все в сфере трехсот шестидесяти градусов.

Щаг.

Торс «Фалангера» продавил иззубренную стену, и тут же, с резким разворотом, вдруг взорвался залпом всего бортового вооружения: ракетные комплексы разрядились по приближающейся патрульной группе, а секундой позже звонко заговорили орудия, ударив по ангарам, где термальная оптика очерчивала зловещие контуры «Беркутов».

Вторя ему, злобно отработали орудия «Хоплита» Донецкого, а сзади на временной парковочной площадке уже выпрямляли ступоходы еще две легкие серв-машины.

Четыре на четыре.

Крыша ангара с тяжким грохотом осела внутрь.

В двух километрах земля вдруг встала на дыбы, устремляясь в небо – это ракетный залп «Фалангера» накрыл патрульную группу.

Прошло ровно двадцать секунд с момента активации машины, и Сейч пока что не зафиксировал ни одного ответного выстрела.

Боевые эскалаторы преданно вибрировали, меняя боекомплект, на обзорных экранах рубки промелькнули два пустых обойменных лотка, выброшенные из прорезей оружейных пилонов, с мягкими ударами замкнулись электромагнитные затворы автоматических орудий, а устройства перезарядки уже подавали в дымящиеся после залпа пусковые тубусы партию тяжелых ракет класса земля-земля.

Шестидесятитонная серв-машина шла сквозь руины, вздымая облака бетонной пыли, которые тут же смешивалась с тающими полосами тумана и черным, жирным дымом, шлейфы которого уже тянуло ветром со стороны ангаров, к лесу, на опушке которого, засвечивая термальную оптику, разгорался пожар.

* * *

Грохот ударил внезапно.

Сай едва успел активировать системы «Беркута», и огромная машина как раз приподнималась, выпрямляя ступоходы, когда крыша ангара вдруг начала проваливаться внутрь помещения.

Обломки бетона, фрагменты изуродованных металлических балок, осколки механизмов обслуживания – все это обрушилось сверху, молотя по броне, словно снаружи неистовствовал сошедший с ума титан.

– Мэт?

– Порядок. Помяло ферму обслуживания. Не отходит, зараза.

– Сейчас. – Независимая подвеска лазерной турели «Беркута» развернулась, сбрасывая с покатой рубки мелкие обломки бетона от взорванного перекрытия, и разрядилась серией рубиновых вспышек, подрубив заклинившую решетчатую ферму обслуживания.

– Есть. Активаторы заработали. Выпрямляюсь.

– Саша, ворота наверняка заклинило. Будем выходить на прыжковых, через пролом в перекрытии. Приготовься, я сейчас расширю его.

* * *

Они сближались, стремительно и неумолимо.

«Фалангер» Сейча, ведущий за собой звено «Хоплитов», двигался наперерез одиночной серв-машине, которая, каким-то чудом избежала попадания ракет и теперь ее размытый контур, будто призрак перемещался

среди рожденных заревом пожара колеблющихся теней, которые отбрасывали иззубренные стены руин.

Броня «Хамелеон» скрадывала контуры, обманывала зрение, не давая распознать класс серв-машины.

– Это Мерфи… – Внезапно произнесла Рейчел, вслед за Антоном забежав в памятное еще по штурму «Гаммы» здание КПП.

Они не рискнули бежать к главному входу, – момент активации «Фалангера» неожиданный и впечатляющий, отсекал саму мысль о возможности покинуть зону огневого контакта серв-машин. Чтобы достичь надежного укрытия требовались минуты, в то время как действие кибермеханизмов измерялось секундами.

«Фалангер» Сейча двигался напролом, пробивая в руинах узкую просеку, поднимая клубы белесой бетонной пыли, которая служила идеальным прикрытием от систем лазерного наведения.

Он был уверен в себе. За тридцать секунд Джон успел произвести два залпа и полностью завершить процесс перезарядки.

Следовавший за ним «Хоплит» Донецкого внезапно отклонился от курса ведущего, шагнув вправо, вдоль бывшей улицы.

– В чем дело?

– Термальные всплески! Беркуты!

Из-под проломленной крыши ангара внезапно вырвался луч теплового лазера, он словно раскаленная нихромовая нить очертил идеальный круг, и часть крыши вместе с покореженными стальными балками окончательно обрушилась внутрь, освобождая пространство для маневра.

– Реактивные ускорители!

Комментарий опоздал. Изнутри приземистого здания полыхнул ослепительный огонь, он выплескивался наружу через трещины и разломы в стенах, словно там, внутри, разлили напалм…

Два силуэта серв-машин, объятые пламенем, рвущимся из реактивных ускорителей, взмыли над руинами, и тут же изменили вектор тяги, снижаясь в длинном прыжке по пологой баллистической траектории.

Четыре серии рубиновых молний наискось перечеркнули разрушенный квартал: удары когерентного излучения взрывали стены, заставляли гореть едкую бетонную пыль, мгновенно превращая ее в раскаленное облако.

Сейч невнятно выругался, резко уводя «Фалангера» в первый открывшийся проулок. «Беркутами» управляли отнюдь не дилетанты, – пилоты легендарных машин Дабога сумели не только благополучно вырваться из ангара, но и обернули импровизированную пылевую защиту

против врага.

– Атакуем «Беркутов»! – Джон едва ли осознавал, что выкрикнул команду в коммуникатор, игнорируя канал прямого обмена данными.

– Понял.

«Хоплит» Донецкого не пострадал, он вовремя распознал опасность и успел отвернуть в сторону, а вот Хоук с Вергилием, двигавшиеся в плотном пылевом облаке, оказались в эпицентре неистовой вспышки, когда раскаленные лазерами микрочастицы бетона вдруг начали сгорать, превращаясь в сажу.

– Я ничего не вижу! Отказали датчики внешних сенсоров! – Раздался по связи вырвавшийся у Вергилия возглас.

Хоук молчал, и это насторожило Сейча больше чем панический возглас.

– Оба, оставайтесь на месте! Сейчас автоматически включиться резервный локационный комплекс. Не паниковать. Тридцать градусов к югу, активная цель. Не дайте ему зайти в тыл. Мы атакуем «Беркутов»!

Секунды.

Драгоценные секунды. Они утекали в бесконечность, давая противнику явную фору.

– Стас, дай координаты!

Донецкий тут же включил канал телеметрии со своих сенсоров. Ага, вот они…

Времени выпускать дополнительные упоры не было, и Сейч не задумываясь, использовал проверенный прием, – он произвел залп из всех пусковых установок, как только за спиной его машины оказалась прочная стена из толстого армированного стеклобетона.

Древнее КПП содрогнулось, когда его лизнуло пламя беглого ракетного запуска, а затем шестьдесят тонн, составляющие вес «Фалангера», обрушились на стену, покрывая ее замысловатым узором трещин.

Серв-машина не опрокинулась, под аккомпанемент оглушительного треска разламывающегося стеклобетона гулко взвыли активаторы, возвращая «Фалангеру» Сейча утерянную в момент залпа остойчивость. Он снова выпрямился, разворачивая рубку, и правое орудие звонко разрядилось очередью из пяти снарядов.

– Есть! Ты попал!

– Вижу! – Джон, не смотря на все искусство вождения и личное самообладание, все же с трудом сохранял равновесие.

Минута.

Вдали, там, где приземлились «Беркуты», в небеса столбом уходил жирный шлейф дыма.

Один из них теперь точно не в счет…

Сейч, наконец, стабилизировал машину. Автоматы перезарядки работали, меняя боекомплект; но на этот раз Джон сознательно отказался от использования тяжелых реактивных снарядов, – в бою на короткой дистанции они неприменимы, а «Беркутов» нужно добить, пока их пилоты не пришли в себя после точного, сокрушительного залпа.

* * *

Донецкий не ошибся, докладывая о попадании. Ракетный залп «Фалангера» настиг машины Мета и Сая когда они едва коснулись поверхности Юноны, и активаторы еще восстанавливали равновесие.

Ни одна из боевых частей не поразила «Беркутов» но разрывы легли так плотно и близко, что осколками серьезно повредило броню, а у машины Мета пробило защитные кожухи правой лазерной установки.

– Сай, у меня резко растет температура. Устройство накачки вышло из-под контроля!

– Сбрасывай его! Экстренный отстрел!

– Понял. Уже делаю. – Голос Мэта был неестественно спокоен. – Есть. – Спустя несколько секунд сообщил он. – Правый лазер сошел с пилона.

– Отлично, теперь двигаем отсюда! Я атакую «Фалангера», ты прикрываешь.

…

Они стремительно сближались, двигаясь навстречу друг другу.

Словно вернулось прошлое, и история ожила в страшном отнюдь не театрализованном действии.

Два «Беркута» с планеты Дабог синхронно повернули к руинам, среди которых двигались «Хоплит» и «Фалангер».

Диск звезды величественно вставал над далекой линией горизонта, сумерки еще не растаяли полностью, тени прятались по углам, резко удлинялись в моменты стробоскопических вспышек… Руины дрожали, земля передавала глухие толчки, рожденные тяжкой поступью серв-машин, но, казалось, что мир Юноны замер, в ожидании страшной развязки, которая близилась, по мере сокращения дистанции между шагающими исполинами.

…

– Мэт, возьми на себя ведомого. Держи его на дистанции!

– Сделаю.

«Беркуты» разделились.

Машина Мэта, лишившаяся половины огневой мощи, резко отвернула в сторону, демонстрируя «Хоплиту» свое намерение зайти во фланг.

Сай и Сейч оказались практически на одной линии, их тяжелые машины не маневрировали, они сближались, не избирая дороги, проламывая огромные бреши в древних стенах, периодически освещая руины отрывистыми вспышками работы орудийных установок, либо короткими, слепящими росчерками когерентного излучения.

Первым в атаку перешел «Беркут».

В реактивных ускорителях еще оставалось топливо для короткого прыжка, и Сай, заметив брешь в перекрытии здания, на миг остановил «Беркута».

До «Фалангера» оставалось менее полукилометра.

Если бы не иззубренные стены руин, они давно вступили бы в прямой огневой контакт, а так каждый выжидал, пытаясь занять более выгодную позицию для единственного залпа, который станет убийственным.

…

Сейч отчетливо видел «Беркута». Вот он проломил стену и застыл, на миг затаившись внутри одноэтажного строения с обвалившейся крышей.

Сейчас я его сделаю…

Джон прекрасно понимал, что «Беркутом» управляет не киберсистема, а человек.

«Фалангер» вышел в узкий разлом улицы, и независимые подвески орудий синхронно повернулись, нацеливаясь на здание, внутри которого находилась машина с Дабога.

Левое орудие послало очередь в стену, пробив в ней брешь точно на уровне рубки «Беркута», и тут же правая орудийная установка разрядилась в образовавшееся отверстие.

Снаряды влетели в пролом, когда Сай уже коснулся сенсора активации прыжковых ускорителей.

Неистовое пламя на миг озарило все вокруг. Сейч, не ожидавший такого эффекта от попадания, в первый момент не сообразил, что наблюдает отнюдь не последствия залпа.

Он понял свою ошибку, когда исполинская фигура серв-машины, словно кошмарный призрак появилась над зданием.

Часть снарядов все же попала в цель, сорвав бронепластины с

нижнего сегмента рубки, но Джон отчетливо осознал: он проиграл, вчистую. На осмысление ситуации ушли доли секунды. Повреждения, полученные «Беркутом» не являлись критическими, его пилот остался жив, и в подтверждение этому лазерные установки объятого пламенем прыжковых двигателей исполинского кибермеханического реликта синхронно разрядились, вспарывая верхний слой брони «Фалангера»…

Реверс.

Сейч успел подать машину назад, принимая жалящие лучи на утолщенный козырек брони, закрывающий рубку, но энергия когерентного излучения вмиг размягчила тугоплавкий керамлит, который вдруг *потек*, образуя уродливые наплывы вокруг дымящейся дыры.

В рубке резко поднялась температура, изнутри консолей начали высачиваться струйки едкого сизого дыма, со звоном лопнуло несколько экранов, но повреждения машины уже не волновали Сейча.

Он не собирался проигрывать этот бой.

Сейчас в его сознании клокотала настоящая необузданная ярость, он все глубже погружался в пучины вышедших из под контроля рассудка эмоций, которые когда-то запомнила нейросеть «Одиночки».

Недоступная для машины мотивация поступков, спасла его: Сейч потратил всего лишь несколько секунд, отдавая приказы автопилоту поврежденной машины, затем вырвал шунт нейросенсорного контакта, из височного импланта и выскользнул в автоматически открывшийся люк, оказавшись между ступоходами поврежденной серв-машины.

Прыжок с семиметровой высоты не причинил вреда андроиду. Его пеноплоть и без того пострадала от нестерпимого жара, местами она обуглилась, лопнула и свернулась, обнажая тусклый металлокерамический сплав, но Сейчу было плевать на свой внешний вид. Он стремился лишь к одному – победе.

Оставленный «Фалангер» подчиняясь указаниям автопилота тяжкой поступью двинулся вдоль улицы, сотрясая окрестности тактовыми очередями орудий.

Сейч, используя отвлекающий маневр машины, ринулся назад, к парковочной площадке, где, освещенные багряными лучами встающей над горизонтом звезды, виднелись контуры резервных кибермеханизмов.

* * *

Для Сая прыжковый маневр «Беркута» завершился болезненным

ударом.

Он лишь усилием воли сумел удержать свое сознание на зыбкой грани помутившейся реальности, стараясь не упустить ни одной подробности происходящего.

Судя по поведению «Фалангера», который теперь двигался по прямой, огрызаясь хлесткими очередями из орудий, его пилот, либо управляющий кристалломодуль, уже был вне игры.

Справившись с последствиями жесткого приземления Анри развернул машину, нацеливаясь на «Хоплита», который затеял затяжную дуэль с «Беркутом» Мета, пытаясь повредить вторую лазерную установку. Силуэт легкой серв-машины стремительно двигался среди руин, грамотно, профессионально уходя из под огня, но теперь его участь была предрешена, – вдвоем они без труда справятся с ним.

– Саша, я иду к тебе. Отступай к КПП, потяни за собой «Хоплита», открой его для меня!

– Понял…

«Беркут» Сая с трудом развернулся. Левый активатор работал с натужным скрежетом, к тому же центр тяжести машины заметно сместился: залп «Фалангера» срезал с нижней части рубки как минимум тонну брони, и гироскоп самостабилизации с трудом поддерживал равновесие.

Машина Мэта тем временем уже существенно продвинулась к приметному зданию КПП, увлекая за собой более резвого, но осторожного противника.

Расчет ситуации вполне удовлетворил Сая. Взглянув на тактический монитор, он понял, что траектории движения всех машин неизбежно сходятся на относительно свободном пространстве, где многострадальные руины уже не смогут послужить прикрытием для подвижного «Хоплита».

Из-за поврежденного активатора «Беркут» двигался медленно, но Анри чувствовал что успеет. У него даже осталось время, для беглого сканирования окрестностей. Данные тактической системы указывали, что две легкие серв-машины противника, до этого неподвижно стоявшие меж руин, реактивировались и медленно, осторожно, подтягиваются к окраине разрушенных давней орбитальной бомбардировкой построек.

Непонятно кто управлял ими, слишком неуклюжими выглядели действия второго и третьего ведомых бесноватого «Фалангера», который в данный момент продолжал двигаться по прямой в сторону леса, бессмысленно оплевываясь очередями автоматических орудий.

Здание КПП приближалось, а вместе с ним близилась развязка

внезапного, необъяснимого боестолкновения.

Сай уже вывел «Беркута» из зоны сплошных руин и остановился, разворачивая торс машины, давая автоматике возможность зафиксировать «Хоплита», который продолжал упорно преследовать отступающую машину Мэта.

Маркер предварительной наводки подсветился алым.

Сай чувствовал, как глухо пульсирует кровь в висках.

До залпа оставались считанные секунды.

В этот момент правее КПП, за спиной машины Мэта появился «Фалангер» патрульной группы. Серьезно поврежденный ракетным залпом, он все же сумел добраться до места основных событий, и тут же включился в схватку, – Сай видел, как он разворачивается, явно собираясь атаковать двух медлительных «Хоплитов» противника, которые показались на границе разрушенного квартала.

По показаниям радара выходило, что все кибермеханизмы сейчас вышли на короткую дистанцию огня, образовав опасное, плотное построение по краям обширной площадки, примыкающей к зданию КПП.

Ближайшие секунды должны были решить исход схватки.

* * *

Смерть.

Это понятие полонило Вселенную разума.

Сейч ощущал смертельную тоску. Он вновь находился в рубке исправного «Фалангера», и до вожделенной победы, которую он был способен вырвать любой ценой, оставалось сделать лишь пару титанических шагов.

Он отлично видел сгруппировавшиеся подле КПП серв-машины.

Все… Вот она – позиция.

Гидравлические упоры коснулись почвы и начали вдавливаться в нее, приподнимая торс «Фалангера».

Залп ракетных установок накроет всех – и «Беркутов», и потянувшуюся к месту схватки тяжелую машину из состава патрульной группы, и легких «Хоплитов», которыми так бестолково управляли Хоук с Вергилием.

Плевать. Жаль Донецкого, но все одно – плевать.

На войне, как и в природе, выживает сильнейший.

Он оказался готов к смертельной схватке – они же – нет.

Отчего тогда гложет разум смертельная тоска?

Сколько раз он погибал и вновь, как мифический феникс, восставал из праха, чтобы снова сгореть в техногенном аду?

Его разум запомнил лишь бесконечную агонию. Она словно махровое полотнище черноты колыхалась перед внутренним взором, застилая все вокруг черно-серой хмарью.

Он останется жить. Выйдет победителем из очередной схватки, лишь потому, что давно разучился совершать что-либо, отличное от разрушения и убийства.

Кусочек сознания, истерзанный боями, заключенный в ловушку вечности.

Он не видел выхода из предписанного ему узилища.

Сейчас Джон не думал о будущем, его не было… давно не было, и сладкие грезы, навеянные словами Коха, – это лишь мимолетный бред, потому что его душа сгорела: нечему возрождаться в новом теле, и пусть он получит плоть, родиться заново в тысячу первый раз… но все равно его истерзанный рассудок по-прежнему будет жить критериями смерти, требовать ее, как наркотик…

…Упоры остановились.

Еще мгновенье и последует залп.

* * *

Короткие мгновенья схватки титанических машин навек отпечатались в разуме Рейчел.

Она не воспринимала реальность, ее сознание полностью переключилось на восприятие киберпространства, и, в отличие от остальных, она отчетливо видела, как из покалеченного «Фалангера» выскользнула фигура андроида, чтобы спустя минуту завладеть новой серв-машиной.

Теперь он, используя напряжение боя, когда разум любого пилота сконцентрирован на конкретном, уже избранном противнике, незаметно вывел исправный кибермеханизм на позицию, подходящую для залпового запуска тяжелых ракет.

…

Стены КПП ощутимо колебались от тяжкой поступи сближающихся исполинов.

Беглов, который ничего не мог предпринять в сложившейся ситуации,

полностью дезориентированный двойственным восприятием событий, впервые в жизни ощущал себя *вне боя*.

Что он мог противопоставить той силе, что сметала целые здания, превращая в прах толстые стены?

Сидеть внутри КПП было невыносимо, покинуть его – равносильно самоубийству. Если бы он имел опыт Рейчел, то, наверное, смог бы воздействовать на киберсистемы отсюда, как-то вмешаться в ход схватки, изменить баланс сил.

Он открыл глаза и обернулся, не в силах созерцать чудовищные контуры механических исполинов со всех сторон подступающих к зданию.

– Рейчел…

Антон похолодел, увидев открытую металлическую дверь.

– Рейчел!...

Он рванулся в открытый дверной проем, понимая, что уже слишком поздно…

…

Сейч увидел ее за мгновенье до залпа.

Фигура молодой женщины, появившаяся на площади перед зданием КПП, казалась видением из иного мира. Он не мог разобрать черт ее лица, воспринимая лишь образ, – хрупкий нежный образ *женщины*, который своим появлением вдруг разорвал тугую тьму, словно остановился тяжкий водоворот смертей, и из-за непроглядных свинцово-серых туч внезапно вырвался косой столб света, не озаривший ее, но обнаживший беззащитность хрупкого нереального образа…

Он чувствовал, как убегают секунды, а зов смерти становиться похожим на рокот, глухо, отдаленно плещущий словно прибой…

Жизнь.

Понятие, которому не было места в его рассудке. Он потерял его среди бесконечной вереницы испепеляющих рассудок и душу схваток, обронил, не заметив, что теряет навсегда.

И вот оно внезапно вернулось, словно теплая ладонь на миг закрыла глаза Сейча, наполняя его рассудок иными воспоминаниями.

Новое чувство ошеломило его, оно показалось даже более жутким, чем все остальные порывы и помыслы.

Он знал лишь один способ избавиться от внезапного наваждения.

Сейчас он коснется сенсора огня и все исчезнет во всеобъемлющей вспышке…

Уйдет не к месту очнувшаяся тоска, исчезнет саднящая боль, останутся лишь привычные стремления, да издевательский, хохочущий зов

смерти.

Он победит.

Победит. Взорвет. Разрушит. Вырвется отсюда, чтобы снова вступить в смертельную схватку с другими людьми и снова убивать, потому что…

Потому что я больше не умею НИЧЕГО.

Ему стало страшно. Он отшатнулся от самого себя, и зов смерти вдруг стал иным, – таким же жестким и требовательным как раньше, но несущим другую истому ожидания.

Он внезапно понял, что может освободиться.

Освободиться раз и навсегда, единожды победить *по-настоящему*, окончательно, бесповоротно.

Рука капитана Сейча соскользнула с панели управления огнем.

Он смотрел в глаза смерти.

Своей смерти.

Теперь он звал ее, захлебываясь лающим, издевательским хохотом, а она вдруг попятилась, словно в мире существовало что-то, способное напугать костлявую старуху.

Ну, иди же сюда, сволочь!...

Эпилог

Рейчел стояла посреди изрытой воронками, вспаханной ступоходами площади и… *молчала*.

Исполинские серв-машины, возвышающиеся над руинами, останавливались одна за другой.

Она не приказывала им, не просила, не вмешивалась в работу кибернетических сетей, – Рейчел лишь передавала на открытой частоте связи образ, снятый с внутренней системы мониторинга рубки изготовившегося к залпу «Фалангера».

В кресле пилот ложемента сидел андроид.

Кожа на его лице почернела, обуглилась, обнажая тонкие серебристые нити металлизированных приводов.

Это был Джон Сейч.

Его искалеченные потрескавшиеся губы улыбались, кривясь в жутком ожидании смерти.

Он еще не знал, что она не придет.

Больше не придет. Никогда.

Он прошел свой тест Линии Огня, заслужив право на повторное испытание для тысяч серийных «Одиночек».

…

Рука Сая отпустила гашетку лазерных комплексов.

Он понял, что произошло, но раньше других в эфире раздался чуть хрипловатый голос Алана Мерфи:

– Всем пилотам покинуть ложементы. Это приказ. Иначе вы будете уничтожены.

Никто не воспротивился ему, лишь капитан Сейч по-прежнему сидел, в ожидании, когда потоки когерентного света прожгут рубку, освобождая его.

Он еще не понимал, что победил.

Первый раз по-настоящему *победил смерть.*

Ноябрь 2004 – январь 2005 года, город Псков.

notes

Примечания

1

Хаджаг – В системе религиозных обрядов планеты Ганио не паломничество, а подвиг, поступок, демонстрирующий боевые качества достигшего совершеннолетия юноши.

2

РТВ – Робототехническое вооружение.

3

Скрипториум – в древности – помещение для копирования рукописей и книг. В данном случае под термином подразумевается огромная база данных, представленная в форме виртуального мира.

4

Корпы – Сленговое название сотрудников какой-либо корпорации. В частности речь идет о корпорациях Окраины, которые первыми начали применять так называемое «избыточное имплантирование» формируя особую касту специалистов, призванных защищать информационные потоки от вторжения кибрайкеров.

5

Мнемоники – Данный термин пришел в лексикон с планет корпоративной Окраины, где он обозначал людей, разум которых был напрямую связан сразу с несколькими имплантами. Количество дополнительных нейромодулей варьировалось от двух до семи, в зависимости от степени психической устойчивости человека и уровня сложности задач, которые он решал в ходе повседневной работы.

Несколько десятилетий назад такой уровень имплантации считался преступлением, первыми его начали практиковать кибрайкеры, взламывающие компьютерные сети исключительно силой собственного рассудка. Поначалу дополнительные импланты играли роль посредников между человеческим разумом и кибернетическими сетями, позволяя кибрайкерам получать дистанционный доступ к оборудованию станций ГЧ, через которые шли основные информационные потоки Интерстара.

Мнемоники появились несколькими годами позже, когда силам корпоративной безопасности стало ясно, что стандартным средствам защиты не по силам остановить охотников за информацией.

6

Блейд – в переводе с интеранглийского «кровь».

7

Делювий – мелкие обломки породы, скапливающиеся у основания скал в результате естественных процессов эрозии.

8

КСС – Комплекс Снайперской Стрельбы.

9

ОРК – Орудийно-ракетный комплекс. В данном случае речь идет об индивидуальной системе, разработанной специально для бронескафандров. Тубусы ракетной установки крепятся на тыльной стороне запястья. Безоткатное орудие (30 мм) с кассетным питанием установлено на правой плечевой платине. Оба компонента управляются выделенным сопроцессором.

10

"ALON" – буквальный перевод «в одиночестве» (интеранглийский). Кодовое название модуля независимого поведения. Использовался не только в киберсистеме серв-машин, но и в других видах боевой техники. Более распространенное название, ставшее общеупотребимым – «Одиночка».

11

Кибрайкеры и мнемоники – В данном случае речь идет о людях, фактически идентичных по техническим возможностям своих имплантов. Различие между ними первоначально состояло в искусственно моделированном антагонизме: кибрайкеры (устаревшее – хакеры), как правило, осуществляли взлом сетей, несанкционированный доступ к информации или ее подмену (порчу). Мнемоники изначально состояли на службе крупных финансовых или промышленных учреждений, противодействуя виртуальным атакам.

12

СПО – Силы Планетарной Обороны.

13

События романа «Туманность Ориона».

14

События романа «Сон Разума»

15

Два терабайта нанопыли – здесь подразумевается не объем данных, а количество отдельных наномашин.

16

БСК – Боевой Сканирующий Комплекс.

17

Связка «Фалангер» – «Хоплит»17. Здесь следует пояснить: серв-машины класса «Фалангер» относятся к тяжелым видам боевой планетарной техники. Их вес в зависимости от модели варьировался от сорока пяти (в первые годы войны) до шестидесяти тонн. Основное вооружение: ракетные установки большого радиуса действия, крупнокалиберные (150мм) автоматические орудия, реже вместо ракетных установок на оружейных пилонах монтировались лазеры теплового спектра, аналогичные корабельным установкам, входившим в состав комплексов «Прайд». Учитывая эти особенности «Фалангеры» служили для поражения удаленных целей (в том числе и орбитальных), в ближнем бою они часто оказывались уязвимы из-за низкой маневренности и невозможности вести огонь тяжелым ракетами на дистанции прямой наводки, поэтому в ходе боевых действий с учетом накопленного опыта, в подразделениях Альянса получила широкое применение практика так называемых «боевых пар», когда каждый «Фалангер» сопровождался более легким (30-40 тонн) «Хоплитом», который прикрывал ведущего в ближнем бою, вел активную разведку целей, атаковал укрепленные пункты и технику противника, пользуясь огневой поддержкой ведущего.